Федеральное агентство научных организаций России
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы
отдел истории и истории
культуры Башкортостана
Российская академия наук

Река времени. 2015

Уфа – 2015

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)
Р36

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В.А. Иванов
(Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы);
кандидат исторических наук Р.Н. Рахимов
(Российский институт стратегических исследований)

Река времени. 2015 / ответственный редактор М.И. Роднов. — Уфа, 2015. — 168 с.
Р 36
ISBN 978-5-906165-59-6

Седьмой сборник «Река времени. 2015» продолжает тематику предыдущих сборников, включает материалы по истории Уфы и Башкирии с древнейших времён до настоящего времени. Впервые публикуются уникальные источники, в том числе коллекция некрологов, сведения о фондах архива города Кирова (Вятки), особо выделяется подборка статей по истории уфимской светской живописи.

Книга предназначена для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

ISBN 978-5-906165-59-6 © Авторы, 2015

Содержание

Введение 5

По родной земле. 6
Н. Ч. По реке Уфе 6
Турист. Село Охлебинино 11
Ф. Чинден. Озеро Аслы-куль 13
А – въ. Ушаковский парк
(публикация М.И. Роднова) 18

В.Н. Макарова
Уфимские материалы из Вятки 26

Б.А. Азнабаев
Императорский трон Уфимского наместничества. 33

А – въ
Перенесение по Высочайшему повелению,
трона Императрицы Екатерины Алексеевны
из г. Уфы в г. С.-Петербург, в 1797 г. 40

Н.Я. Озерецковский
Путешествие по России (фрагменты)
(публикация Л.Ф. Тагировой. 43

Е.И. Крестьянинова
Башкиры в Ростове конца XVIII – начала XIX века 51

Ю.Н. Узенева
Генерал И.И. Михельсон и его имение Иваново
Невельского уезда Витебской губернии 62

С.Р. Минцлов
«Целительный» Указ Императора ПАВЛА
(публикация и примечание М.И. Роднова 71

И.П. Тюрина, Е.Б. Гончаренко
Иконография и генеалогия купцов Плешановых и дворян
Листовских (на основе собрания портретов из коллекции
Томского областного художественного музея. 78

М.И. Роднов
Начало уфимской живописи 92

А.Л. Чечуха
Уфимский художник Матвей Тимашевский 113

Уфимская некрология
(публикация М.И. Роднова 117

Л.Ф. Григоренко
Памяти В.Г. Хазиева (1937–2015 154

А.Ф. Комов
Памятники старины в средине
северной половины Бирского уезда
(публикация и комментарии И.М. Акбулатова. 157

Введение

Явите милость к моему созданью,
К стихам бесчисленным свой взор склоните,
Внемлите звукам сладостных преданий,
С высот величья к смертным снизойдите
И в повести о доблестных деяньях
Любовь к сынам отечества узрите;
Любовь к отечеству меня томила
И звуки этих песен вдохновила.
(«Лузиады». Луис де Камоэнс. 1524–1580)

В течение 15 лет, хотя и нерегулярно, выходят сборники «Река времени», подготовленные в отделе истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра. Неизменной остаётся их главная тематика – публикация новых источников о прошлом Южного Урала, Башкирии, Уфы (все тексты даются в авторской редакции), а также исследовательских статей по неизвестным ещё сюжетам вплоть до начала XX в.

В этом издании вниманию читателей предлагается подборка материалов по истории края XVIII в., а также уникальные, «забытые» источники – от путевых очерков до некрологов и загадочных археологических памятников. Впервые историки и краеведы республики смогут познакомиться с архивными фондами Вятской земли, соседнего и такого близкого нам региона. А сенсационные находки историка из Ростова Великого Е.И. Крестьяниновой приоткрывают судьбу башкир, вывезенных в XVIII в. в центральные губернии.

Здесь и также впервые в местной историографии предпринята попытка найти свидетельства возникновения и бытования в Уфимском крае с XVIII в. художественной живописи (светской), практически не сохранившейся в фондах музеев.

Традицией становится поминание наших ушедших историков и архивистов. Историки и краеведы Башкирии вспомнят славное имя В.Г. Хазиева (1937–2015). Этот скромный человек был настоящим проводником в таинства архивных сокровищ для нескольких поколений исследователей. Светлая память!

Приглашаем читателя в увлекательное путешествие в мир исторических открытий.

По родной земле

По реке Уфе

Редкий из уфимцев не путешествовал вниз по реке Белой. Белая соединяется с водной артерией – Камой и Волгой, а кому же из нас не приходилось пользоваться этим путём, отправляясь из родных палестин в глубь России, ближе к центрам нашей общественной жизни.

Совсем другое дело река Уфа. Пассажирское движение здесь чисто местное: возвращаются из Уфы после сплава плотовщики, лоцмана, чернорабочие, едут служащие хлебных и лесопромышленных фирм, оперирующих в этом районе, наконец, просто туземцы.

Туземец из Байков или Шафеева перевоза, конечно, не гарантирован в том, чтобы хотя раз в год у него не случилась крайняя необходимость побывать в «губернии», где сходятся все нити, нормирующие судьбу чрезвычайных вопросов его обывательской жизни. И в летнее время туземец пользуется услугами парохода. Сравнительно быстро, с удобством переносится он из своих далёких лесных дебрей в Уфу, а справивши здесь свои дела, тем же путём возвращается к родному очагу.

Но, кроме его и перечисленной выше категории лиц, многие ли знают о том что по реке Уфе ходят пароходы, и многим ли приходилось пользоваться ими.

Между тем река Уфа положительно заслуживает внимания тех, кто любит природу и располагает временем и возможностью совершить недолгое путешествие.

Уфа – важнейший из притоков Белой; она берёт начало в пермской губе[р]нии из озера Уфимского на абсолютной высоте 226 футов. Её положение на карте следующее. Описав дугу к северу и пройдя около 350 вёрст, река Уфа вступает, несколько выше устья Ай, на границу пермской и уфимской губ. (Красноуфимский уезд). Пройдя по границе, мимо города Красноуфимска, вёрст около 15, она входит в пределы бирского уезда, приняв главное направление к юго-западу. При дер. Урюш бирского уезда, Уфа уклоняется на юго-восток, вступая при этом на границу бирского и уфимского уездов, а вёрст через 20, переменив направление к юго-западу, идёт по одному уфимскому уезду, в пределах которого впадает в Белую верстах в 3 выше г. Уфы, предварительно разделившись на два рукава и образовав таким образом в своём устье остров.

Для Уфимского края она имеет важное значение, как сплавная, годная для сплава почти в течение всего навигацион-

ного периода и имеющая все данные к развитию правильного судоходства на ней.

По Уфе рейсируют два парохода Хасабова – Надежда и Эмануил. Пароходы ходят без определённого росписания между Уфою и Шафеевым перевозом (бирский уезд). Разстояние между конечными пунктами рейса, при крайней извилистости реки, вероятно, свыше 400 вёрст. Четыреста вёрст водного пути в течение почти двух суток среди оригинальной и красивой природы!

На пароходах имеются классы, сносный буфет.

В 7 часов вечера наш пароход отошёл от уфимской пристани, в Старой Уфе, около женского монастыря. С палубы пассажиры любовались открывающейся панорамой города. Старая Уфа, в стороне от центра города, живёт какой то своей особенной жизнью. В ней, помимо пластов осевшей густой и непролазной пыли, несомненно есть свой собственный колорит, своя индивидуальность, которой (индивидуальности, а не пыли) не достаёт нашей Новой Уфе.

Чувствуется, что Старая Уфа теснее связала себя с рекой, крепко всосалась своей прошлой «без исторической» жизнью.

Всюду мещанская стройка – тусклые обывательские домики, основательные и прочные лабазы, от которых веет ещё эпопеей героев Островского. Серый запылённый фон, среди которого, как яркая заплата выделяются монастырские строения и два – три причудливых здания новейшей постройки с претензией на что то новое, чуждое общему тону окружающей жизни. Обывательские дома сгрудились по косогору берега, облепили его и сползают к воде. На берегу разбросаны дрова, брёвна, по берегу тянутся плоты, снуют по реке лодки. В воздухе смешанный запах воды и свежесрубленного дерева.

Пароход поднимается по Белой, огибает далеко выдающийся остров, образуемый слиянием рек, и вступает в русло Уфы. Он снова приближается к городу, который пред тем скрылся было из поля зрения. Мы снова видим кресты церквей, крыши зданий, зеленеющие сады.

Первое впечатление от реки способно разочаровать тех, кому приходилось слышать отзывы о своеобразном ландшафте уфимских берегов.

Правда, сейчас-же после каменного перевоза начинается красивый гористый берег Чёртова городбища и Максютовских дач – места, достаточно известные уфимцам. Но если не принимать их в счёт, то Уфа в своих низах не представляет ничего оригинального – обыкновенная второстепенная русская река, с возвышенным правым берегом и широкой поймой на левом.

Типичные для неё берега начались только на другой день, в пределах бирского уезда. На всём её протяжении по территории бирского уезда по обеим сторонам тянутся возвышенности, то примыкающие к самому берегу, в виде крутых и скалистых гор, то удаляющиеся на более или менее значительное разстояние от берегов и примыкающие к ним только отлогими скатами с прекрасными луговыми поёмными полянами. Береговые возвышенности покрыты хвойным лесом – сосной, елью, пихтой, наполняющими воздух смолистым ароматом; к семье хвойных старожилов примешиваются берёзы, изредка в прогалинах сверкающие на солнце своими серебристыми стволами. На луговых полянах высятся над порослью тальника стройные осокори.

Когда минуешь такую поляну, зелёные берега вдруг сдвигаются, сдавливают реку, как грозные неприступные редуты, и мы вступаем в горный корридор. Местами среди зелени леса резко выделяются по берегу совершенно отвесные дороги, не знающие человеческой ноги; это – спуски, по которым весной скатывают в реку подвезённые из лесных дач брёвна для сплава. Местами видны выступы скалистых гор, известняко-доломитовые обнажения, издали принимающие фантастический вид замков и башен с бойницами.

Пароход всё время лавирует среди надвигающихся на него холмов-великанов. Вот он выбегает к широкой поляне. Одна гряда великанов отступила в сторону, чтобы сомкнуться снова там выше по течению реки. Расширяется горизонт, становится светлее, и снова вырисовываются в прозрачном, залитом солнечными лучами, воздухе вершины осокорей.

Навстречу по реке попадают запоздавшие беляны, железнянки с железом из уральских заводов, но чаще всего плоты. Загорелые типичные лица плотовщиков-башкир с любопытством смотрят в нашу сторону.

Берега здесь в общем пустынны. Изредка встречаются только башкирские селения – башкирские избы, мечеть. Башкиры – мужчины и женщины толпами высыпают на берег; голоногие башкирята суетятся около наших остановок. Остановки совершаются чрезвычайно просто: пароход подходит к берегу, матросы сбрасывают чалки, услужливые голоногие мальчуганы, подлинные дети природы, притягивают нас к берегу. Спускается прямо на берег трап, и ватага пассажиров 3-го класса, загорелых, в войлочных башкирских шляпах, уходит с парохода.

Но чем дальше поднимаемся на север, тем реже встречаются и такие посёлки.

Собственно говоря, часть Уфы, в пределах уфимского уезда, протекает по довольно населённой территории, так как ко-

лонизация уфимского края совершалась раньше, главным образом по течению рек. Но даже и в этой части, селения по Уфе встречаются сравнительно редко, они, повидимому, отступают в глубь края по обе стороны реки – высокие берега, заросшие лесом, отгораживают реку от населения, и вся местность производит впечатление мало заселённой. Что касается до бирского уезда, то здесь край становится совсем безлюдным. Сплошные лесные дачи раскидываются на далёкое пространство по обеим сторонам реки и препятствуют колонизации. Население, плохо обезпечиваемое хлебопашеством, занимается около этих дач лесными промыслами.

Остановки парохода происходят уже не у селений, а у частных владений. Такова, напр., пристань Бурна, лесное имение Хасабова. На берегу, среди спускающегося к воде леса, стоит лесопилка, мельница, жилые дома. Выше Бурны, в разстоянии нескольких десятков вёрст, пристань «Белый ключ», обширное по территории лесное владение лодзинского фабриканта Познанского[1]. Здесь расположен картонный и писчебумажный завод. Говорят, завод устраивается на широкую ногу, но ещё не вполне оборудован[2].

---

[1] Автор ошибся. Фамилия Познанских была распространённой среди предпринимателей и интеллигенции (см.: *Познанский И.* Исторический очерк экономического положения Польши. СПб., 1875).

Владельцу Белого Ключа А.Н. Познанскому с 1897 г. принадлежал ещё только лесопильный завод в Лукояновском уезде Нижегородской губернии (Больше-Полянская волость, село Василев-Майдан), где трудилось 95 чел., годовое производство – 35 100 руб. Автор же газетной заметки, скорее всего, имел в виду И.К. Познанского, основного собственника АО хлопчатобумажной мануфактуры в Лодзи (ул. Огродовая), выпускавшей пряжу, ткани суровые, крашеные и набивные, с годовым производством 12 млн руб. Это было одно из крупнейших предприятий Лодзинского района, основанное в 1852 г. На фабрике было занято 7 тыс. рабочих, действовало 138 300 прядильных веретён, мощность всех двигателей составляла 7300 л. с. (*Езиоранский Л.К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. № 326 (Ж), 366 (К)). Ткани из Лодзи в большом количестве поступали в Уфимскую губернию, а АО бумажных мануфактур И.К. Познанского являлось одним из самых доходных предприятий. В 1912 г. «при общем приходе» в 12 624 306 руб., оно получило прибыль в 571 230 руб. (Биржевые известия (СПб.). 1913. 10 (23) мая). Поэтому, видимо, автор и посчитал А.Н. Познанского «лодзинским фабрикантом».

[2] И уже в 1908 г. появляется реклама: «Обёрточная и пакетная бумага всех размеров и всякого веса – Белоключёвской фабрики И.К. Курлина и М.С. Афанасьева. И пакеты. Представительство в конторе С.С. Меклера, Аксаковск., № 73. Телефон № 198» (Вестник Уфы. 1908. 8 апреля). Возникновение в нашем крае собственного производства бумаги имело большое значение, особенно в годы Первой мировой войны, когда наступил дефицит. Пресса отмечала: «Белоключёвская фабрика в Уфимской губ., изготовляв-

Странно встретить в этом краю среди ещё диких лесов культурный уголок, – впрочем, может быть вернее будет сказать не уголок культуры, а лихорадочно воздвигаемую позицию капитализма, проникающего в девственные лесные дебри. Глаза разбегаются среди разбросанных построек и сооружений, воздвигнутых по какому-то плану, неясному и смутному для профана. Больше умом догадываешься, что здесь начинает свою творческую, но в то же время и разрушительную работу тот дух предприимчивости, который перебрасывает и людей и капиталы из старых насиженных культурных мест в глухие края, несёт сюда новые формы жизни, новые социальные отношения. И пред работой этого властного и холодного духа застонут и разбегутся вспуганные башкирские феи и фавны, населяющие здешние зелёные горы, смолистые хвойные леса. Они уже давно, много лет с тайной тревогой прислушивались к звону топора, безпощадно губящего лучшие дерева среди их владений; с жутким любопытством они уже давно присматриваются из лесной чащи к тому, как башкир, этот недавно ещё верный их ленник, губит встречающиеся по лесу молодые стройные липки на заготовку мочала. Но на смену топору идут теперь последние усовершенствования техники.

Среди построек красиво вырисовывается обширный деревянный дом, устроенный в разсчёте на повышенное требование к чисто западно-европейскому комфорту. Он раздвинулся вширь, отхватив достаточно пространства и в вышину. Высокие и большие окна говорят о большей потребности в свете. Встретить пароход спешили на пристань со всех сторон люди, выделяющиеся своими костюмами. Казалось, в дикую Башкирию перенесли уголок из промышленных стран запада. С берега доносился иностранный говор[1].

шая жёлтую оберточную и жёлтую газетную бумагу (на которой печатаются все уфимские газеты) администрацией по делам Курлиной и Болотина продана П.И. Кастеляну и С.С. Рабиновичу. Фабрику торговал известный московский издатель Сытин, но уклонился от покупки за невозможностью на ней вырабатывать белую бумагу. Новые владельцы уже проявили свои задачи повышением цены на бумагу, увеличив цену на 2 р. 35 к. на пуд. Оберточная бумага этой фабрики за время войны повысилась в цене на 300 процентов» (Уфимский вестник. 1916. 5 июля). Реклама Белоключёвской фабрики регулярно появлялась на страницах местных изданий. «Оберточную бумагу, пакеты-гармонники и конверты отпускает фабрика оберточной бумаги "Белый Ключ" со своих складов» при фабрике, в Иглино, «против вокзала» и в Уфе, Б.-Казанская, 61, телефон № 726. С заказами обращаться в контору фабрики (Уфимская жизнь. 1917. 29 июля).

[1] О присутствии в Белом Ключе иностранных специалистов свидетельствуют газетные объявления: «"Белый Ключ" Уфимской губ. у Коха, за отъездом

Каменный лог – лесное имение Стахеева; здесь же лесная пристань и склад для зимней закупки хлеба. Красивая дача построена над рекой на берегу среди обступающего её со всех сторон хвойного леса. Пред окнами на обширной терассе общество в тесном семейном кружке мирно коротало вечер и приветствовало прибытие парохода концертом, направив рупор граммофона к реке. Под звуки музыки, так неожиданно нарушившей тишину реки, мы подходим к берегу.

Бердяш-Манаева – лесное имение, лесная пристань и склад хлеба Манаева. Это одна из последних пристаней рейса, вперёд остаются ещё две – Устье Байки и Шафеев перевоз, но моё путешествие кончилось здесь.

Н. Ч.

(Вестник Уфы. 1907. 1 июля)

Село Охлебинино

(Корреспонд. («Уф. края»)

Кто хочет с пользою и удовольствием отдохнуть от годовых служебных и, вообще трудовых занятий на лоне общей матери – природы, тот не будет сожалеть, если местом такого отдохновения он изберёт село Охлебинино (Ново-Троицкое).

Охлебинино нельзя назвать «дачным местом» или «курортом» в том смысле, в каком принято называть всем уфимцам известные: Максютово, Новиковку, Шафраново и т. п. Сюда приезжают, только для того, чтобы освободиться от оков городской условности и суеты, а не для того, чтобы оковы эти надевать и вне города – на лоне сельской природы, принося даже и сюда служение парижскому богу – моде, дороговизну, шум, ненормальное времяпрепровождение, когда день обращают в ночь, а ночь употребляют на разного рода увеселения, нисколько не способствующие физическому и духовному отдыху человека.

Здесь – в Охлебинине всё – просто, дёшево, красиво и вместе с тем близко к природе – «натурально». Не так давно широкую репутацию среди уфимцев и даже далеко за пределами нашей губернии, имело как прекрасное место летнего отдохновения село Верхне-Троицкое (Кидаш) – Белебеевского уезда. Но за последние два года жизнь в Верхне-Троицком очень вздорожала; пользование кумысом там сопряжено с некоторыми крупными неудобствами; кумыс привозится в село за 15–20 вёрст, и благодаря летнему зною, сильно киснет и делается неприятным. Кро-

---

продаются две коровы и две тёлки Симментало-Бестужевской породы и чистокровной Симментальской пород[ы]» (Вестник Уфы. 1910. 26 января).

ме того сообщение с Уфою от Верхне-Троицкого менее удобно, чем от Охлебинина. В первом случае вы едете ряд скучных, длинны[х] часов в пыльных, душных вагонах железной дороги до ст. Белебей-Аксаково, а от неё 38–40 вёрст вкушаете «прелесть» летнего передвижения по пыльной, просёлочной дороге до Верхне-Троицкого под палящими лучами солнца; во втором случае – вы чрез 9–11 часов путешествия по р. Белой на «Опыте» Шляпина (отходит из Уфы по вторникам, четвергам и субботам в 5 ч. вечера) – в селе Охлебинине, или даже чрез 5–6 часов (по течению, вниз по Белой до Уфы).

Охлебинино расположено на высоком правом нагорном берегу красавицы Белой, которая в окрестностях этого села поражает особенной грациозной изворотливостью своей. В центре построек, длинным рядом вытянувшихся вдоль берега, виднеется красивая белая каменная церковь во имя Св. Троицы… На право вдали, где сливаясь с горизонтом серебрится река, привлекает взор ваш скалистые громады – Большой и Малый Колпак, свесившиеся над Белой. Село – небольшое, но торговое, следовательно, – живое, имеющее будущность. Экономическому состоянию его был нанесён сильный удар страшным пожаром, который около 3-х лет тому назад снёс с лица земли почти всё Охлебинино. От площади, на которой построена церковь и где по субботам происходит базар, по улице, находящейся в стороне противоположной реке, можно пройти к гордости Охлебинина – сосновому бору и [«]березнику». Не вдаваясь в описания старого, прекрасно-величавого бора и «березника», скажем только, что некоторые уголки их достойны кисти Шишкина.

Воздух Охлебинина и окрестностей его незаменим для слабогрудых и неврастеников. В 5 верстах от села башкиры приготовляют хороший кумыс, который и привозят «кумысникам» по 10 коп. за бутылку и по 50 коп. за четверть. Квартиры ценою от 15 – 30 руб. за лето. Мясо и другие жизненные продукты можно найти всегда на субботнем базаре.

Кроме «*Опыта*» – Шляпина до Охлебинина ходят некоторые пароходы Сорокина (грязная «Чусовая») и Хасабова (тоже не из хороших, в роде «Эммануила»). Впрочем мы опасаемся рекомендовать их. Грязь, «подвальная» сырость во II классе, темнота, переполненность грузом в ущерб интересам пассажиров и кроме того опасность в пожарном отношении. Пароходы эти отапливаются дровами, из труб летят снопы искр, падающих на палубу и прожигающих шляпы и костюмы пассажиров. А что если случится пожар?.. «Опыт» Шляпина, правда, – мал, но вполне безопасен, он – теплоход (двигатель внутреннего сгорания – керосина). Важно также и то обстоятельство, что «Опыт» совершает

правильные пассажирские рейсы, тогда как грязные Сорокинские и Хасабовские пароходы приходят в Охлебинино тогда, когда их никто не ожидает, о них не думают и не гадают.

Турист.

(Уфимский край. 1909. 25 июня)

Озеро Аслы-куль

Озеро Аслы-куль находится в 30-ти верстах от города Белебея и в 35 верстах от станции «Давлеканово». Оно овально-продолговатого вида и тянется с юго-востока к юго-западу. В длину оно имеет около 13-ти вёрст и в ширину от 5-ти до 8-ми вёрст. Вдоль южного берега озера тянутся высокие, красивые горы, местами полуголые, а местами покрытые мелкорослым лесом. К берегу озера они спускаются красивыми каскадами и образуют у берега крутые, скалистые обрывы, где висят громадные скалы, которые, точно вот-вот сорвутся и раздавят вас под своей громадной тяжестью. Эти скалы местами покрыты молодыми деревцами: берёзой, липой, рябиной и терновником, обростающим весной красивыми, душистыми розами; местами же они голые. В скалах этих много трещин, где гнездятся хищные птицы: ястребы, совы, беркуты. Во многих местах из-под скал бьют холодные, с прозрачной водой, как кристалл, ключи, впадающие в озеро. Между горами есть красивые долины, опускающиеся к озеру, летом они покрываются густым, зелёным ковром лугов и красивыми, дикими цветами, разбросанными там и сям.

Северные берега озера ровные, слегка покатые к озеру, только к северо-западу есть крутой, высокий обрыв, который носит название «Красной Горы». От северных и восточных берегов на громадное пространство тянутся безпредельные степи-поля. С юго-запада в озеро впадает небольшая речушка «Шарлама», где расположена деревня Барангулова; более в озеро никаких речек не впадает. За последнее время озеро очень обмелело: глубина озера уменьшилась, по крайней мере, в аршин 6-ть глубины, так что старые берег местами отстоят в саженях восьмидесяти – ста от воды. Глубина озера в настоящее время достигает до 4-х сажен и более. Берега и дно песчаные, очень редко глинистые. Вода светлая, прозрачная, как кристалл.

Лет 20-ть тому назад озеро было очень глубоко. Во многих местах северного берега, а также по концам озера были маленькие озерца, обросшие густым, высоким камышём. В этих камышах ужасно много гнездилось плавающей птицы: уток, гагар, чаек и много другой птицы. Весною в эти озерца заходила щука

и другая мелкая рыба. В настоящее же время все эти озерца повысохли, точно их никогда и не бывало. В версте от озера, в восточной стороне протекает небольшая речка «Урьдяк» (на башкирском яз. утка) текущая по направлению к востоку. Между Урьдяком и озером, местность покатая к Урде, где в нескольких местах есть большие наносы песку, точно русла высохших рек.

Лет 15-ть тому назад, в июне месяце в восточном конце озера водой прорвало берег.

С шумом и с страшной быстротой вода хлынула из озера, образовала себе русло сажен в 10-ть шириной и с шумом впала в Урьдяк, так что все мельницы, пруды, находившиеся на Урьдяке, размыло, снесло. Вода бежала в продолжении 2-х месяцев, нельзя было ни проехать, ни пройти чрез этот, на время образовавшийся, исток озера. Как быстро и необъяснимо образовался этот исток, также он и прекратился, прорванное место запрудило песком, заровняло, точно никогда ничего и не было.

После такой громадной убыли воды озеро нисколько не убыло. Вода, видимо, в этом месте уже не раз бежала, так как, как я сказал выше, в описанном месте, т. е. между озером и Урьдяком, в нескольких местах находятся большие наносы-русла.

Да, глубокое было озеро когда-то, оно было в ровень с берегами, похожими на высокие насыпи, валы, казалось вот-вот вода прорвёт берег и вся вода с бешеным рёвом и шумом хлынет, изчезнет куда-то… Даже как то страшно было смотреть на озеро: вода была тёмного цвета, точно тёмная ночь. Красивы и дики были озеро и его окрестности, когда не было здесь ни души человеческой!..

На южных берегах озера и по горам рос тёмный дремучий лес, который вечно шумел над озером. Между гор по глубоким оврагам, бежали светлые ручьи и с шумом впадали в озеро. В лесах этих и оврагах водились волки, лисицы и другой пушной зверь. Озеро кишмя кипело рыбой, так как её некому было ловить.

В камышах, по берегам, водилось страшно много птицы. А там, за озером, на громадное пространство тянутся степи, безпредельные степи, теряются где-то там далеко-далеко…

Окрестности озера на далёкое пространство были пустынны, не заселённые. Они были дико красивы, девственны, не осквернены разрушающей рукой человека!

Лет 200-ти тому назад, а может быть и больше, из Оренбургской губернии приехали сюда с своими громадными косяками лошадей три богатых башкира: Курьетмас, Байрангул и Кидрач и поселились в окрестностях Аслы-куля. Впоследствии

образовались три деревни, названные по именам основателей: Курьетмас – в 5 верстах от А.-куля; Байрангул – в 2-х и Кидрач в 4-х верстах от А.-куля.

«Ух, как богат был эти люди! Лошадка его был бульна многа! Хлеб он не сыпил, не какой не работал, земля наша была многа, лошадка, верблюд, баран гулял на воле, трава был многа»… с грустью в голосе разсказывал престарый башкир Шафик о прошедших, счастливых временах. «Урман наш был свой большой, не рубил. Лета пара жить поле ходил, избам не жил. Лошадка ризыл, махан ашал, кумыс пил, здоров бул, бульна хараша жил! Ты вон-вон видишь маленький урман на берег, а сюда ближе два большой камень, видишь, это все был водам… Вода наша озером многа был, балык ай-ай-ай, как многа был, большой, а птицу хоть руками лови, а он это оврагым большой ключ бежал. Бульна мы хороша, дружна жил, друг друга не обижал, бедный чаловик жалил, махан ему давал, кумыс давал, друг дружка гости ходил»…

«Плохой теперь стал люди – друг друга обижает, Бога не боится, лошадка воровает, старый люди не почитает. Наша времяна так был: твоя махан, хлеб есть, моя да есть; твоя нет, так моя есть, я даешь. Богу крепко малил, он все давал: махан, хлеб давал, озерым многа балык давал. Теперь Бог хлеб не дает, дождик нет, а озеро кончал да кончал»…

Так разсказывал старый Шафик про прежнюю, привольную жизнь.

В настоящее время, местные башкиры живут по нищенски. Несмотря на то, что лес тут же рядом, у большинства населения вместо избы какие-то жалкие хижины, сделанные из плетня и глины; вместо одежды на них грязные лохмотья; большинство населения питается хлебом да чаем, картофель составляет роскошь, так как очень немногие выращивают его, а об огородничестве уже нечего и распространяться. Немного счастливцев, у которых найдётся молоко, мясо. Во всех трёх деревнях, может быть, найдётся хозяев 40, у которых есть косяки лошадей в 20–30 и 35 голов.

А можно бы жить припеваючи: земля новая, не истощённая, сравнительно дешёвая, родит хорошо, лишь стоит умеючи, старательнее взяться за неё. Ведь сумели-же устроиться соседи немцы-колонисты. У них в доме полная чаша: большой, опрятный дом; хорошо обработанные поля и огород; вокруг дома насажен сад, где растёт тополь, акация, берёза, ягодные кусты, тут-же разбиты клумбы цветов и всё это так красиво, прелестно. Скот у них хорошей породы; сами они здоровы, все грамотны, выписывают журналы, газеты, они в высшей степени религиоз-

ны и честны. Совсем не то у башкир.

И долго будет так продолжаться, до тех пор, пока сюда не проникнет свет знания, свет науки... Население крайне невежественно, живёт какими-то допотопными предразсудками, верит во всевозможную нечистую силу. Тяжело делается в душе, когда сравниваешь этих людей с соседями немцами.

За последнее время со дна озера волнами пригоняет на берег деревья с корнями, что наводит на тёмное воображение населения суеверный страх. Нынче летом мы во время купанья недалеко от берега, напали на бревно, зарытое в песке, которое и вытащили на берег. Бревно это оказалось следующих размеров: в длину оно имело около 5-ти сажен и в диаметре 8-мь вершков; дерево неизвестно какой породы: не то сосна, не то лиственница; сверху оно оказалось гнилым, внутри же совсем свежим, смолистым. А вытаскивали и такие деревья, которых и топор не брал, ломался. Между башкирами на счёт образования озера носится легенда такого содержания: «Когда-то, очень давно, на месте теперешнего озера, были громадные горы, а между ними находились красивые долины, где журчали весёлые ручьи. На горах рос большой, мрачный сосновый лес, где обитал волк и другой пушной зверь. Весной долины заростали чудной, высокой травой, красивыми цветами. По берегам ручьёв рос кустарник: калина, тальник, местами черёмуха, которые покрывались душистыми цветами. Миллионы птиц порхали в этих кустах и лесу и пели свои немудрые, звонкие песни. Однажды, по одной из долин, ехали три охотника-джигита. Утомлённые охотой, они выбрали место для отдыха недалеко от весело-журчащего ручейка, под тенью громадной, вековой сосны. Утолив голод и жажду, они легли отдохнуть на мягкой, душистой траве.

Один из охотников видит во сне; где-то вдали слышен подземный, рокочущий шум; горы начинают двигаться, а вот тут, совсем близко, из-под скалистой горы хлынула громадная струя воды, которая с страшной быстротой начала потоплять долину, кусты, вот уже она добирается до них...

С криком пробуждается джигит охотник. От его крика пробуждаются другие два охотника. Что же они видят? О, ужас! Горы колеблются, с них начинают катиться камни всё более, и более, во многих местах из-под скал бьёт большими струями вода. И всё это: камни, деревья, глина, вода, всё мешается и получается какой-то невообразимый хаос. Наконец всё это исчезает навеки под водой. Так образовалось озеро, как гласит легенда. Как красивы, прелестны берега и окрестности озера весной! Горы покрываются густой, зелёной, как изумруд, травой. Ранней весной, ещё до восхода солнца, вы спускаетесь по горе к озеру.

Солнце ещё не взошло, но восток, точно огненный, весь горит пылает, скоро взойдёт солнце. Вы идёте по мокрой, росистой траве, вам попадается множество цветов: белых, голубых, жёлтых, от которых такой чудный, прелестный запах, точно, кто-то таинственный, невидимой рукой разливает нежно пахнувшие духи. Направо от вас глубокий овраг, с мелкорослым лесом, покрытым точно нежной, зелёной тканью, молодой листвой. Вы спустились с горы на ровное место, где лежат громадные камни, вы влезаете на один из камней и садитесь на него; а ниже вас опять овраг, а ещё ниже, как громадное зеркало, раскинулось озеро. Как оно красиво и величаво-спокойно: вода голубовато-зелёного цвета, никто не возмутит спокойствия озера, оно точно мечтает и тихо, тихо улыбается, а вон там, тихо и медленно плывёт лодка, – это бедный, трудолюбивый рыбак башкир ставит сети. Вот уж и солнце взошло, юное, ласковое, как сама мечта! Миллионами огней зажглось озеро: блестит, сверкает и горит, точно бриллиантами покрылось оно! На противоположной стороне озера, на красивом полуострове «Крутой-Яр» живописно раскинулась бедная деревушка «Капай-Ярово». А дальше, на громадное пространство, тянутся зелёные поля – степи, сплошь засеянные пшеницей, и, кажется, нет конца – края этим степям, они теряются, сходятся с горизонтом, где то там далеко-далеко. И вся эта даль точно одета голубой, нежною тканью, которая тихо колеблется от дуновения ветерка…

Вы любуетесь этой чудной картиной, у вас на душе так легко и хорошо, вы вдыхаете чудный, горный воздух, вы очарованы… Но вдруг, вы слышите недалеко от себя, какие-то нежно грустные звуки, точно кто-то стонет, жалуется на свою тяжёлую, одинокую жизнь. Это кукует печальница-кукушка.

Вечно шумит озеро, даже в тихую погоду, оно очень редко бывает спокойно. Красиво озеро в бурю: появляется на поверхности воды рябь, начинает дуть ветер сперва тихо, но потом всё сильнее и сильнее; вода начинает сильно колыхаться, образуются громадные валы, которые, точно стадо диких зверей, бегут, вскакивают друг на друга, пожирают друг друга, бурлят, пенятся, кипят… И с шумом и рёвом разбиваются о прибрежные камни и берега и далеко летят брызги солоноватой воды. Далеко тогда слышен глухой точно подземный шум разъярённого озера. Да, красиво, прелестно озеро! Оно стоит того, чтобы нарочно приехать полюбоваться им, его окрестностями, покупаться в его свежих и прозрачных, как кристалл, струях. А эти чудные, весенние вечера с красивыми, розовыми закатами, когда солнце спускается за горы и шлёт свои ласковые прощальные лучи, которые чудной игрой отражаются на тихой, мечтательной по-

верхности озера!..

Ф. Чинден.

(Уфимский край. 1911. 11 января)

Ушаковский парк

(Очерк)

Не славится г. Уфа, как другие наши губернские города, памятниками в честь тех или иных исторических событий, общественных деятелей, писателей-поэтов, художников, нет в ней настоящего зимнего театра, картинной галлереи, промышленно художественного музея; вместо всего этого в Уфе есть нечто такое, что должно составлять предмет гордости уфимцев и чего не имеют другие города, – это «Ушаковский» парк. Занимая громадную возвышенную площадь, почти составляющую около четырёх вёрст по квадрату, парк является для города тем сокровищем, которое должно иметь, по справедливости, должную оценку со стороны всех его жителей, в особенности же пользоваться полным вниманием со стороны общественного управления.

Насколько велик парк, можно видеть из одного того, что к нему выходит несколько продольных и поперечных городских улиц: Губернаторская, Центральная, Соборная, Александровская (попер.), Ильинская и Воскресенская (прод.). С южной стороны, с берега р. Белой, парк охватывает односторонка Воскресенской ул., где находится дух[овная] консистория, епарх[иальный] свечн[ой] склад, архиер[ейский] дом с крестовою церковью, с северной – односторонки Ильинской ул., где нах[одится] мужск[ая] гимназия, губерн[ская] типогр[афия], присут[ственные] места; с восточной – один квартал Губернаторской ул., где нах[одится] губерн[аторский] дом, епарх[иальное] женск[ое] училище; с западной – один квартал Александровской ул., где находится громадное четырёх-этажное здание духовной семинарии.

Посреди парка возвышается кафедральный собор, построенный в сороковых годах прошлого столетия; кругом собора раскинулась площадь, могущая вместить несколько десятков тысяч и где в царские дни бывают военные парады. Недалеко от собора находится прекрасная часовня, построенная на месте убийства Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. На соборную площадь выходят три подъездные аллеи: одна с Соборной ул., другая с Александровской ул. и с Воскресенской ул., со стороны архиер. дома; Соборною площадью весь громадный парк разделятся на две половины: первая и большая находится к вос-

току от собора, а другая меньшая к западу. Из последней части парка, из крайней его аллеи, видна р. Белая и её луговая сторона (урёма), с железнодорожным мостом и полотном, идущим на Самару. Весь Ушаковский парк состоит из множества больших и малых аллей, открытых больших площадей и небольших полянок; боковые аллеи настолько широки, что в них свободно можно разъехаться на двух тройках; аллеи большею частью состоят из берёз, есть и липовые аллеи; на площадках красуются громадные группы сосен, которые составляют редкость в Уфе, так как полоса хвойных деревьев оканчивается почти за 300 вёрст к северу от неё.

По разсказам старожилов, посредине площадей красовались ранее кусты акаций, расположенные в виде круга, но, неизвестно в силу каких особых соображений, эти прекрасные аллеи из акаций были вырублены по распоряжению городского управления.

В парке находятся: садовое заведение с теплицею, питомником и цветником, несколько киосков с продажею кумыса, сельтерской воды и фруктового кваса, ресторан, гимнастика и эстрада для музыкантов. В восточной части парка есть много скамеек, где можно с удовольствием посидеть и отдохнуть; в западной же части, к сожалению, нет ни одной скамейки[1], хотя эта часть парка нисколько не хуже первой и является даже более возвышенной, так как парк, занимая возвышенную часть города, постепенно понижается с запада на восток.

Ушаковский парк служит любимым местом для прогулок и отдыха уфимцев; хорошо здесь бывает утром, когда весь парк наполнен пением разных птичек, начиная с соловьёв; днём, когда в таинственных его аллеях можно найти приятную прохладу; вечером, при закате солнца, когда в просвете берёз видны последние его лучи. Днём в парке всегда находится много детей со своими нянями; с базара, а также из присутственных мест и учебных заведений всегда проходит чрез него масса публики и всякий с удовольствием спешит здесь несколько отдохнуть ду-

---

[1] Эта проблема оставалась и в последующие годы: «В Ушаковском парке, в дополнение к существующим скамейкам ставятся по аллеям вновь построенные, очень удобные сиденья со спинками. Весьма желательно, чтобы такие же сиденья были устроены, хотя бы в небольшом количестве, в юго-восточных [надо: юго-западных], довольно обширных частях парка, между собором и Александровской улицей. Это желание вызывается двумя обстоятельствами: 1) в этих частях парка нет ни одного сиденья и 2) сюда с полным удовольствием переселятся из парка все "воркующие попарно голубки", которые нередко стесняют гуляющую мимо их публику» (Вестник Уфы. 1910. 23 мая).

шёю и телом.

Весь парк окружён простенькою деревянною решёткою, только единственный, главный вход, со стороны Центральной улицы, представляет из себя небольшую железную решётку, с тремя входными дверями на чугунных столбах, с надписью на фронтоне «Ушаковский» парк.

Эта единственная скромная надпись, когда то имевшая более вида и красоты, теперь выцвела и полиняла; но не смотря на свой внешний, неказистый вид, она и теперь говорит каждому путнику, ищущему в тенистых аллеях прохлады и тишины от зноя и городской сутолоки, что основатель и насадитель этого чудного парка был «Ушаков»; по всей вероятности, многие из уфимцев, кроме входной надписи, ничего не знают об Ушакове и поэтому пожелают познакомиться с краткою его биографиею…

Сергей Петрович Ушаков был Уфимским губернатором с 19 февраля 1867 года по 1873 год, а до этого времени он был Самарским вице-губернатором. Происходя (род. в 1829 г.) из дворян Тамбовской губернии, Борисоглебского уезда, Сергей Петрович, по окончании курса учения в Пажеском корпусе, поступил на службу в лейб-гвардии Преображенский полк и, по случаю войны в Венгрии в 1847 г., находился в походе гвардии к западным пределам Империи. Оставив службу по военному ведомству, он некоторое время служил чиновником особых поручений при Московском военном губернаторе, по министерству Императорского Двора и, наконец, по министерству внутренних дел – Самарским вице-губернатором с 1861 г.

Назначенный уфимским губернатором, д. с. с. Сергей Петрович Ушаков, по прибытии в г. Уфу, на первых же порах обратил своё внимание на обширную соборную площадь; он по достоинству оценил пустовавшую доселе площадь и убедительно стал просить именитых граждан города развести здесь городской парк. Прекрасная идея Сергея Петровича о разведении парка на городском пустыре была встречена Уфимским населением с восторгом и пожертвования щедрою рукою потекли на первоначальные работы по приведению площади в должный порядок, распланировке аллей, насаждению деревьев и т. д. Есть основание думать, что Сергей Петрович не щадил личных своих средств на устройство парка; по разсказам старожилов, он ежедневно сам наблюдал за работами, намечал и проводил аллеи, следил за посадкою деревьев и т. д.

Когда в Уфе вводилось городовое положение, то, согл. п. 2 этого пол., Сергей Петрович просил тогдашнего Уфимского городского голову, г. Попова, чтобы городская дума назначила

особых лиц для принятия от него устроенного парка и наблюдения за предположенными им к производству работами. Сергей Петрович так писал на имя городского головы, от 3 мая 1871 года: «имея в виду, что дальнейшее развитие и поддержка устраиваемого на городской площади г. Уфы парка, на жертвуемые в моё распоряжение деньги, за введением в г. Уфе Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городового положения, согл. п. 2 этого пол., относится "к предметам ведомства городского общественного управления", я имею честь покорнейше просить вас, м. г., предложить на обсуждение городской думы вопрос о назначении лиц, как для принятия от меня устроенного иною парка, так и наблюдения за предположенными мною к производству работами, на которые у меня имеются деньги и о том, кому именно будет поручено, как главное наблюдение за дальнейшим устройством парка, так и непосредственный надзор за работами, меня уведомить, для передачи этим лицам документов и предназначенных мною на дальнейшее развитие парка денег».

Уфимская городская дума, в собрании 22 июня 1871 года, постановила просить г. губернатора вновь принять на себя главное наблюдение за дальнейшим развитием устроенного им на Соборной площади в г. Уфе парка, при содействии избранного думою для ближайшего заведывания содержанием парка купеческого сына Александра Блохина. Городская дума на означенном собрании постановила также ходатайствовать чрез г. губернатора пред высшим начальством о присвоении на будущее время парку наименования по «фамилии» губернатора, как основателя его. Министр внутренних дел уведомил г. начальника Уфимской губернии, от 29 августа 1871 года, «что Государь Император, по всеподданнейшему докладу ходатайства Уфимской городской думы о наименовании парка, устроенного попечением его превосходительства в г. Уфе "Ушаковским", 20 сего августа Высочайше соизволил на удовлетворение означенного ходатайства».

Вот те немногие исторические данные, которые удалось нам извлечь из архивных дел и документов. Да свято хранится в г. Уфе память о незабвенном губернаторе, Сергее Петровиче Ушакове, оставившем после себя такой прекрасный памятник.

Прежняя Уфимская городская дума, когда городовое положение ещё только вводилось, сочла своею священною обязанностью, в назидание будущему поколению, почтить память Сергея Петровича тем, что наименовала парк, с Высочайшего соизволения, фамилиею его основателя. Чем же должна почтить память незабвенного для Уфы Сергея Петровича Ушакова нынешняя городская дума?

Самая лучшая дань будет воздана памяти Сергея Петровича, так заботливо относившегося к благоустройству города, если городское управление позаботиться о замощении всех улиц, прилегающих к «Ушаковскому» парку[1]; это тем более необходимо сделать, что в этом пункте города, благодаря присутственным места[м], учебным заведениям, домовым церквям, кафедральному собору, архиер. слободе, близости р. Белой и т. д., происходит постоянное передвижение публики. Необходимо также предпринять меры для приведения главного, центрального входа в более лучший и привлекательный вид, а в особенности же надписи на фронтоне; это важно сделать в том отношении, что в последнее время г. Уфу стали посещать разные заезжие туристы и даже иностранцы. Далее, так как «Ушаковский» парк сделался в последнее время любимым местом для прогулок и игр детей, то необходимо устроить для них открытую площадку, приспособленную для физических развлечений и игр; что касается театр. садика, то он не представляет в этом отношении должных выгод и удобств.

Это необходимо сделать, потому, что в последнее время на физическое воспитание и развитие обращено особенное внимание во всех государствах, напр. в Англии, Америке, Японии и т. д. Возле площадки, приспособленной для детских развлечений и игр, полезно, для назидания юного поколения, поставить бюст Сергея Петровича Ушакова, как основателя парка, устроить тут же фонтан, воспользовавшись для этого городским водопроводом. Бюст основателя парка можно отлить за недорогую плату на одном из Уральских заводов, а также привезти с Урала гранитное или мраморное основание для памятника.

Может быть, кто-нибудь найдётся в Уфимской губернии из почитателей Сергея Петровича, который возьмёт на себя эти издержки и тем увековечит свою память среди Уфимского населения[2]?!

---

[1] Мощение улиц было выполнено к 1910–1911 гг.

[2] Уфимская пресса и в дальнейшем большое внимание уделяла судьбе самого крупного городского парка, обращая внимание властей на недостатки. Так, в 1907 г. отмечалось «загрязнение парка. На дорожках Ушаковского парка целыми неделями остаётся неубранным всякий сор: окурки, какое-то грязное тряпьё, арбузные корки, рыбья шелуха и т. п., а затем всё это сметается в траву, окаймляющую дорожки парка. – Неужели никто из руководителей городского хозяйства не может хотя-бы раз в месяц присматривать за порядком и чистотою в этом драгоценнейшем местечке г. Уфы» (Уфимский край. 1907. 24 августа). В 1908 г.: «Фонтан. В Ушаковском парке сооружается фонтан, диаметром до 4-х саж.; он будет выложен из белого камня и скреплён цементом. Вокруг фонтана предполагается развести цветник и обложить его горными камнями» (Уфимский край.

А – въ.
(Уфимские губернские ведомости. 1906. 16, 20, 21 апреля)

Пронеслась ужасная эпоха Гражданской войны, в обстановке ещё не закончившегося голода начала 1920-х гг., едва только жизнь стала входить в нормальную колею, уфимцы вспомнили о своём любимом парке. Журналисты и горожане поднимают вопрос о приведении его в порядок. И в статье «Удобные пастбища» автор отмечает: «Всем обитателям г. Уфы известен парк "Свобода" быв. Ушаковский. О его значении для города говорить не приходится и как будто бы всем это понятно и известно. Но к великому сожалению, вероятно, наш Уфим. Губкоммунотдел смотрит на это иначе. Не придавая никакого

1908. 20 июня). «Фонтан в Ушаковском парке окончательно отстроен; вышел очень красивый и хорошо работает. Тонкая струя воды бьёт до 5 аршин. К сожалению только бассейн засаривается, в нём можно найти и окурки, и спички и скорлупу от семячков. Тут же около фонтана постоянно играет группа мальчиков и их самодельные кораблики плавают по бассейну» (Там же. 22 августа). На сооружение фонтана город затратил 1000 руб., на зиму фонтан закрывался деревянным колпаком (Там же. 1909. 22 мая).

Ушаковский парк с его широкими аллеями облюбовали велосипедисты: «Аллеи Ушаковского парка – любимое место прогулок горожан – ныне не вполне безопасны для пешеходов – велосипедисты их вытесняют. Велосипеды там, велосипеды тут, двухместные, разных систем, с седоками обоих полов, всех возрастов и состояний – всюду мелькают они, в одиночку и целыми группами, снуют по аллеям с утра до ночи, ни на минуту не позволяя прохожему предаться покою прогулки, ибо никаких правил осторожной езды среди публики не хотят знать. Стали повторяться случаи сшибания с ног, иногда оканчивающиеся ушибами, а иногда испугом пешеходов» (Уфимские ведомости. 1903. 3 июня).

В результате в 1909 г. в Уфимскую городскую думу поступило заявление со 140 подписями с требованием запрета езды на велосипедах по Ушаковскому парку (Вестник Уфы. 1909. 23 апреля), гоняли там даже на мотоцикле (Там же. 9 мая). И 15 мая 1909 г. городская дума издала обязательное постановление: «езда в Ушаковском парке на велосипедах и автоматических экипажах воспрещается» (Там же. 20 мая). В парке имелись пивной зал с музыкальным автоматом, площадка для игр, а в начале 1910 г. хозяин гостиницы «Россия» Смирнов начал строить «здание под электро-театр в Ушаковском парке» (Вестник Уфы. 1910. 31 января). Здесь занимались разными видами спорта (лаун-теннис и др.), что также создавало проблемы. «Нельзя ли воспретить игру в мяч, происходящую на лужайках и полянах Ушаковского парка, – вопрошали в газете, – в прежние годы даже запрещалось ходить по траве, а не только играть и бегать по ней; ранее в траве цвела и клубника, а теперь валяются окурки от папирос; где же находятся сторожа, нанятые городской управой для охраны парка и поддержания в нём чистоты и порядка?» (Уфимский край. 1912. 16 мая). Проблемы содержания парка (состояние уборных, выпас скота и пр.) постоянно обсуждались в печати.

значения растительности в современных условиях, совершенно не заботится о благоустройстве города, т. к. в настоящее время уголки отдыха в городе как быв. Случевская Гора, аллеи к ней и самый парк Свобода, расположенный в самом центре города, превращены в пастбища». Козы уничтожают остатки растительности[1].

Новые советские власти начинают приводить парк в порядок и в 1922 г. «1-го июля состоялось грандиозное открытие "парка свободы".

По улицам в этот день бегали автотрамваи, в парке функционировала лотерея аллегри, продавались цветы и т. д.

До двух часов ночи парк освещался 3-мя лампами в 3000 свечей.

Парк был оборудован детями, находящимися в примитивах ГОНО», отмечал журналист А.Л.[2]

Правда, в новых революционных условиях мещанский уют не всех устраивал. «Чтоже представляет сейчас собою сад? – восклицал некий С-н через месяц. – Место самого низкопробного увеселения и развлечения для средних и мелких "нэпманов". Рабочих же, пользующихся парком можно пересчитать по пальцам. Да им и не зачем туда идти – ни отдыха, ни приятного развлечения для рабочего там нет.

"Танцульки-же" или азартная игра на биллиарде в закрытом повильоне, кажется, ни к культурно-просветительной деятельности, ни к различным развлечениям отнести нельзя»[3].

За прошедшие годы парк обветшал, берёзы были поражены короедом, начали рубить сухостой[4], но парк всё равно оставался центром массовых гуляний. И с 7 по 9 августа 1922 г. Наркомпрос Башреспублики устроил здесь праздник отдыха и труда «зиин». «В закрытом помещении организуются разнохарактерные дивертисменты, а на открытом воздухе, разные спортивные игры с широким участием народных масс, сокомольцев[5], спортклуба, Всевобуча и детдомов. Будут раздаваться призы. Вся выручка поступит на покупку учебников для татаробашкирских школ»[6].

Первый революционный «зиин» красочно обрисовал в статье В.К., а журналист И. Станцелис в своей заметке не забыл

---

[1] Власть труда (Уфа). 1922. 16 мая.

[2] Там же. 5 июля. Благоустройством занимались беспризорные дети, содержавшиеся в приютах для голодающих.

[3] Власть труда. 1922. 29 июля.

[4] Там же. 6 июля, 15 августа.

[5] Может комсомольцев?

[6] Власть труда. 1922. 3 августа.

про идеологию. «В гор. Уфе 7-го августа в 4 часа в парке "Свободы" состоялось торжественное открытие грандиозного народного башкирского праздника "зиин".

Перед открытием тов. Касимов от имени главполитпросвета выступил с речью на татарском языке, в которой между прочим сказал: "что настоящий праздник не есть праздник буржуазно-мещанский, национально патриотический, религиозны[й] и т. д. Как это изображала прежняя буржуазия и помещики, а этот праздник "зиин" был и есть народным праздником под знаком трудового процесса, на котором всегда принимали и в настоящее время принимают участие трудящиеся массы населения.

Речь тов. Касимова покрывается громким криком ["]ура", звуком духового оркестра и дружным пением международного гимна "Интернационал".

В день открытия присутствовал[о] около 5000 человек из города Уфы и окрестностей в большинстве крестьяне.

Народный праздник продолж[и]тся несколько дней с различными играми, танцами и т. д.»[1]

Начался НЭП и отдельные предприниматели решили развернуть здесь торговлю. Читатель возражал, напоминая, что «в парке "Свободы["] есть братские могилы наших славных борцов за идеалы коммунизма»[2]. Тем не менее, предприимчивый организатор А.И. Арендт задумал именно в парке "Свободы» устроить с 10, затем с 15 сентября 1922 г. первую двухнедельную Всебашкирскую сорочинскую ярмарку с приглашением всевозможных торговцев, гуляньями и пр.[3] Уфимцы протестовали. Известный врач Гиккель говорил о нежелательности ярмарки в парке, в городе зелень уничтожают. «И ведь всего таких садов в Уфе только четыре: парк Свободы, сады: Веденеевский[4], Якутова и на Случевской горе, и они даже без ярморок всё более и более приходят в упадок»[5].

Несмотря на все превратности истории Ушаковский парк остаётся украшением нашей славной Уфы.

---

[1] Там же. 10 августа.
[2] Там же. 2 августа.
[3] Там же. 3, 12 августа, 3 сентября, др.
[4] В 1922 г. уже присутствует наименование его как сад имени Луначарского (Там же. 15 августа).
[5] Там же. 10 августа.

В.Н. Макарова

Уфимские материалы из Вятки

Одним из важнейших исторических источников являются метрические книги, которые велись в православных храмах Российской империи. Здесь записывались рождение, смерть, бракосочетание. Информация носила официальный, государственный характер, каждый священник отправлял выписки из метрических книг в полицию, по ним составлялась общегосударственная демографическая статистика. Для различных юридических надобностей делались выписки из метрических книг, которые также считались официальным документом. Профессиональные историки и краеведы постоянно используют сведения этого ценнейшего источника.

Существенной проблемой, однако, остаётся неполная сохранность метрических книг. К примеру, в уфимском архиве (ЦИА РБ, фонд И-294) находятся лишь единичные метрические книги конца XVIII в. По Уфе, по сведениям любезно предоставленным Я.С. Свице, в двух делах, озаглавленных как «Духовные завещания за 1780–1809 гг.», имеются метрические книги монастырских Успенской и Богоявленской церквей, а также духовные росписи по этим же храмам[1]. На сегодняшний день это единственные выявленные в ЦИА РБ приходские документы уфимских церквей.

Между тем, часть метрических книг по Уфимскому уезду находится в архиве Кирова. Они поступали в Вятку (один экземпляр оставался в церкви, второй – передавался в духовную консисторию) после 1764 г., когда православные храмы Оренбургской губернии были переданы из Казанской епархии в Вятскую кроме Оренбурга и Мензелинска, оставшихся в прежнем подчинении.

Православная же Уфа со всем западным Приуральем находилась под управлением епископов Вятских и Великопермских Варфоломея (Любарского, 1764–1774 гг.) и Лаврентия (Барановича, 1774–1796 гг.). Лишь следующий владыка Амвросий (Яковлев-Орлин) возбудил вопрос о неудобности существования столь обширной епархии и в 1798 г. Синод сначала присоединил Уфу с остальной территорией к Казанской епархии, но в 1799 г. император Павел I приказал учредить новую Оренбургско-Уфимскую епархию с центром в Уфе.

После открытия нового епархиального управления в Уфе и

[1] ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 15–16.

последовала передача дел из Вятки. Однако некоторая часть документации осталась на месте. Это подтверждает современное состояние уфимских метрических книг в архиве Кирова, которые подшиты вместе с данными по вятским уездам. В основном они представляют собой небольшие комплексы документов в несколько листов, которые к 1799 г., скорее всего, уже были сброшюрованы с другими уездами и выделить их не было никакой возможности.

Материалы эти никогда не использовались уфимскими историками и краеведами, вообще в архиве Вятки (Кирова) трудились лишь Р.Г. Игнатьев в XIX в., В.А. Иванов в 2009 г. и немногие другие. Всего в Вятке (Кирове) хранятся 62 документа – метрические книги второй половины XVIII в. по разным церквям Уфимского уезда от Авзяно-Петровского металлургического и Ангасякского (в описи: Ангастицкий) винокуренного заводов до различных храмов города Уфы (часть материалов оцифрована и доступна на компьютере читального зала, часть нет). В следующей таблице показаны выходные данные всех метрических книг, хранящихся в архиве Кирова (ГАКО) по Уфимскому уезду.

№	Село (город)	Церковь (собор)	Год	Фонд, опись, дело, лист
1	Авзяно-Петровский завод	Троицкая	1776	237, 75, 538, 395–395 (то есть оборот)
2	Ангастицкий винокуренный	Предтеченская	1774	237, 79, 386, 75–75
3	Ангастицкий винокуренный	Предтеченская	1775	237, 79, 387, 107–107
4	Ангастицкий винокуренный	Предтеченская	1776	237, 75, 538, 333–333
5	Ангастицкий винокуренный	Предтеченская	1780	237, 79, 9, 212–213
6	Богородское	Казанско-Богородицкая	1776	237, 75, 538, 364–366
7	Государевы Дувани	Ильинская	1776	237, 75, 538, 376–379
8	Государевы Дувани	Ильинская*	1777	237, 75, 25, 1291–1294
9	Гребени	Покровская	1776	237, 75, 538, 379–380
10	Гребени	Покровская*	1777	237, 75, 25, 1295–1296
11	Елдятская крепость	Спасская	1776	237, 75, 538, 358–359
12	Елдятская крепость	Спасская*	1777	237, 75, 25, 1266–1268

13	Елово	Архангельская	1761	237, 75, 16, 70–75
14	Елово	Архангельская	1771	243, 1, 75, 22–24
15	Ермаш	Дмитриевская	1776	237, 75, 538, 385–387
16	Ермаш	Дмитриевская*	1777	237, 75, 25, 1297–1299
17	Завод Демидова	Не установлена*	1777	237, 75, 25, 1304–1305
18	Кадомцево	Казанско-Богородицкая	1777	237, 75, 25, 1275–1278
19	Калинкино	Петропавловская	1776	237, 75, 538, 374–375
20	Калинкино	Петропавловская*	1777	237, 75, 25, 1288–1290
21	Каноникольский медеплавильный	Николаевская	1776	237, 75, 538, 391–394
22	Касимово	Николаевская	1776	237, 75, 538, 383–384
23	Касимово	Николаевская*	1777	237, 75, 25, 1300–1301
24	Колесниково	Сретенская*	1761	237, 75, 16, 5–8
25	Колесниково	Сретенская	1771	243, 1, 75, 17–18
26	Костенеево	Предтеченская	1761	237, 75, 16, 64–69
27	Костенеево	Предтеченская	1771	243, 1, 75, 19–21
28	Котловка	Дмитриевская	1761	237, 75, 16, 21–24
29	Котловка	Дмитриевская	1771	243, 1, 75, 29–32
30	Красный Яр	Покровская	1776	237, 75, 538, 367–369
31	Красный Яр	Покровская*	1777	237, 75, 25, 1279–1282
32	Куганак	Покровская	1776	237, 75, 538, 388–390
33	Куганак	Покровская*	1777	237, 75, 25, 1302–1303
34	Лавочное	Введенская	1776	237, 75, 538, 381–382
35	Монастырские Дувани	Спасская*	1777	237, 75, 25, 1273–1274
36	Печенкино	Христорождественская	1776	237, 75, 538, 370–373
37	Печенкино	Христорождественская*	1777	237, 75, 25, 1283–1287
38	Табенск	Вознесенская	1776	237, 75, 538, 353–357
39	Табенск	Вознесенская*	1777	237, 75, 25, 1262–1265
40	Танайка	Архангельская	1761	237, 75, 16, 57–61
41	Танайка	Архангельская	1771	243, 1, 75, 25–28
42	Уфа	Богородицкий*	1776	237, 75, 538, 334–335

43	Уфа	Ильинская*	1776	237, 75, 538, 347–348
44	Уфа	Ильинская*	1777	237, 75, 25, 1253–1256
45	Уфа	Крестовоздвиженская*	1776	237, 75, 538, 343–344
46	Уфа	Крестовоздвиженская*	1777	237, 75, 25, 1247–1249
47	Уфа	Покровская*	1776	237, 75, 538, 345–346
48	Уфа	Покровская*	1777	237, 75, 25, 1250–1252
49	Уфа	Рождество-Богородицкая*	1776	237, 5, 538, 349–350
50	Уфа	Рождество-Богородицкая*	1777	237, 75, 25, 1257–1259
51	Уфа	Смоленско-Богородицкая*	1775	237, 75, 29, 810–811
52	Уфа	Спасская*	1776	237, 75, 538, 341–342
53	Уфа	Спасская*	1777	237, 75, 25, 1244–1246
54	Уфа	Троицкая*	1776	237, 75, 538, 338–340
55	Уфа	Троицкая*	1777	237, 75, 25, 1235–1240
56	Уфа	Успенская	1775	237, 75, 29, 812–814
57	Уфа	Успенская*	1776	237, 75, 538, 336–337
58	Уфа	Успенская*	1777	237, 75, 25, 1241–1243
59	Уфа	Христорождественская*	1776	237, 75, 538, 351–352
60	Уфа	Христорождественская*	1777	237, 75, 25, 1260–1261
61	Чесноково	Вознесенская	1776	237, 75, 538, 360–361
62	Чесноково	Вознесенская*	1777	237, 75, 25, 1269–1272

Сохранились в основном метрические книги за 1776–1777 гг., хотя есть и более ранние – за 1761 г., составленные до пугачёвского бунта. Их наличие в кировском архиве не ясно. Возможно, после перехода Уфы под юрисдикцию епископов Вятских и Великопермских в Вятку переслали и более ранние метрики. Кроме того, в ГАКО имеются метрические книги по уфимскому Прикамью (впоследствии Бирскому уезду): Николо-Берёзовке и Касёво. Они показаны в описи по Сарапульскому

уезду. Это точно наши селения, среди записанных в метрической книге есть уроженцы Ташкиново, Пензы, Масляного мыса. Сохранились сведения за 1776[1] и 1777 гг. Заголовок гласит: «Книга Вятской епархии ведомства Сарапульского духовного правления села Березовки Святотроицкой и Николаевской церквей священников: Евфимия Макарова, Стефана Федорова, да и Иоанна Федорова с причетники»[2].

Скопированные, благодаря исключительной любезности руководства Государственного архива Кировской области (директор Елена Игоревна Пакина), которому выражаем искреннюю признательность, материалы метрических книг, переданные в уфимский архив (ЦИА РБ) для свободного доступа, отмечены значком (*).

В иной церковной документации, хранящейся в архиве Кирова, исповедных росписях[3] и клировых ведомостях[4] информации по Уфимской губернии не имеется.

В качестве образца приведём фрагменты из метрических книг по уфимскому собору (в табличной форме)[5].

«Книга Вятской епархии города Уфы уфимского собора Смоленской Богородской церкви священника Семиона Дмитрева[6] с причетником записная на три части что имяны когда родились браками сочетались и померли и каковых лет.

Часть первая о рождавшихся		
№	Число	1775 году. Родилось
1	11	Июля уфимского магистрата у призидента Алексия Петрова Иконникова дочь Ефимия
2	26	у купца Петра Шишкова дочь Параскева
3	27	Августа у купца Далила Иконникова сын Петр
4	15	Декабря уфимской канцелярии канцеляриста Григорья Вязмитинова сын Павел к сим книгам священник итого родилось мужеска 2

[1] ГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 538. Л. 205–207 (Берёзовка), 208–210 (Касёво).
[2] Там же. Д. 25. Л. 1225.
[3] Там же. Оп. 71.
[4] Там же. Оп. 70.
[5] Там же. Оп. 75. Д. 29. Л. 810–811; Д. 538. Л. 334–335.
[6] По всей видимости, это Симеон Ребелинский (1723–1807), ещё писавший себя только по отчеству (См.: *Свице Я.С.* Семья Ребелинских // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 78).

		женска 2
Часть вторая о бракосочетавшихся		
№	Число	1775 году венчалось
1	25	Генваря оренбургского перваго баталиона салдат Илья Шедрин деревни Балахоновой крестьянскую дочью Татьяной Яковлевой первым браком
2	2	Февраля казачей первой роты казак Кузма Елфимов с салдатскою дочерьею Дарьей Михайловой первым браком
3	1	Июня крестьянин Афанасей Филипов села Чесноковки с крестьянскою дочерью Наталией Яковлевой первым браком
4	23	Декабря горнаго началства копеист Иван Петров Залесов ундер офицерскою дочерью Еленой Григорьевой первым браком Семеон Дмитреев[1] итого в том приходе венчалось 4 браков

Часть третия о умиравших			
№	Число	1775 году померло	Лета
1	28	Марта уфимской провинцы протоколист Василей Иванов Протопопов	43
2	26	Апреля уфимской купец Игнатей Дюков	78
3	17	Июля уфимской провинцы канцелярист Михаил Зубов	32
4	9	Августа уфимской провинцы подканцеляриста Василия Вязимтинова жена ево Марина Иванова руку приложил итого в том приходе померло мужеска 3 женска 1	–

«Книга Вятской епархии ведомства уфимского духовного правления города Уфы Богородского собора протопопа Иакова Семионова[2] и священников Семиона Дмитрева и Василья Михаилова с причетники записная о приходских тоя церкви людех на три части что имяны когда родились браками сочетались и

[1] Подпись священника.

[2] Протоиерей Смоленского собора Яков Неверов.

померли в каковы лета

Часть первая о рождавшихся		
№	Число	В 1776го году родилось
1	27	В марте уфимского казака Алексия Вязимтинова дочь Матрена
2	20	В апреле у отставного вахмистра Ерофея Баженова сын Иаков
3	20	В июле уфимского казака Петра Горбунова Мария
4	8	В ноябре уфимского казака Ивана Ремзанцова сын Михаил итого родилось мужеска пола 2 женска 2 обоего 4 человека к сем книгам выше
Часть вторая о бракосочетавшихся		
		В 1776го году венчалось
1	4	В феврале уфимской казак Василей Балахонов города Уфы отставного казака Стефана Аремданцова на дочери ево девице Параскеве Стефановой первым браком
2	того ж	уфимской канцелярии подканцелярист Василей Михаилов со вдовою подпорутчиковой женой Акилиной Митревой оба вторым браком
3	31	В октябре новокрещен Стефан Никитин с салдатскою дочерию девицой Марфой Михаиловой оба первым браком итого венчалось з обоего лицу 6 писанного собора священник

Часть третия о умиравших			
№	Число	В 1776го году померло	Лет
1	5	В маие отставной казак Стефан Осипов Аремзанков	45
2	того ж	уфимского бургомистра Ивана Шишковского жена ево Авдотья Андреева итого померло мужеска пола 1 женска 1 обоего 2 Семен Дмитреев руку приложил	

Б.А. Азнабаев

Императорский трон Уфимского наместничества

Учреждение системы наместничеств, провозглашённое правительством Екатерины II в 1775 г., децентрализовало управление страной. Для руководства губернаторами вводилась должность наместников, каждому из них вверялись две соседние губернии. В результате было образовано 19 наместничеств, главам которых передавались права и функции упразднённых коллегий. Одновременно было отменено деление страны на провинции, а количество губерний увеличилось с 23 до 50.

Уфимское наместничество было образовано императорским указом от 23 декабря 1781 г., согласно которому правящему должность генерал-губернатора Уфимского и Симбирского И.Ф. Якоби было поручено произвести в апреле 1782 г. административное разделение Уфимского наместничества на две области – Уфимскую и Оренбургскую[1]. 17 мая 1782 г. состоялось официальное открытие Уфимского наместничества. Создание наместничества в Уфе отпраздновали с помпою. По улицам шествовали чиновники всех рангов, в церквах шли торжественные богослужения, вечернее небо расцвечивали фейерверки, гремела пушечная и ружейная пальба. На улицах были расставлены столы для угощений горожан с обильными закусками и значительным количеством вина, выставленного от казны[2].

Известный мемуарист Г.С. Винский, приехавший в Уфу в 1783 г., отметил благотворное влияние наместничества на состояние местного общества: «Очередь дошла Оренбургскому краю быть причастным преобразований, генерал-поручик Якоби был назначен императрицей обозреть сию губернию и положить на меру открытие нового наместничества. Сей чиновник будучи умен, обходителен и в делах сведущ, при первом своем приезде в Оренбург имел с собой много людей с дарованиями, приятного обхождения, словом весьма от оренбургских каторжных жителей отличных. Открытие же в Уфе наместничества еще более доставило сему краю людей весьма порядочных, так что грубости и скотство, прежде здесь господствовали, принуждены были уступить место людкости, вежливости и другие качества, свойственные благоустроенными обществами»[3].

Где находилась резиденция наместника в Уфе? В мае 1759

---

[1] ПСЗ РИ-1. Т. XXI. № 15307. С. 365–366.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6551. Л. 239–240.

[3] *Винский Г.С.* Моё время: Записки Г.С. Винского / Ред. и вступ. статья П.Е. Щеголева. СПб., 1914. С. 108.

г. в результате попадания молнии полностью выгорел административный центр города вместе с уфимским кремлём. К 1762 г. закончилось сооружение комплекса из трёх домов: провинциальной канцелярии, архива и рентереи – хранилища денежной казны[1]. Краевед М. Сомов утверждал об открытии наместничества только в 1785 г., поскольку лишь к этому времени было закончено строительство зданий наместнического правления: «Открытие наместничества совершилось по сооружении домов наместнического и губернаторского. Первый выстроен был на месте нынешнего Архиерейского дома; второй же на прежней торговой площади, против старого собора. Оба дома были деревянные; но последний (губернаторский) в 1798 г. сгорел, вместе с купеческим гостинным двором. При наместническом доме были выстроены наместнические присутственные места, состоящие из двух деревянных корпусов; один из них, помещавший наместническое управление, в 1794 тоже сгорел, а другой, вместе с наместническим домом и со всеми службами, в 1800 г., при первом Епископе Амвросие, поступил в духовное ведомство. При губернаторском доме находились все уездные присутственные места, в последствии тоже истреблённые пожаром»[2]. Однако эти данные не согласуются ни с сенатскими документами, ни с послужным списком И.Ф. Якоби. Дело в том, что уже в 1783 г. Иван Варфоломеевич был перемещён на должность генерал-губернатора Иркутского и Колыванского наместничеств[3].

Краевед Р.Г. Игнатьев отмечал, что «в конце прошлого столетия там, где теперь Собор, присутственные места, семинария и площадь – было чистое поле, с разбросанными на нём многими курганами, под именем "Нагайских". В том пустом месте, уже тогда загородном, почему-то в 1782 году, назначенный в Уфу наместником Генерал-Поручик Якобий построил на месте, где теперь архиерейский дом, три деревянных одно-этажных корпуса: два для присутственных мест и один таковой же деревянный корпус для квартиры наместника. Мы имеем описание наместничьего корпуса, из которого видно, что он был убран богато, а зала *тронная*, даже была обита шелковой материею; в ней стоял трон, т. е. над портретом Екатерины Великой, устроен был бархатный балдахин или сень, а под ним устроено возвышение обитое красным сукном. В тронной зале Уфимские наместники давали балы и обеды, принимали в высокоторжественные дни чиновников. В 1796 году Павел I уничтожил Уфимское намест-

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Д. 6551. Л. 289.
[2] Оренбургские губернские ведомости. 1864. 14 марта.
[3] *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883. С. 193.

ничество, назвав его Оренбургскою губерниею и велел перевести из Уфы губернские присутственные места в Оренбург; тогда наместнический дом опустел, однакоже не надолго. В 1800 году наместнический дом отдан для помещения архиерея, семинарии и консистории, вновь учреждённой тогда в Уфе епархии Оренбургской и Уфимской»[1]. То есть трон находился в доме наместника, впоследствии отданном архиерею, где сейчас Дом Правительства РБ.

Главным помещением наместнического дома являлся так называемый тронный зал. Воспоминания о тронных залах, существовавших в различных наместничествах, можно встретить в мемуарах и записках многих губернских чиновников и путешественников конца XVIII в. Однако главное предназначение тронных мест современниками, как правило, не объяснялось. Они резонно полагали, что подобные вещи очевидны. Тем не менее, краеведы подробно описывают события, происходившие в тронных залах наместнических правлений. Так, из сообщения летописца Перми Ф.А. Прядильщикова видно, что «генерал-губернаторы представляли лицо Государыни. И при торжественных приемах обращались к собравшимся – от ступеней трона»[2].

О каком императорском троне идёт речь? Следует отметить, что в России формирование государственной символики происходило первоначально как формирование символики верховной власти, использовались её внешние признаки – корона и скипетр, трон и держава, сопряжённые с личностью и особой государя. На первом этапе своего существования двуглавый орёл воспринимался исключительно как «государева печать». Напротив, наместнические троны служили символом присутствия императорской власти. Эту же функцию в XIX в. будет выполнять парадный ростовой портрет императора. Очевидно, что слову «наместник», происходящему от слова «место», в качестве символа наилучшим образом соответствует именно трон, а не скипетр или держава. Интересно, что ещё в XVII–XVIII вв. под наместниками подразумевали преемников и наследников[3].

Важно подчеркнуть, что именно Екатерине II принадлежит идея совмещения тронного зала и официального портрета правящего императора. Е.Б. Болтунова обратила внимание, что Екатерина II оформила тронный зал Большого дворца в Петер-

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 265–266.

[2] *Прядильщиков Ф.Я.* Летопись губернского города Перми (1781–1844). Пермь, 1883. С. 72.

[3] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. Н–Наятися. М., 1978. С. 147.

гофе в виде портретной галереи. В этом церемониальном помещении между окнами второго света были представлены портреты представителей династии Романовых, а над дверьми, которых в этом зале четыре, – парадные изображения Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Но главное – над троном в центре восточной стены был помещён парадный конный портрет Екатерины II в мундире полковника л.-г. Семёновского полка. Сюжет, выбранный художником, более чем знаковый – шествие Екатерины во главе гвардейских полков из Петербурга в Петергоф после провозглашения её русской императрицей. Таким образом, упомянутая выше идея легитимации власти посредством совмещения в пространстве зала династического портрета и тронной была дополнена принципом взаимозаменяемости в контексте императорского места государственной символики и образа конкретного монарха (в данном случае Екатерины II). И произошло это, по крайней мере, за два десятилетия до начала оформления Гатчинской Нижней Тронной[1].

При этом наместник сидел не на троне и даже не на его ступенях, а возле него и только в случае торжественных обращений и чтения указов вставал на нижнюю ступень тронного места. В.А. Потто детально описал церемониал официального приёма кавказским наместником графом П.С. Потёмкиным делегации шамхала Тарковского в 1785 г.: «Миновав длинную анфиладу комнат процессия вступила в залу, посреди которой величественно возвышался императорский трон. При ступенях трона на богатом кресле сидел наместник. Выслушав сидя приветственную речь от лица Бамата, он встал и со своего места указал рукой на большой портрет императрицы. После преклонения колен у ступеней трона, послы громко и внятно произнесли присягу от лица своего владетеля»[2].

В некоторых городах тронный зал наместнического дворца представлял собой едва ли не единственное присутственное место, уцелевшее от общего разрушения и упадка. Как отмечает в своих воспоминаниях тамбовский краевед И.Д. Дубасов: «Казенные строения походили на развалины, по улицам в дождливое время не было проезда. И только обширный генерал-губернаторский деревянный дворец, на половину занятый многочисленными губернскими присутствиями, немного скрашивал скудную окраину города-деревни. Во дворце была просторная

---

[1] *Болтунова Е.М.* Трон Великого Петра: К вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 5. М., 2008. С. 496–511.

[2] *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. М., 2006. С. 73.

тронная зала с великолепным императорским троном»[1].

А.Т. Болотов так же оказался под сильным впечатлением от торжественного открытия Тульского наместничества, которое состоялось в тронном зале генерал-губернаторского дворца: «Никогда еще Тула не видала в стенах своих столь великого множества и знатного, и средственного, и мелкого дворянства»[2]. Внимание Болотова было сосредоточено на «пышном и великолепном зрелище» открытия дворянского собрания. Оно происходило в самом вместительном зале, в котором был сооружён императорский трон под богатым балдахином, украшенный стоявшим на нём портретом императрицы во весь рост. Наместник, взошедши на ступень трона, обратился к присутствующим с краткой речью, которую слушали стоя «с должным благоговением».

О тронном зале, существовавшем в Уфимском наместническом правлении, написал уральский краевед И.И. Меньшов. В своей исторической заметке, посвящённой празднованию нового года в Уфе в XVII–XVIII вв., он даёт интересные сведения о том, что тронная зала использовалась не только для официальных мероприятий. Описывая празднование нового года в Уфе, он отмечает: «между тем в 9 часу утра все чины наместнического управления, военные и гражданские чиновники собирались в доме наместника, на месте которого теперь находится архиерейский дом. Наместнический дом, (тут же помещались уездные присутственные места), был деревянный, одноэтажный и состоял из 3 корпусов, в одном из которых жил наместник. Все официальные собрания, обеды и балы происходили в "тронной зале", так названной по находящемуся здесь портрету Императрицы Екатерины, над которым устроен был богатый балдахин. Здесь в тронной зале чины наместнического управления ожидали выхода наместника. Наместник, наконец, выходил, поздравлял и сам принимал поздравление, иногда говорил речь, как это сделал в торжество нового 1786 г. барон Игельстром, по случаю дворянских выборов, открытых в день нового года. Приняв поздравление, наместник приглашал присутствующих в собор, куда в след за наместником, все чины управления и проч. отправлялись слушать литургию и молебен. В тот же день у наместника, в тронной зале, бывал обеденный стол, а вечером – банкет, т. е. бал. – Между тем улицы освещались фонарями, плошками, горели смолянные бочки, и ёлки не убирались до следующего дня»[3].

---

[1] *Дубасов И.Д.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1. Тамбов, 1883. С. 23–24.

[2] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные им самим для своих потомков. Т. III. М., 1993. С. 720.

[3] *Меньшов И.И.* Празднование нового года в Уфе в XVII и XVIII веках // Ре-

Интересно, что И.И. Меньшов связывает название тронного зала с портретом императрицы, но не с самим троном, который по неизвестной причине не попал в это описание.

Как выглядело тронное место? Сравнение уфимского (по публикуемой ниже статье) и пермского императорских тронов свидетельствует о незначительных различиях лишь в антураже. Кресло имело трёхступенчатый пьедестал с балдахином и ростовым портретом. Но в уфимской описи отмечены «принадлежащие трону» золотые часы и две «вызолоченные вазы». В описи пермского трона указан только «рундук (постамент) о двух ступенях, обит малиновым бархатом», ни о каких часах и вазах не упоминается[1]. При этом, неотъемлемым атрибутом пермского тронного зала считался серебряный сервиз на 60 персон, употреблявшийся на официальных обедах, даваемых наместником[2].

12 декабря 1797 г. указом Павла I наместничества были упразднены[3], а тронные залы официально закрыты.

Какова судьба имперских символов после повсеместного закрытия наместничеств? В.Н. Трапезников, на основании архивных источников, утверждает, что все эти предметы были затребованы в Петербург для уничтожения. В частности, казённый сервиз из Перми было приказано выслать на монетный двор для последующей «переделки» в деньги[4].

Писатель А. Труайя передаёт настроение, которое овладело Павлом после восшествия на престол: «Он стремился поскорей стереть память о ненавистном правлении своей матери и реанимировать вероломно преданные забвению политические идеи своего отца. Не обвиняя никого, он в то же время рассматривал себя не преемником Екатерины II, а мстителем за Петра III»[5].

В уфимском историко-краеведческом сообществе даже к началу XX в., видимо, сохранялись предания о бывшем когда-то в Уфе императорском троне и много печатавшийся на историко-краеведческую тематику «*А – въ*» разместил статью на данную тему, полностью публикуемую ниже.

Одним из главных участников этой истории был Баратаев Иван Михайлович (Бараташвили Иван Мельхиседекович, 1739 – после 1800), князь. Тайный советник (1797), подполковник (1771). В русской армии в 1754–1772 гг. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг., ликвидации Барской конфедерации 1768–

ка времени. 2011 / Отв. редактор М.И. Роднов. Уфа, 2011. С. 123–124.

[1] ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 225. Л. 8.

[2] *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми. Пермь, 1998. С. 21.

[3] ПСЗ РИ-1. Т. XXIV. № 17634. С. 229.

[4] *Трапезников В.Н.* Указ. соч. С. 22.

[5] *Труайя Анри.* Павел I. М., 2007. С. 198.

1772 гг. в Речи Посполитой. С 1773 г. служил в Юстиц-коллегии в Санкт-Петербурге, с 1780 г. председатель Симбирской палаты уголовных дел, с 1787 г. – Уфимской казённой палаты. В 1795–1796 гг. правитель Уфимского наместничества, в 1797–1799 гг. оренбургский гражданский губернатор[1].

Князь Иван Юрьевич Баратов, кавалер военного ордена 4 класса. Родился в 1737 г. В 1792 г. в Черниговском и Екатеринославском наместничестве имел крепостных 150 душ мужского пола. В службу вступил рядовым в Грузинский гусарский полк в 1753 г., капрал (1754), ротный квартирмейстер (1756), вахмистр (1757), прапорщик (1761), адъютант (1765), в Изюмском гусарском полку поручик с 1766 г., капитан с 1770 г., секунд-майор с 1773 г., премьер-майор с 1781 г., подполковник с 1788 г. В Харьковском конно-егерском полку служил полковником с 1791 г., определён в Уфу комендантом в 1791 г. В походах с начала войны в Пруссии, участвовал в различных сражениях, Берлинской и Колбергской экспедиции. «При сем оказывал отличную службу», что засвидетельствовано командованием в 1769 г. в Турецком походе при осаде и взятии Бендер в 1771 г., в Крыму при атаке Перекопской линии и взятии Кафы в 1774 г., в Крымской экспедиции в 1782 и 1783 гг. против бунтовавших крымских татар, в 1788 г. при осаде Очакова, в 1789 г. при взятии Белграда и Бендер[2].

---

[1] *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Баратаев И.М. // Башкирская энциклопедия. Т. 1. А–Б. Уфа, 2005. С. 319.

[2] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 6233. Л. 211.

Перенесение по Высочайшему повелению, трона Императрицы Екатерины Алексеевны из г. Уфы в г. С.-Петербург, в 1797 г.[1]

12 апреля 1797 года, Оренбургский гражданский губернатор, тайный сов. князь Иван Михайлович Баратаев, имевший свою резиденцию в г. Уфе, получил от генерал-прокурора, князя Алексея Борисовича Куракина, предписание следующего содержания: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил имеющийся в Оренбургской губернии, в доме генерал-губернатора (Уфимского и Симбирского), трон со всеми к оному принадлежащими вещами привезть в С.-Петербург. О сей высокомонаршей воле, сообщая вам милостивый государь мой, к зависящему со стороны вашей исполнению, покорнейше прошу приказать трон сей со всеми принадлежностями доставить прямо ко мне».

Такого же содержания предписание от генерал-прокурора Куракина было получено и Оренбургским военным губернатором, бароном Иосифом Андреевичем Игельстром, имевшим свою резиденцию в г. Оренбурге. Означенный военный губернатор, барон Игельстром, отношением, от 7 мая 1797 г., просил гражданского губернатора, князя Баратаева, «состоящий в Уфе, в доме генерал-губернатора, трон со всеми к нему принадлежащими вещами доставить с посланным нарочным в г. Оренбург, для дальнейшего его препровождения в С.-Петербург».

В отношении военного губернатора говорилось также о том, чтобы трон был разобран со всевозможною осторожностью, в присутствии полковника Мансурова, чтобы была сделана опись всякой вещи, и он был уложен таким образом, чтобы «мог быть обезпечен в пути от всякого повреждения».

Губернатор Баратаев, отвечая на такое отношение барона Игельстрома, писал, от 13 мая 1797 года, что уже сам имеет предписание от генерал-прокурора Куракина доставить трон прямо к нему и что посему он «почитает пересылку трона в Оренбург излишнею». Губернатор Баратаев просил барона, чтобы последний поспешил его уведомить о тех способах, какие предполагаются к скорейшему отправлению трона из Оренбурга и для удобнейшего в пути предохранения. Военный губернатор ответил гражданскому, от 21 мая 1797 года, таким образом «имею честь уведомить, что способы к отправлению в С.-

[1] Извл. из дел архива Губ. правл. – *прим. автора.*

Петербург трона имел я только те, чтобы доставить его на собственный счёт, определив к нему, для обезпечения его в пути, одного из казачьих здешних чиновников».

Губернатор Баратаев, получив предписание от Куракина о скорейшем доставлении в С.-Петербург хранящагося в Уфе трона, распорядился, по сему случаю, учинить розыски и изследования по всем Уфимским присутственным местам и учреждениям; по наведённым тщательным справкам оказалось, что в Уфимском уездном казначействе сохранялись принадлежащие трону «золотые часы и кисти». Означенные «часы и кисти» были представлены губернатору уездным казначеем Петром Протопоповым при рапорте, с приложением следующего реестра: «1) кистей десять; 2) шнура двадцать аршин; 3) широкого гасу в большом куске семьдесят четыре аршина с четвертью; 4) менее широкого в другом куске тридцать восемь аршин с половиною; 5) узкого в третьем куске десять аршин три четверти; 6) в бахроме одиннадцать аршин два вершка; 7) кресла вызолоченныя, обитыя малиновым бархатом, с золотым гасом, вензелем и гербом, при оных креслах подушка малинового бархата, с золотым гасом; 8) со столика покрывало бархатное, с золотою бахромою».

Уфимский городничий, князь Иван Баратов, получил, 14 мая 1797 года, губернаторский ордер, коим предписывалось, чтобы трон, под непосредственным наблюдением городничего, был осторожно разобран и всем разобранным частям его учинена была подробная опись и чтобы они, упакованные и укупоренные в ящики, были представлены губернатору. Городничий, согласно ордеру, немедленно приступил к осторожной разборке трона; все разобранные, отдельные части его были обложены писчею бумагою и пенькою, заделаны в деревянные из пилёного леса ящики, забитые гвоздями и перевязанные пеньковыми верёвками; самые же ящики были обтянуты рогожами и перевязаны мочальными верёвками.

Исполнив такое поручение, городничий Баратов представил губернатору рапорт, с приложением описи, в коей были перечислены все отдельные части «Высочайшего трона, приуготовляемого к отправлению в С.-Петербург: 1) Высочайший Ея Императорского Величества блаженныя и вечно достойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны портрет на полотне; 2) рамы вызолоченыя, с вензелем и гербом в четырех штуках, из коих на одной скипетр и держава; 3) балдахин резной, вызолоченый и внутри обитый малиновым бархатом, с золотым гасом; 4) на балдахине сверху герб вызолоченный; 5) две вазы вызолоченныя; 5[6]) кресла вызолоченныя, обитыя малиновым бархатом, с золотым гасом, вензелем и гербом, при оных

креслах подушка малинового бархата, с золотым гасом; 7) со столика покрывало бархотное, с золотою бахромою».

Высочайший трон, со всеми принадлежностями к нему, поручено было сопровождать из Уфы до С.-Петербурга подпоручику Оренбургской штатной команды Калинину, которому было дано особое путевое наставление. В этом наставлении говорилось, чтобы означенный Калинин следовал в С.-Петербург безостановочно и, во время всего пути, имел за Высочайшим троном неослабное наблюдение, «дабы не могло последовать оному нималейшего повреждения»; во всяком месте подпоручик обязан был сохранять благопристойность, притеснений никому не чинить, безденежно ничего и ни с кого не брать, под опасением за оное законнаго взыскания. По прибытии же на место, Калинину предписывалось немедленно явиться с данным ему конвертом к генерал-прокурору Куракину и сдать непосредственно ему Высочайший трон. В ожидании же от Куракина повеления относительно обратного возвращения, подпоручик Калинин должен был продать, за ненадобностью, те повозки, в которых, препровождались все разобранные части и принадлежности трона.

По расчёту Оренбургской казённой палаты, подпор. Калинину было выдано прогонов, по счёту на семь лошадей, считая от Уфы до Петербурга 1912 в., – всего 350 руб. 16 коп. 28 мая 1797 года, подпоручик Калинин отправился в путь, а 17 ноября того-же года он был снова уже в Уфе и представил губернатору [Б]аратаеву письмо от Куракина и рапорт о том, что Высочайший трон Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны доставлен им в С.-Петербург в сохранном виде и сдан по принадлежности.

Калинин в конце рапорта присовокупил, что повозки из-под трона были проданы им в С.-Петер. за двадцать один рубль.

А – въ[1].

(Уфимские губернские ведомости. 1906. 18 февраля)

---

[1] Под этой аббревиатурой вышел ряд статей. В 1905 г. – материал о деле помещика Тоузакова «Нераскрытое преступление» (Уфимские губернские ведомости. 1905. 14, 18, 20, 23, 31 декабря; а также в январе – феврале 1906, последний номер за 7 февраля). В 1906 г. была напечатана данная статья (18 февраля), затем в трёх апрельских номерах – работа об Ушаковском парке (см. в начале сборника). В газете также изредка появлялись статьи за подписью «А.» Но со второй половины 1906 и в 1907 г. публикации, подписанные «А-въ» исчезли. Статья «Памяти П.Я. Тоузакова» вышла под авторством «У-ский» (Уфимский) (Уфимский край. 1907. 17 января).

Н.Я. Озерецковский

Путешествие по России (фрагменты)
I.

Сентября 23-го, пятница.

Дорога не столь была хороша, как предследующая, понеже принуждены были ехать верст с 6-ти по бревенчатому помосту. Сей день обедали мы у весьма бедного офицера, которой не более имеет, как один двор. За собою однако приглашает других кристиян селится на его земле, брав с них ту плату за сие, которою они платят и башкирцам. Ибо надобно ведать, что все сие почти пространство, находящееся от иргинскаго завода даже до самой Уфы, принадлежит башкирцам, выключая малой части, принадлежащей мещерякам[1] и другим поселянам, которыя сие земли откупили. Но он не держит данного им обещание и как скоро кто уже совсем переселится, то и налагает на его более, нежели с ним сперьва условился. Ночевали в мещерятской деревне Арбаш.

Сентября 24-го, субота

В деревне Стимахиной встретил нас мещеряцкий старшина, которой от сего места в 10 верстах по дороге, по которой мы должны были ехать, имел свое пребывание. Он нас пригласил к себе отобедать, на что мы охотно и согласились. А как безпрерывное сидение в карете уже мне наскучило, то я попросил у приехавших с старшиною верьхами мещеряков лошадь и поехал с ними вперед. Мы не более употребили времени для перескакивания сих 10-ти верст, как полчаса, по прошествии котораго и приехали в деревню Чуртаны, где старшина жил. «Чуртаны» на их языке значит «щука». И сия деревня получила сие наименование от озера, при котором она лежит. И как сказывают, что когда поселились на сие место, то оно наполнено было щуками, которыя в скором времени по поселении совсем пропали так, что ни одной в сем озере не осталось. Вероятно, что сие озеро имеет какое ни есть подземное сообщение с другими реками или озерами, если сие в самом деле было. Все сии мещеряки, которых не более как до 3000 наберется с татарами и башкирцами, которыя не кочуют, одинакаго закона и ведут одинакой образ жизьни. Только тем с татарами разнствуют, что сии платят об-

---

[1] Мещеряками называют народ, обитавший по среднему течению Оки (Мещерская сторона) и на нынешней территории Татарстана и Башкортостана. В данном случае имеются ввиду так называемые уфимские мещеряки – *прим. составителя С.А. Козлова.*

рок и дают рекрут, а мещеряки и башкирцы на такой же коче, как и казаки. Но по большой части употребляются только на стережения сибирской линии от набегов киргиских.

Сентября 25-го, воскресение.

К обеду приехали в село Калинник, лежащее при Старице реки Белой, которая зделала себе прорыв в другом месте. В сем селе живут дворцовые крестияне, которым смежны другия два села економических крестиян[1]. Перьвыя весьма жалуются на крестиян двух последних сел, которыя не токмо чинят им великия обиды, но и присвоили себе довольную часть земли, утвержденной им из давних времен грамотою. Другия же оправдаются тем, что и они имеют указ от последняго межевания, которой также утверждает их прав над сими землями. И так вероятно, что межевщик в сем отделении земель покорыстовался. Как дворцовые к нам весьма приступали зделать им правосудие, то мы, уверя их, что мы не имеем к сему ни малейшей власти, обещались о сем уведомить в Уфе економии директора. Как в Старице находится довольное число рыбы и как промысел оной принадлежит башкирцам, то рыбаки сего места откупают у них оной за весьма дешевою цену, а поиманную белую рыбицу весьма хорошо вялят.

Сентября 26-го, понедельник.

Не доезжая верст 6-ть до Уфы, опять переправились через реку Белую и в V часов пополудни приехали в сей город. Нам отвели намеснической дом, стоящей на горе в 1 ½ верстах от города. Тут же построены и присудственныя места. Как мы не были ничем заняты, то мы тотчас и пошли в город. Оной лежит в буераке и по косогорам, пересечен многими оврагами при реке Белой. Хотя довольно велик, но строением весьма дурен так, что и наилутшия в оном домы еще очень посредственны. Как сей город был сперьва провинциальной, то по установлении наместничеств с великим трудом могли завести порядошной гостиной двор, где б можно было сыскать что-нибудь годнаго, но теперь, хотя еще и не в блестящем состоянии, но уже нужнейшия вещи все находятся.

Возвращаясь из города назад, попались нам навстречу ведущияся с работы колодники. Один из оных несколько поотстал. Я удивился было, что солдаты ему в том не препятствуют, но

---

[1] Экономическими называли бывших монастырских крестьян, переданных в 1764 г. в результате секуляризации церковных земель под управление Коллегии экономии – *прим. составителя С.А. Козлова.*

еще и более удивился, когда увидел девочку лет 8-ми всю в слезах, ведущую за собою, как кажется, свою маленькую сестрицу, которая также неутешно рыдала, и вместе бегущих догонять сего колодника. Когда они его достигли, то сей, облобызав их обеих, присоединился к другим. Будучи чувствительно тронут сим нечаянным явлением, приближился к сему колоднику, спросил, кто сии девочки, которых он целовал и за какое преступление находится он в числе сих нещастных. Он уведомил меня, что сии были его дочери и что он бежал из рекрут, но что судбина его еще не решена, а содержится только под стражею. Тогда то я возчувствовал всю цену моего состояния и благодарил всевышняго, что благоволил, чтоб я родился не совсем в неволе, и сострадал о нещастных, которые подвержены одинокому жребию с сим жалости достойным отцом.

Правления сего наместничества, сверх управления народов под его ведением находящих и собирания с одной части оных подушных денег, имеет также в своем ведении заводы, две таможни и соляныя работы. Сие наместничество, хотя и не столь многолюдно как некоторыя, однако не менее важно как разсуждения того, что оно пограничное, так и для доходов, которые получает казна с заводов и с соли. В управлении народами сего намест[ничества] находится великое неудобство, во-первых, что большая часть оных совсем не привычны к порядошной жизни, а потом различныя их веровании и разные их обыкновения немало к сему также приносят препятствия.

Сие место, где теперь построен наместнической дом или близ онаго, издревле, вероятно, обитаемо было каким-нибудь багатым качующим народом, чему служит доказательством находящияся тут множество курганов, между которыми находится 3 или 4 весьма большия кургана, из коих по срытии наибольшаго для строения на сем месте наме[стнического] дома обрели в оном не токмо кости человека весьма большаго роста, кости лошади, которая чаятельно по их обыкновению вместе с ним погребена была, но и всю его богатую збрую, разными разноцветными каменьями украшенную, между которыми находилось великолепное седло, копье и прочие сему подобное. Каторжныя, которыя срывали сей курган, вырыв сие сокровище, с великою жадностью на оное набросились так, что с великим трудом, да и не без увечия могли их принудить, чтоб перестали его растаскивать, но сие уже не помешало, чтоб большая часть онаго не была расхищена.

Сентября 27, вторник

Во все время моего в Уфе пребывания, которое продолжа-

лось до 1-го октября, безпрерывно были угощаемы разными особами, которыя в сем городе находятся и составляют между собою весьма маленькое общество и потому время протекло довольно скоро.

[1 октября Н.Я. Озерецковский выехал «наперед» в Симбирск]

(*Озерецковский Н.Я.* Путешествие по России. 1782–1783. Дневник / Сост. С.А. Козлов, под наблюдением З.В. Дмитриевой. СПб., 1996. С. 94–98)

II.

Красивые места, на которых живут Татары, Мещеряки, Черемисы и Русские, места оныя изобилуют березовым и дубовым лесом. Приближаясь к Уфе, два раза переправлялись через реку Белую, сперва в 60 верстах от сего города, потом за 5 верст от онаго. В Уфу приехали Сентября 26-го дня.

Об Уфе и о проезде нашем через Бугульму в Симбирск донесу я в. в. п-ву в следующем моем письме.

Октября 26 дня 1782. Отправлено из Симбирска.

3.

Мне следует теперь донесть в. в. п-ву об Уфе, где с 26 дня Сентября пробыли мы до 4 Октября. Отсутствие г. генерал-губернатора Ивана Варфоломеича Якобия и отрешение от службы г. губернатора князя Матвея Афанасьевича Фабулова не препятствовали нам получить довольное сведение об Уфимском наместничестве. Нам доставлены были известия не только о числе народов в сей губернии находящихся, которых считается 211 185 человек, но также и о всех доходах в сей губернии собираемых, которые в прошлом 1781 году состояли из 563 163 рублей, 11¼ копеек. Доходы сии собираются не с одних платящих подати жителей, которых числом 121 694 человека, с коих годового доходу 214 806 рублей, 60 копеек; но возрастают они от медиплавленных и железоделаемых заводов, в сей губернии находящихся, от пограничных таможен Оренбургской и Троицкой, от питейных откупов, от продажи соли и от приказных дел, как то от купчих, закладных, явочных, исковых и проч.

Число жителей никаких податей не платящих простирается в сей губернии до 89 491 человека, в числе которых одних Башкирцов 64 648, Мещеряков 11 172 и пр.

В ведомстве Уфимского наместничества всех заводов медиплавленных и железоделаемых в действии находится 22, кои все принадлежат частным людям. На железных заводах доменных печей считается 13; с каждой домны ежегодно платится в

казну по 100 рублей. На медиплавиленных заводах всех печек находится, считаясь 71. С каждой из них казна получает по 5 рублей в год. Сверх того с выплавляемаго на железных заводах чугуна платится в казну по 4 копейки с пуда. Сей доход, вместе с упомянутым на домны и медиплавиленныя печки, складом в прошлом 1781 году составил 26 598 рублей 4 копейки и ¾, потому что выплавленнаго на заводах чугуну было 623 576 пудов и 8 фунтов; а от медиплавиленных заводов, сверх пятирублеваго с печек доходу, получено меди на десятую долю, которая даром в казну берется 6156 пудов 19 фунтов ¼. Сие количество меди, полагая пуд в 6 рублей, дает доходу 36 938 рублей 88 копеек и ¾. И так весь прибыток от 22 заводов будет состоять в 63 530 рублях 93½ копейках. Кроме оных 22 заводов имеются в Уфимском наместничестве еще шесть, из коих один казенный, а пять партикулярные, но состоят без действия. [...][1]

От продажи соли в Уфимском наместничестве прибыли бывают, полагая в пример прошлый год, 45 090 рублей 45¼ копеек. Здесь употребляется соль Илецкая, которой для Уфимскаго наместничества и Оренбургской области в окружных 12 магазейнах на два года до 400 385 пудов иметь должно; а для отправления оной соли в другия губернии ежегодно запасается по 500 000 пудов в магазеинах, из коих один находится в самой Илецкой Защите, где соль добывается, второй в Оренбурге, третий и четвертый при реке Белой, на пристанях Стерлитамацкой и Уфимской; а пятый магазейн при реке Каме на Беткинской пристани. Из Илецкой Защиты в Оренбургский магазейн привозится соль по большей части Оренбургскими жителями и окольными поселянами, а из Оренбурга в другия места нанимаются оную ставить приезжие повозчики, которые легче для себя почитают брать соль из Оренбурга, нежели из Илецкой Защиты, откуда во время проезда до Оренбурга в летнюю пору на обозы нередко нападают Киргизцы и делают всякия наглости, а зимою на степной оной дороге сильные случаются бураны, от которых возчики не только теряют иногда своих лошадей, но и сами пропадают.

По Белой реке соль отправляется на казенных судах, а по Каме в верховые города, развозят ее подрядчики на своих собственных судах. Чтоб показать все доходы, составившие в прошлом году вышеобъявленные 563 163 рубли 11¼ копеек, надобно присовокупить еще три статьи, а именно: откупную сумму за питейные сборы, которой в Уфимском наместничестве по 8 округам было 83 600 рублей, а в Оренбургской области по 4 окру-

[1] Здесь пропущены три абзаца про Оренбургскую и Троицкую таможни.

гам 86 108 рублей 49½ копеек; неокладные доходы с купчих, закладных, явочных, исковых и пр. составили 9440 рублей 88¼ копеек.

Если к сему присовокупить описание городовых гербам Уфимскаго наместничества, план Илецкой Защиты и соляной ломки, краткое описание некоторым городам сего наместничества, которых жители большею частию промышляют хлебопашеством, то сие составит все сведения, которыя мы в Уфе получить могли.

Остается донести вашему в. п-ву о самом городе Уфе, что он на выгодном стоит месте, по причине Белой реки, возле его протекающей, в которую повыше города впадает река Уфа, с той же правой стороны, на которой и город находится; в обеих сих реках довольно рыбности, и в Уфе очень хорошия ловятся стерляди. Город состоит из 767 домов, которые не лучше бедных крестьянских изб и разставлены между буераками, которые город сей очень безобразят. Кроме купцов и мещан, живут тут отставные солдаты и казаки, кои пашут землю, к сему городу принадлежащую. Наместническое правление и генерал-губернаторский дом построены из дерева, ниже города, по течению Белой, на ровном и возвышенном месте, с котораго луговая, ровная и чистая сторона реки Белой видна очень далеко и ясно.

При строении наместническаго правления срыт был один высокой курган, на оном месте находившийся, в котором найдены разныя вещи, как то: копья, кольца и другия к сделанному прибору принадлежащие товары, но все они растащены были работниками. Таких курганов близ онаго места находится еще три. Уповательно, что и они содержат в себе какие нибудь остатки стариннаго богатства, с которым прежние сих стран жители людей погребали. Климат здесь умеренный; на вольном воздухе родятся арбузы и дыни; сады изобилуют яблонями, на которых прошлаго лета довольно много родилось яблок, что особливо примечания достойно, потому что прошлою зимою во всех проеханных нами городах, начиная с Москвы, почти все плодоносныя деревья в садах позябли.

Октября 4 дня отправились мы из Уфы в Симбирск, до котораго от Уфы 538 верст почитается. В пяти верстах от города переправились через реку Белую. Дорога наша лежала на город Бугульму, до котораго от Уфы 208 верст. Мы ехали по Татарским, Башкирским и Мещеряцким деревням, красивыми местами, на которых попеременно встречались нам пространныя поля и березовые леса; на полях, не без сожаления, видели мы оставленныя хорошия травы, которых жители, за изобилием, косить не могут.

(Русский архив издаваемый Петром Бартеневым. 1876. Кн. 3. М., 1876. Граф Алексей Григорьевич Бобринский и его бумаги. Письма профессора Озерецковского к И.И. Бецкому о путешествии Бобринского по России. С. 47–50)

В историографии существует немало работ о странствиях венценосных особ и их наследников по городам и весям Российской империи[1]. Реже встречаются исследованиях о поездках незаконнорождённых представителей царствовавшего дома, не имевших никаких прав на престол, но сохранявших близкие отношения с верховной властью. Об одном таком путешествии рассказывает Н.Я. Озерецковский.

Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827) – доктор медицины, писатель, путешественник, создавший труды по ботанике, зоологии, географии, минералогии, этнографии и медицине[2]. Он происходил из семьи священника, научную карьеру начал в экспедиции И.И. Лепёхина, побывав в том числе в Поволжье и на Урале в 1768 г. Его судьба круто изменилась, когда в 1782 г. Екатерина II пожаловала его в академики. Императрица выбрала Н.Я. Озерецковского в наставники своему внебрачному сыну – Алексею Григорьевичу Бобринскому (1762–1813), которого с воспитательными целями 29 мая 1782 г. отправила в путешествие по Российской империи. Юный граф должен был увидеть как живёт народ под скипетром матушки, так сказать, познать жизнь, а в наставники-педагоги Екатерина II решила приставить к своему отпрыску Н.Я. Озерецковского, срочно возведя его в звание академика.

Вернулись из странствий они 14 августа 1783 г., а итоги оказались неутешительными. Поведение А.Г. Бобринского «доставило немало огорчений императрице», за что она укоряла Озерецковскому. Академик не любил вспоминать об этой поездке. Сохранилось несколько его писем к известному государственному деятелю екатерининской эпохи И.И. Бецкому, которые были изданы в 1876 г. в журнале «Русский архив». В них описывался путь от Казани до Екатеринбурга и Уфы (в этом сборнике они даны под вторым номером).

А под первым идёт фрагмент из путевого дневника Н.Я. Озерецковского, который сохранился в отделе рукописей РНБ в собрании П.Н. Тихонова как записки неизвестного, найденный

---

[1] См., напр.: *Трепавлов В.В.* Царские путешествия по этническим регионам России // Вопросы истории. 2015. № 2.

[2] См.: *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по России. 1782–1783. Дневник / Сост. С.А. Козлов, под наблюдением З.В. Дмитриевой. СПб., 1996. С. 6, 9, 12–15.

и опубликованный С.А. Козловым. Здесь помещён отрывок, начинающийся с 22 сентября 1782 г., когда путешественники выехали из Иргинского завода и прибыли в деревню Алмаз, «где и ночевали»[1]. Записки Н.Я. Озерецковского содержат много интересных сведений о нашем крае, а также это первое в XVIII в. (и единственное, если не считать самозванца Емельку) посещение Южного Урала прямым «родственником» царствующего дома, хотя и незаконнорождённым.

В 1882 г. в «Уфимских губернских ведомостях» вышла статья П. Резанцева «Г. Уфа сто лет назад» (№ 36), где говорилось о визите в 1782 г. графа Алексея Григорьевича Бобринского с профессором Озерецковским. Автор пересказал сведения из «Русского архива» за 1876 г. Эта информация использовалась местными историками и краеведами, приводившими небольшие фрагменты из статьи П.Г. Резанцева[2]. Здесь повторно публикуется полный текст записок Н.Я. Озерецковского из «Русского архива», а также новые материалы об этом путешествии, обнаруженные С.А. Козловым. Текст первоисточников сохранён полностью.

Кстати, в Уфе в XIX – начале XX вв. проживали Озерецковские.

(публикация Л.Ф. Тагировой)

---

[1] Там же. С. 94.

[2] *Нигматуллина И.В.* Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа, 2007. С. 16; *Роднов М.И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 44; Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 111; др.

Е.И. Крестьянинова

Башкиры в Ростове конца XVIII – начала XIX века

В начале – середине 1770-х гг. Россия пережила два серьёзнейших испытания – русско-турецкую войну 1768–1774 гг. и пугачёвское восстание 1773–1775 гг. Эти события повлекли за собой глубочайшие изменения в социально-экономической сфере, затронувшие все слои российского общества. Был пересмотрен ряд положений государственного устройства России того времени. 17 марта 1775 г. Екатерина II приняла манифест «О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою», в 46-й статье которого всем отпущенным помещиками на волю даровалось право «не записываться за другими помещиками, а самим определять род служб, поступать в сословие мещан или купечества»[1]. Действие манифеста сказалось и на жизни обитателей провинциального Ростова Ярославской губернии.

Ростов конца XVIII в. – город купеческий. Исследователи отмечали разъездной, базарный характер его торговли. А сами ростовцы заслужили за свою активность название «неусыпных». С 1730-х гг. ими были освоены торговые пути в Оренбург, Уральск[2], возможно, и в Уфу, где сохранились предания о некоем ростовском купце Иване Дюкове[3]. Из Уральска возами везли красную рыбу, там же и в Оренбурге собирали караваны с товарами, которые через киргиз-кайсацкие степи отправляли в Бухару, Хиву, Коканд, где процветала меновая торговля, рискованная, но выгодная. Целый ряд ростовских купцов – Кекины,

---

[1] См.: *Ломако Е.Л.* Екатерина II и Коломна в 1775 году. Подмосковный летописец. Историко-краеведческий альманах (http.//i-podmoskovie.ru/). «Даровать всем отпущенным помещиками на волю право "не записываться" за другим помещиком, самим определять род служб, поступать в сословие мещан или купеческое» (ПСЗ РИ-1. Вып. 1. Т. XX. № 1425).

Все сноски на Интернет-ресурсы даются на дату последнего обращения редактора при подготовке сборника к изданию – *прим. ред.*

[2] Расстояние до этих уральских городов около 1200 вёрст или почти 1500 км. В те времена ростовские купцы преодолевали его за несколько недель. В надежде на выгодные торговые операции они отправлялись из Ростова в далёкие уральские города, следуя по маршруту на Гаврилов Ям – Писцово – Иваново – Кохму – Палех – Пурох – Елабугу – Мензелинск и далее (*Крестьянинова Е.И.* Ростовское купечество и его торговые связи в конце XVIII–XX вв. // XIV Золотаревские чтения. Рыбинск, 2012. С. 35–42).

[3] См.: *Крестьянинова Е.И.* История ростовского рода Дюковых // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013.

Кайдаловы, Шестаковы, Щаповы, Пичугины, Симоновы сделали капиталы именно на ней. Из дальних стран везли шёлк, орехи, сухофрукты, бухарскую бумагу[1]. Но случалось, что вместе с этими товарами привозили детей башкир и калмыков, мальчиков 8–14 лет, купленных в Оренбурге, «вымененных» на товары на ярмарках в крепостях Новотроицкой, Ямышевской и Семипалатинской. Сколько стоил башкирский или калмыцкий ребёнок, выяснить не удалось. Зачем производились такие приобретения? Возможно, одной из целей было миссионерство. Кроме того, детей могли использовать как переводчиков или проводников.

Этих «башкирчат и калмычат» в Ростове крестили, при этом они теряли свои природные имена (или крестили и потом привозили сюда), обучали грамоте, торговому делу, держали, как помощников по хозяйству и приказчиков, устраивали их браки с местными жительницами – посадскими, крестьянскими и купеческими дочерьми, их потомки становились жителями Ростова[2].

На значительное количество крещёных и вывезенных в XVIII в. в центр страны башкир уже обращалось внимание в башкирской историографии[3]. В ходе подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. захваченных детей и жён бунтовщиков раздавали офицерам, солдатам, чиновникам. По данным П.И. Рычкова из числа повстанцев было «сослано во флот» 3236 чел., «роздано жен и детей обоего пола для поселения внутрь России» 8380 чел. Помимо этого, в голодные годы (1738, 1776) башкиры или крестились, или продавали детей при условии их крещения. Численность крещёных башкир была достаточно значительной, но в отличие от кряшен (крещёных татар), которых селили отдельными деревнями, их вывозили в другие губернии и они сливались с русским населением[4].

Историческим наследием этой принудительной миграции башкир в центр России, скорее всего, являются носители фамилии Башкировы. Термин «Башкирия» как обозначение части территории Южного Урала закрепился среди местного образованного населения лишь в первой половине XIX в. Поэтому фамилия «Башкиров» практически точно указывает на этническое происхождение родоначальника. Среди носителей данной фа-

---

[1] *Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.* Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009. С. 15.

[2] *Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.* Преславный град Ростов. История Ростова Великого от начала до наших дней. М., 2012. С. 107.

[3] *Акманов И.Г.* Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987. С. 22.

[4] *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 371–373.

милии можно назвать, например, одну из богатейших в Нижнем Новгороде семей судовладельцев, торговцев и мукомолов, родоначальником которой был крепостной помещиков Карповых Григорий Башкиров (первая половина XIX в.)[1]. Однако, самый ранний период принудительного выселения башкир в центральные губернии совершенно не изучен. Поэтому, найденные в архиве Ростова материалы впервые позволяют проследить судьбу выходцев с Южного Урала (сохранились документы о записи в ростовское мещанское и купеческое общества башкир, калмыков и их потомков за 1781–1785 гг.)[2].

Уникальность материалов требует обширного цитирования, поэтому рассмотрим «Дело о записи в ростовское мещанство башкирца Семена Иванова сына Михаила Семенова».

19 апреля 1782 г. в ростовский городской магистрат была подана челобитная на имя императрицы Екатерины II от «отпущенного на волю башкирца, восприявшего веру греческого исповедания Семена Иванова» сына – Михаила Семёнова, в которой говорилось следующее.

«Отец мой Семен по крестном отце Иванов природою был башкирец, купленный в городе Оренбурге ростовским сокольим помытчиком[3] Алексеем Дмитриевым сыном Кекиным и в православную веру греческого исповедования приведен будучи у него Кекина в услужении. Женат в Ростове бывой вотчины Богоявленского Авраамиева монастыря подмонастырской Спасской слободы коя ныне его светлости князь Григория Григорьевича Орлова на крестьянской дочери девке Ирине Ивановой, с которой прижил меня, именованного.

По бывшим ревизиям оной отец мой написан: по второй за упомянутым Кекиным, а по третьей, как он точно, будучи в Оренбурге, в 1751 г. написан беглым.

По смерти оного Кекина за наследником его братом его родным таким же здешним сокольим помытчиком Иваном Дмитриевым Кекиным, а при нем и моя мать со мной для ве-

---

[1] См.: *Макаров И.А.* Купеческий Нижний. Нижний Новгород, 2006. С. 6–32 (были и другие купцы Башкировы в Нижнем Новгороде и даже выслужившие потомственное дворянство чиновники Башкировы, переселившиеся сюда из Тульской губернии).

[2] РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887, 1258, 1265, 1268, 1270, 1791, 1792, 1949.

[3] Сокольи помытчики – сословие, созданное в середине XVII в. царём Алексеем Михайловичем, большим любителем соколиной охоты. Обязанностью их было обеспечение царского «Потешного двора» ловчими птицами – соколами, кречетами, ястребами и обучение их («помыкание») охоте. Сословие было ликвидировано указом Павла I от 9 марта 1800 г. с повелением записаться в дворцовые крестьяне; после хлопот А.Г. Кекина ростовским помытчикам предоставили право записаться в купечество или мещанство.

домства без положенья мужеска полу в оклад.

Именно при коем соколнике Иване Кекине я и с матерью своей жили в услужении по 27 января 1775 г.

А с того 1775 г. января 27 оным соколником Иваном Кекиным мать моя и я именованный отпущены на волю вечно, что где мы жить пожелаем, с тем, что впредь ему Кекину жене и детям и наследникам его до нас дела нет.

И как я, будучи отпущен на волю, пришел в возраст и женат на взятой мною из ростовского купечества девке Ирине Михайловой, с которой прижил я сына Василия, от роду им жене 26 лет и сыну 1 год. И ныне всходствие высочайшего вашего императорского величества всемилостивейшего Манифеста от 17 марта 1775 г. 46 статьи по жительству моему в Ростове желание имею со всем моим семейством записаться в ростовское мещанство. И дабы высочайшим вашего императорского указом повелено было сие мое челобитье»[1].

При этом Михаил Семёнович Семёнов обязывался «надлежащие подушные деньги и другие поборы платить в положенные сроки повседневно и бездоимочно и в служении по выборам гражданской службы быть неупустительно».

В доказательство своего состояния он предоставил документ об освобождении.

«Отпускная Михаила Семенова с. башкирцева.

Тысяча семьсот семьдесят пятого года генваря в двадцать седьмой день города Ростова соколий помытчик Иван Дмитриев сын Кекин отпустил купленного покойным братом моим родным сокольим помытчиком Алексеем Дмитриевым с. Кекиным в городе Оренбурге башкирца, восприявшего веру православную греческого исповедания, Семена по крестном отце Иванова, которой назад тому не менее двадцати лет съехал из Ростова и, будучи в Оренбурге, не вем, куда из оного бежал, жену его, взятую из Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря из подгородской Спасской слободы крестьянскую дочь Ирину Иванову и сына ее, прижитого с ним мужем ее, Михаила Семенова, написанного по третьей ревизии только для одного ведома, а не в окладе и которые, женка с сыном, по смерти брата моего Алексея Кекина по наследству житье со мной имели у меня при доме моем для домашней работы, на волю вечно со всеми пожитками их без остатку, где они жить пожелают. И впредь мне Ивану Кекину и жене моей и детям моим и наследникам моим до оной женки Иванова и сына ее Михаила дела нет и не вступаться. Сию же отпускную в будущую впредь ревизию оная женке и

[1] РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1.

сыну ее Михаилу или тому, у кого они жить будут, ко учинению, и силу о таковой же указом взять, где по указам надлежит неупустительно под штрафом, а мне Кекину, жене моей, детям и наследникам моим никакого до того дела уже нет»[1].

Таким образом, примерно в конце 1740-х гг. ростовским купцом И.Д. Кекиным в Оренбурге был куплен башкир – молодой человек, который был крещён, получил имя Семён, а отчество / полуфамилию от крестного отца – Иванов. Его вывезли в Ростов Ярославский, где он женился на монастырской крестьянке Ирине Ивановой (Ивановне, около 1733 г. р.). Возможно, Семёна женил хозяин, так как супруга хотя и жила в пригороде Ростова, но числилась за Богоявленским Авраамиевым монастырём, то есть «за вывод» невесты требовалось уплатить прежнему владельцу – монастырю. Брак состоялся к началу 1750-х гг., в 1751 г. Семён находился в Оренбурге, а затем сбежал неведомо куда, потянуло в родные степи и леса. В Ростове оставалась жена с малолетним сыном Михаилом Семёновым (Семёновичем), около 1752 года рождения.

Обратим внимание, что купленный башкир ездил из Ростова в Оренбург и обратно, то есть служил, скорее всего, проводником / переводчиком. В документах также встречаем постоянное упоминание башкирского происхождения сына: «отпускная Михаила Семенова с. башкирцева», сына башкирцева. Перед нами возможное начало формирования фамилии Башкиров / Башкирцев, распространённой по России.

После отпуска на волю в 1775 г. (наличие крепостных у купцов не поощрялось государством) Михаил Семёнов сделал успешную карьеру, получил образование, занялся торговлей, ездил по всей Волге. Примечательно, что свидетельство, что он вольный человек, «отпускная» была представлена в Астраханской полиции и записана в книгу под № 114 от 3 июня 1775 г.[2]

В 1782 г. 30-летний Михаил был записан по мещанству в 40-алтынный оклад. При этом обязательство подписал своеручно, т. е. был грамотен: «башкирцев сын Михаил Семенов». Подпись засвидетельствовали 6 чел., все мещане[3]. После того, как в магистрат поступил указ о разрешении записи в мещанство, Михаил сын Семёнов подписал клятвенное обещание на верность императрице.

«Клятвенное обещание

Аз нижепоименованный обязуюсь и клянусь Всемогущим

---

[1] Там же. Л. 2.

[2] Там же. Л. 6.

[3] Там же. Л. 20 (среди них Ф.С. Тимонов, Т.А. Зверинцов, А.С. Голицын, А.И. Мякрин, С.Г. Родионов, Н.И. Кожевников).

Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен Ея Императорского Величества моей Всемилостивейшей Великой Государыне Екатерине Алексеевне Самодержице Всероссийской и Ея Императорского Величества любезнейшему сыну и великому князю Павлу Петровичу законному Всероссийскому Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови. И все высокому ее Императорского Величества самодержавству силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества) узаконенные и впредь узаконяемые по крайству разумения силе и возможности предостерегать и оборонять и при том по крайней мере стараться споспешествовать все что Ея Императорского Величества верхней службе и пользе государства во всех случаях касатися может и определенному над мною городовому магистрату послушному быть и что мне от него повелено будет противным себе являть не буду о ущербе же ее Величества интереса впредь и убытка как скоро в том уведав, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать, тщатись и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду и поверенной и положенной на мне чин как на сей (генеральной так и по особливой) определенной и от времени до времени Ея Императорского Величества именем) от представленных надо мной начальников определяемых инструкциями и регламентами и указами надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти свойства и дружбы ни вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать как доброму и верному Ея Величества рабу и подданному благопристойно есть и надлежит и как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу как сущее мне Господь Бог душевно да поможет. В заключение же моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Это клятвенное обещание было произнесено в соборной церкви Ростова, где Михаила Семёнова сына привёл к присяге 19 мая 1782 г. ключарь иерей Владимир. Но обозначен записавшимся в ростовское не мещанство, а купечество. То ли ключарь перепутал, то ли что-то в жизни Михаила переменилось[1].

В обывательской книге Ростова под 1793 г. записана его мать «Ирина Иванова дочь, бывшего соколья помытчика Ивана Дмитриева Кекина крепостного его башкирца Семена Иванова жена, вновь поселившаяся и вновь записавшаяся в ростовское купечество 60 лет». У неё был сын Михаил Семёнов 3-й гильдии купец 40 лет, женатый на посадской дочери Ирине Михайловой,

[1] Там же. Л. 28.

коей от роду 35 лет, дети их – сыновья Василий (12 лет) и Николай одного году. Все они жили в деревянном доме в Воздвиженском приходе, на улице Ярославской, выстроенном на земле, доставшейся Ирине от отца. Соседи: справа – Андрей Зверинцов, слева – Авдотья Агапитова[1]. Любопытно, но в сведениях о соседних владениях Михаил сын Семёнов проходит уже под фамилией «Дехтерев». Возможно, в данном случае прозвище / полуфамилия «башкирцев», тем более отец исчез, не закрепилась и сын воспринял другую фамилию, вероятно, по женской линии[2]. Занимавшемуся торговлей требовалась уже постоянная, «европейская» фамилия.

Известно, что некие Дехтяревы владели небольшим деревянным домиком на ул. Ярославской в 1885 г.[3], и эту же фамилию носили хозяева совместного владения, находившегося близ указанного дома, в 1904 г.[4] Можно предположить, что владельцы этой собственности – потомки сбежавшего из Ростова башкира Семёна Иванова по линии его сына Михаила, который укоренился в Ростове, вышел в купечество 3-й гильдии.

Ещё один случай записи башкира в городское мещанство зафиксирован также в 1782 г.

«7 июня 1782 г. Бьет челом отпущенного на волю башкирской нации восприявшего веру греческого исповедания бывшего Михаила Иванова жена, вдова Авдотья Тимофеева дочь.

Муж мой Михайло по крестном отце Иванов природою был башкирец, купленный в городе Оренбурге бывшим ростовским купцом Яковом Ларионовым с. Симановым, коим и в веру православную греческого исповедания приведен был, и по третьей ревизии за ним Симановым для ведома без положения в оклад, а при нем и я именованная, взятая за него из ростовского мещанства, с прижитою нами дочерью Анной написаны, но по бытности у оного купца Симанова, а по смерти его у детей его во услужении, после третьей ревизии еще с прижитым нами сыном Николаем, коему ныне от роду 14 лет. А прошлого 1773 г. апреля 12 дня по смерти оного купца Якова Симанова дети его такие же здешние купцы Нефед, Гаврило и Федор Симановы помянутого мужа моего со мною и дочерью Анной и сыном Николаем отпустили на волю и дали отпускную. Муж мой Михайло Иванов после того увольнения в 1774 г. помер в Ростове, а я желаю за-

---

[1] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 365.

[2] Там же. Л 364, 366.

[3] Ведомость об оценке недвижимых имуществ в городе Ростове для взимания с них разных денежных сборов. Ростов, 1885. С. 32.

[4] Ведомость об оценке недвижимых имуществ в г. Ростове, для раскладки на них денежных сборов. 1904 года. Ростов-Ярославский, 1905. С. 30.

писаться с моими детьми в ростовское мещанство в соответствии с 46 статьей Манифеста от 17 марта 1775 г. и жить своим домом с детьми своими».

Челобитную писал вместо неграмотной Авдотьи ростовский купец Фёдор Петров сын Родионов, за неё руку приложил бывшего архиерейского дому служитель Фаддей Борисов Вереин. Согласно приложенной справке из магистрата, в 1764 г. Михаилу было 30 лет (около 1734 г. р.), жене его Авдотье – 22 года (1742 г. р.), дочери Анне – 4 года (1760 г. р.)[1]. А как явствует из предыдущего документа, Николай родился в 1768 г.

15 июня 1782 г. (через неделю) магистрат принял решение: «Означенной башкирцовой жене вдове Авдотье Тимофеевой с детьми Николаем и Анной по прошению их, желанию и по предъявленной от нее данной ей от купцов Симановых отпускной на волю в силу предписаний законов и Высочайшего Манифеста 17 марта 1775 г. статьи 46 быть в ростовских мещанах и числить того сына Николая Михайлова с. рожденного после третьей ревизии впредь, когда платеж казенных по мещанству податей по четвертой ревизии начнет в подушный сорокоалтынный оклад и к верной Ея Императорского Величества службе привесть его Михайлова по надлежащим порядку и присяге, в платеже казенных по мещанской раскладке денег каждогодно и без доимочно в указанные сроки и что по выборам в услужении гражданских служеб быть неупустительно обязать его Михайлова подпискою с верными поручителями и потом с приложением того обязательства точной копии отослать их к ростовским городовому старосте и мещанскому выборному, о чем за известие в Ярославском наместническом правлении в Казенную палату представить репортами, а в ростовское уездное казначейство сообщить немедленно, и с сего записать в повытье, ко исполнению взять точную за свидетельством копию.

На подлинном протоколе пишу тако. Бургомистр Федор Симанов, ратман Алексей Кононов, Яков Замараев, Алексей Замараев»[2].

15 июня 1782 г. обязательство платить налоги подписал «бывшего башкирца Михаила Иванова сын Николай Михайлов»[3]. Подписал сам, т. е. был грамотный.

Через три года, 21 августа 1785 г. им была подана ещё одна челобитная, уже с просьбой о записи в третью гильдию ростовского купечества, которую быстро удовлетворили и 23 августа

---

[1] РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1268. Л. 1, 7.
[2] Там же. Л. 8.
[3] Там же. Л. 21.

1782 г. Николай Михайлов сын был приведён к присяге ключарём соборной Успенской церкви иереем Владимиром[1].

Во второй челобитной Николай уже не пишется «башкирцев сын», фамилия его вообще не указана. Но!

В 1996 г. был опубликован дневник художника Николая Петровича Ломтева (1817–1859)[2], где автор пишет: «Я родился в ноябре 28 – 1817 года в Ростове. Мой прадед Михаил во времена Пугачева дрался против него в Оренбурге. Приехав в Ростов с купцом Симоновым, принял христианство (он был киргиз), женился на купеческой дочери Ломтевой и принял ее фамилию. Сын его Николай – мой дед, старший его сын Петр – мой отец»[3].

Поразительные совпадения имён прадеда художника и отдельных фактов его биографии с именем и историей ростовского башкирца послужили к предположению об их идентичности, что подтвердили дальнейшие исследования. В «Обывательской книге Ростова» за 1793 г. значится Николай Михайлович Ломтев, 3-й гильдии купец, в Ростове рождённый, 25 лет (дата его рождения совпадает с датой рождения «башкирцева сына»), женатый на крестьянской дочери Наталье Фёдоровой 23 лет. Они жили в Покровском приходе, в деревянном доме, купленном у канцеляриста нижнего земского суда Леонтия Грузинцова[4].

В исповедных росписях Ростовской Покровской церкви за 1801 г. удалось обнаружить запись о посадской вдове Евдокии Тимофеевне Ломтевой (61 г.), её снохе вдове Наталье Фёдоровне (30 лет), детях последней Петре (7 лет) и Дмитрии (5 лет), носивших отчество «Николаевичи»[5]. Безусловно, речь здесь идет о той самой Евдокии Тимофеевне, которая была замужем за башкирцем Михаилом по крестному отцу Ивановым, имела сына Николая и которая в 1782 г. подавала челобитную о вступлении в ростовское мещанство. Николай Михайлович, судя по приведенному документу, к 1801 г. уже скончался (жена его пишется вдовой). Кроме того, под 1804 г. в семействе некоей посадской вдовы Матрёны Козьминой Ломтевой названо имя её золовки вдовы Евдокии Тимофеевны. Это доказывает родственную связь последней с фамилией Ломтевых[6]. Можно считать, наше

---

[1] Там же. Л. 23.

[2] Дневник художника Николая Ломтева (1844–1851) / предисловие, общая редакция и примечание М.М. Раковой. М., 1996. С. 45, 47. Выражаю искреннюю благодарность заведующей Картинной галереей Ростовского музея Татьяне Владимировне Колбасовой, любезно указавшей мне этот факт.

[3] Дневник художника Николая Ломтева (1844–1851). С. 45.

[4] РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 132.

[5] Там же. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1112. Л. 21.

[6] Там же. Л. 24.

предположение оправдалось – прадед художника Н.П. Ломтева и башкирец Михаил – одно и то же лицо.

Николай Петрович Ломтев неплохо знал семейные предания, но некоторые факты дошли до него в искажённом виде. В соответствии с документами, его прадед (по национальности не киргиз, а башкир) оказался в Ростове много раньше Пугачёвского бунта, так как в 1764 г. у него была уже дочь Анна 4-х лет. И в Ростов он приехал не просто так, с купцом Симановым, а был им куплен в Оренбурге (к сожалению, даты покупки нет), крещён с именем Михаила, обучен торговому делу и отпущен на свободу детьми упомянутого. Очевидно, Михаил был человеком способным и положительным, так как за него отдал в замужество свою дочь Евдокию (Авдотью) коренной ростовец, купец Тимофей Васильевич Ломтев[1]. Что касается сражений с Пугачёвым, то Михаил, приехав в Оренбург по делам коммерции, вполне мог оставаться в нём во время его осады, как, например, ростовский купец А.Д. Кекин.

Внук Михаила – Николай, как и записано в дневнике художника, действительно носит дедовскую фамилию (установить точно с какого года, не удалось, по крайней мере, с 1793 г.).

Дальнейшие сведения о Н.М. Ломтеве очень скудны. Записи о датах рождения его сыновей Петра и Дмитрия, а также смерти самого Николая Михайловича в метрических книгах Покровской церкви отсутствуют. Вероятно, имея дом в Ростове, семья могла проживать в другом месте (кстати, деревянный дом мог сгореть во время страшного пожара 1795 г.). Скорее всего, даты рождения детей и смерти Н.М. Ломтева регистрировались по другому месту жительства. Замечу вскользь, что его семейство на исповеди в своей приходской Покровской церкви почти не бывало «по нерачению и за отлучкой».

В 1816 г. 14 января Пётр Николаевич Ломтев вступил в брак с дочерью крестьянина подмонастырской Петровской слободы Семёна Егоровича Щипалова – Ириной[2]. А 1 декабря 1817 г. родился их первенец, которого крестили Николаем. Восприемником его был «казенного ведомства Зверинцевского прихода деревни Козарки крестьянин Иван Петров»[3].

Тогда ещё никто представить себе не мог, что на свет явился будущий художник, которого годы спустя назовут «одним из самых интересных русских художников середины XIX века, почти единственным представителем романтизма в духе Делакруа»,

---

[1] *[Н.А. Найденов]*. Ростов. Материалы для изучения города XVII и XVIII столетий. М., 1884. С. 54. В 1749 г. Т.В. Ломтеву 38 лет.

[2] РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 83. Л. 150.

[3] Там же. Л. 158.

чьи «лучшие эскизы будут выделяться среди академических работ темпераментной живописью, сложной передачей движения, богатой игрой света».

В середине 1830-х гг. П.Н. Ломтев с детьми от первого брака и второй своей семьёй[1] перебрался в Санкт-Петербург, где записался в купечество 3-й гильдии. Около 1837 г. его сын Николай, у которого обнаружились большие художественные способности, поступил в Императорскую академию художеств вольноприходящим учеником, учился у профессора Ф.А. Бруни. В 1839 г. вместе с учителем Николай Ломтев отправился в Италию – на средства отца, которых, правда, было недостаточно – молодой художник испытывал постоянную нужду. Но, несмотря на это, изучал Римскую школу, писал пейзажи, эскизы для своих будущих картин. В 1845 г. получает звание неклассного художника за картину «Ангелы возвещают небесную кару Содому и Гоморре». В 1846 г. Николай Петрович вернулся в Санкт-Петербург, где создал ряд картин и эскизов. Писал он в основном на религиозные, исторические и литературные сюжеты, считался хорошим пейзажистом.

Произведения его пользовались известностью и ценились в художественных кругах. П.М. Третьяков купил пять его картин (ныне они хранятся в собрании Третьяковской галереи). А один эскиз «за великие деньги» приобрел князь Голицын.

В 1859 г. скончался отец художника. Но воспользоваться наследством Н.П. Ломтев не смог, он умер в том же году от простуды и был похоронен на Смоленском кладбище Петербурга.

В Ярославском художественном музее хранится эскиз кисти Н.П. Ломтева «Между учителей. Христос в синагоге»[2].

Художник П.С. Шильдов написал портрет Николая Петровича Ломтева. Сквозь черты его лица чётко проступает облик его башкирского прадеда. Всё ведь с него и началось…

Таким образом, приведённые две истории записи в мещанство отпущенных на свободу бывших крепостных башкир, показывают процесс адаптации вывезенных в центр уроженцев далёкой окраины. Отметим, что процедура их оформления в городское общества Ростова проходила без осложнений, уже в первом – втором поколении переселенцы воспринимались как россияне. Вообще случаи подобного рода были довольно обычными. В конце XVIII в. в мещанское общество Ростова записывались калмыки, турки, грузины, но это уже другая история.

---

[1] РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 83. Л. 203. Около 1826. г. П.Н. Ломтев женился на Анне Никитичне.

[2] См.: wikipedia.org; academic.ru; ippo.ru; yaroslavskiy-kray.com/397.

Ю.Н. Узенева

Генерал И.И. Михельсон и его имение Иваново Невельского уезда Витебской губернии

Иван Иванович Михельсон принадлежал к числу выдающихся военных деятелей своей эпохи. Известный писатель и поэт Константин Константинович Случевский писал о нём: «Михельсон полвека честно прослужил России и должен быть причислен к тем дворянам Лифляндской губернии, имена которых не забудутся нами в доброй к ним памяти»[1].

Большой вклад в изучение истории села Иваново Невельского уезда Витебской губернии внесла директор музея истории Невеля Людмила Мироновна Максимовская. По её инициативе в 1993 г. вышла в свет книга «Невельская старина», в которую вошли материалы об имении И.И. Михельсона и личности известного военного деятеля. Она же собрала и материалы, в которых содержатся сведения о И.И. Михельсоне и его имении. Например, очерки М.И. Семевского «Поездка по России в 1890 г.» и В. Арсеньева «Село Иваново», книгу С. Панчулидзева «Биографии кавалергардов», статью Руфа Игнатьева и воспоминания о. Георгия Шавельского. Во многом эти работы стали основой для написания данной статьи[2].

«Формулярный список о службе и достоинстве генерала от кавалерии Глуховского кирасирского полку шефа и кавалера Михельсона» свидетельствует о том, что он начал службу в 1754 г. солдатом Лейб-гвардии Измайловского полка. Иван Иванович участвовал практически во всех крупных войнах XVIII в. «В прусскую войну был на генеральных баталиях 1758 года в августе месяце под Цорндорфом, где и ранен штыком в голову, в 1759 под Пальцыхом и Франк-фортом, где и получил две сильные контузии и прострелен через поясницу, в которой кости перебиты»[3]. В 1768 г. во время войны с Турцией отличился в битве

---

[1] *Максимовская Л.М.* О генерале Михельсоне // Псковская земля. История в лицах. «Дворяне все родня друг другу…». М., 2006. С. 59.

[2] Из литературы о И.И. Михельсоне можно также указать: *Семевский М.И.* Поездка по России в 1890 г. // Русская старина. 1890. Т. 68. С. 713–730; *Ореус И.* Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачёва // Русская старина. 1899. Т. 15; *Арсеньев В.* Село Иваново // Труды Витебской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Витебск, 1910. С. 1–3; *Кросс Я.* Имматрикуляция Михельсона. Избранное. М., 1982; *Максимовская Л.М.* «Чудной архитектуры церковь и остатки большой барской усадьбы…» // Невельский сборник. СПб., 2003. Вып. 8.

[3] Невельская старина. Сборник материалов по истории Невеля XVI – начало XX в. СПб., 1993. С. 183.

при местечке Ларга Бессарабской губернии. Иван Иванович был повышен в звании и переведён в Каргопольский карабинерный полк. В 1773 г. одержал победы над Пугачёвым под Казанью, у Чёрного Яра и др. Императрица Екатерина II пожаловала ему орден Св. Георгия III ст., чин полковника и 1000 душ в Невельском уезде Витебской губернии[1]. В формулярном списке о службе и достоинстве И.И. Михельсона указывалось, что в Белорусской губернии в Невельском и Городокском уездах у него числилось 2800 душ м. п.[2]

Последние тридцать лет жизни И.И. Михельсона были связаны с усадьбой Иваново. Здесь он устроил имение в соответствии с представлениями о сельском идеалистическом уголке, которые существовали в конце XVIII в. В Иванове были представлены все атрибуты дворянского усадебного быта: господский дом с картинной галереей, храм, парк в английском стиле, хозяйственные постройки и оранжереи. «До нашего времени сохранилась полуразрушенная церковь, а старый парк беспорядочно зарос, и в нём едва угадываются аллеи, тем не менее, бывшая усадьба сохраняет свою притягательность и неповторимость – может быть, потому, что старина оставила некие знаки своего былого присутствия здесь. Кое-где в зарослях ещё можно наткнуться на обтёсанный гранитный камень – остатки мощных стен недостроенного хозяином дворца; в центре села, у церкви, стоят двухсотлетние липы, их укороченные стволы и раскидистые кроны – дело рук садовника, создавшего необычный рисунок ветвей»[3].

Сведения о том, как выглядела усадьба в годы пребывания в ней И.И. Михельсона, содержатся в статье члена Уфимского статистического комитета Руфа Игнатьева[4]. Материалы Игнатьева ценны тем, что он получил сведения от ивановского священника о. Константина Серебренникова. Р.Г. Игнатьев также снабжал своими материалами историка, издателя журнала «Русская старина» М.И. Семевского, когда тот работал над очерком «Поездка по России в 1890 году». По сути, статья Р.Г. Игнатьева является одним из самых ранних описаний помещичьего быта в Иванове. Он сообщал, что село возникло в давние времена. «Старинное название села Иваново – Воронино; Ивановым назвал его Иван Иванович Михельсон, в честь своего имени, этим

---

[1] Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 313.
[2] Невельская старина. С. 180.
[3] *Максимовская Л.М.* Указ. соч. С. 63.
[4] *Игнатьев Р.Г.* Ещё несколько слов об Иване Ивановиче Михельсоне // Уфимские губернские ведомости. 1876. 7 августа.

же именем названо озеро, при котором находится селение»[1]. В этой статье содержатся сведения о внешнем облике усадьбы. «В своём Иванове Михельсон жил на широкую руку, жил магнатом. Дом его и все постройки были каменные, при доме был обширный сад и каменная аранжерея, в саду было несколько каменных беседок; на дороге в г. Невель построена была им каменная гостиница, называемая "билиардным трактиром"; гостиница была назначена для приезжающих из г. Невеля и прочих мест чиновников, которые были подчинены Ивану Ивановичу как начальнику края... Около барского дома было 70 домов, где семьями жили дворовые; – их было более 200 чел. мущин и женщин, все они были не здешние, а привезены помещиком из разных его деревень, или куплены по одиночке от разных владельцев. При Михельсоне были: управляющий, дворецкий, писарь, и кондитор, 11 лакеев, 2 парикмахера, 5 поваров, 4 кучера, 15 конюхов, подлекарь, берейтор, 5 портных, 5 садовников, 5 ткачей, 4 пекаря, 4 охотника, по 3 человека сапожников, башмачников, столяров, каретников, бондарей, шорников, медников, 4 кузнеца; кроме того были мальчики или казачки, колесники, кафельщики, валовщики, прачки, горничные, 35 чел. музыкантов и 35 чел. певчих, для которых в последнее время своей жизни, Иван Иванович стал строить огромный каменный дом с круглым куполом, под названием "музыкального дома"; себе Иван Иванович хотел построить ещё новый дом, назвав – "дворцем", но кончина его и потом семейные обстоятельства положили конец всем предприятиям»[2]. В чистоте и порядке содержался большой сад с тенистыми аллеями, беседками, прудами и искусственными насыпями. «В нескольких саженях от большого сада, по другую сторону дороги, находится другой сад, под названием "генеральский"; впрочем, ничто не свидетельствует, чтобы здесь были плодовые деревья, а есть только остатки цветных, да насыпной курган, на котором, говорят, была устроена беседка. К западной стороне сада прилегает сохранившийся до сего времени парк, представляющий смесь всевозможных деревьев, растений и кустарников, ископанных к озеру прудами и канавами, но в настоящее время совершенно зарытыми. Между деревьями в особенности поражают старые толстые кедры и дубы, есть также, кроме всех местных деревьев, много лиственниц, пихт. В саду и отчасти в парке попадается особый род улиток, разведенный Михельсоном для борьбы с червями и насекомыми»[3].

---

[1] Цит. по: *Максимовская Л.М.* Указ. соч. С. 65.

[2] Там же.

[3] *Семевский М.И.* Поездка по России в 1890 году // Невельская старина. С. 148.

Иван Иванович был лютеранин и женат был на лютеранке Шарлоте Ивановне Ребендер, но впоследствии принял православную веру. Незадолго до своей смерти, в 1805 г., по его инициативе была построена каменная церковь в честь св. Иоанна Предтечи, с приделом св. Великомученицы Екатерины. Этот храм по своей архитектуре, по богатству украшений считался одним из лучших в Витебской епархии. М.И. Семевский писал: «В нескольких саженях от большой почтовой дороги красивая каменная церковь, выстроенная с явными претензиями на величественность... На боковом фронтоне значится надпись, гласящая о том, что церковь эта сооружена в 1805 году. Это храм св. Иоанна Предтечи, сооруженный средствами и волею Михельсона во имя его Ангела тезоименника. Церковь подымается среди каменной ограды и вековых густолиственных лип, стройными линиями, как солдаты, вытянувшихся вдоль всех четырех сторон решетчатой в каменных столбах ограды. В углу ограды сторожка, и мечется у неё с яростным лаем на привязи громадный пес»[1].

Описание церкви в Иваново содержится в работах М.И. Семевского, а также витебского историка Арсеньева, который посетил это имение в 1910 г. По данным Семевского, церковь была длиною 13 саженей, а шириной 6 саженей 2 аршина, под алтарём находился погреб – склеп, где впоследствии был похоронен строитель храма и его дети. «Храм покрыт восьмигранным куполом и четырехугольною колокольнею; оканчивается купол круглым постаментом, яблоком и крестом; все это из отполированной красной меди, вызолочено через огонь червонным золотом. Кроме внешнего, весьма благовидного фасада, в церкви замечательна внутренняя отделка лепною работою, паркетный из разноцветного фанера пол и ценные вещи. План церкви крестообразный. Притвор с церковью разделяются восемью колоннами, с капителями дорического ордера; отсюда (в северной стороне) ведет круглая лестница в верхнюю церковь. В самой церкви передняя и боковые арки поддерживаются 12-ю колоннами дорического ордера. В церкви, над дверьми в алтаре и окнами в притворе, лепные кронштейны, карнизы и все принадлежности лепной работы во фризе фамильной расписаны мрамором. Иконостас, отделяющий церковь от алтаря, состоит всего только из нескольких икон, низкий, и, надо думать, сделан так для того, чтобы не закрывать сеней над престолом»[2].

Храм был очень светлый и красивый. Те, кто его посещал,

---

[1] Там же. С. 143.
[2] Там же. С. 157.

обращали внимание на стильность его внутренней отделки, в особенности купола. В церкви находилось несколько икон, в своё время пожертвованных И.И. Михельсоном. Об этом упоминал В. Арсеньев: «В церкви имеется несколько икон, пожертвованных Михельсоном (на некоторых выгравировано «1804»), в том числе старинная икона Казанской Божией Матери; пожертвования его: прекрасной работы большое блюдо серебряное с изображением беседы Спасителя с самарянкой и чеканными украшениями, украшенное чеканкой и меньшее серебряное блюдо, изящное паникадило прекрасного стиля с колосьями и хрусталем, более простое паникадило, бронзовые канделябры в алтаре, богато украшенное Евангелие (в лист), чаша и крест (реставрированные при помощи Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича, дважды бывшего в Иваново), два роскошных облачения: серебряное вызолоченное и красное бархатное, светло-лиловая дымчатая ткань с золотыми вышивками и мн. др. из образов обращают на себя внимание следующие: Благовещение, распятие (весьма хорошая картина фламандской школы) и изображения св. царицы Александры и Георгия Победоносца, а также двух неизвестных святых, находящиеся в медальонах над образами Пресвятой Троицы и Рождества Богородицы: последние четыре образа представляют из себя портретные изображения И.И. Михельсона, императрицы Екатерины II и двух дочерей Михельсона. Близ свечного ящика висят две большие картины, перенесенные из бывшего дворца: Саломея с головой Иоанна Предтечи и обличение Давида Нафаном, а у входа находится стоящие на деревянных подставках стиля ампир два прекрасных мраморных бюста работы Ф. Шубина: И.И. Михельсон в генеральской форме и плаще (надпись: Ф. Ш. 1785) и его жены Шарлотты Ивановны Ребиндер (надпись: с. и высекал Ф. Шубин. 1785); на входных дверях изнутри хорошая резьба по дереву»[1]. Два мраморных бюста Шарлотты Михельсон и Ивана Ивановича Михельсона работы Фёдора Шубина в настоящее время экспонируются в Русском музее.

Самое позднее описание храма в Иванове содержится в воспоминаниях последнего протопресвитера Российской армии и флота о. Георгия Шавельского, посетившего имение в 1914 г. Он писал: «Село находится в 7–8 верстах от Невеля и представляет чудный уголок. С одной стороны к нему примыкает большой (5 десятин) парк с деревьями самых разнообразных пород; с двух других село окружено живописными озёрами. Чудной архитектуры церковь и остатки большой барской усадьбы допол-

[1] *Арсеньев В.* Село Иваново // Невельская старина. С. 158–159.

няют исключительную красоту села… Он (Михельсон – *Ю.У.*) выстроил и украсил в с. Иваново чудный храм, достойный по своей художественности быть помещённым в любой из столиц, и завещал похоронить себя в этом храме»[1]. В начале 1930-х гг. церковь закрыли. Позже здание ампирного храма было приспособлено под сельский клуб. Купол и колокольня были снесены, на церкви появилась обычная двухскатная крыша. Но всё-таки церковь Иоанна Предтечи в селе Иваново, хоть и с некоторыми перестройками, сохранилась до наших дней и вновь принадлежит православной церкви.

После смерти Ивана Ивановича Михельсона начался упадок имения. По наследству оно перешло к его сыну Григорию, который служил в кавалергардском полку в Петербурге. Выйдя в отставку, он поселился в имении своего отца и вскоре его разорил, а спустя десять лет после кончины отца умер и сам. Жена Михельсона Шарлотта, после смерти мужа испытывала большие материальные трудности. Впоследствии владельцем Иванова стал родной племянник И.И. Михельсона Александр Львович Воинов, владелец соседнего имения Клевники[2].

У Михельсона было четверо детей, сын Григорий и три дочери: Катерина, Елена, Елизавета. Единственный сын Иван Ивановича Григорий женат не был, но имел трёх внебрачных детей от крепостной крестьянки Авдотьи Калиничны. Его дети носили усечённую фамилию – Эльсон. После смерти Григория Ивановича участие в их судьбе активно принимал племянник Михельсона Александр Львович Воинов. Он устроил внуков И.И. Михельсона Михаила и Григория в Академию художеств. Впоследствии Григорий Григорьевич Эльсон стал известным архитектором, а его брат Михаил Григорьевич – академиком пейзажной живописи[3]. Дочь Григория Ивановича Екатерина Эльсон воспитывалась бабушкой Шарлоттой Михельсон, впоследствии была выдана замуж за отставного штаб-ротмистра Ивана Матвеевича Гибера фон Грейфенфельса[4].

Среди потомков Михельсона хранилась память о том, что в начале 1830-х гг. Екатерина Григорьевна видела А.С. Пушкина. Поэт в это время изучал историю Пугачёвского восстания, и его советчиком был В.В. Энгельгардт. Он и передал Пушкину рукопись воспоминаний об этом периоде российской истории невельского помещика Повало-Швейковского, которого Пушкин упоминает в «Истории Пугачёва». Энгельгардт владел большим

---

[1] Цит. по: *Максимовская Л.М.* Указ. соч. С. 68.
[2] Там же. С. 64.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 65.

домом с концертным залом на Невском проспекте. На одном из балов в этом доме танцевала Екатерина Григорьевна. Не исключено, что состоялось знакомство с поэтом, и именно Энгельгардт мог познакомить с ним внучку полководца[1]. Накануне дуэли А.С. Пушкин обсуждал с генералом К.Ф. Толем судьбу незаслуженно преданного забвению генерала И.И. Михельсона и находил в судьбе покойного военачальника параллели с собственным положением. «Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя без негодования видеть, что должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников»[2]. Пушкин был убеждён, что Михельсон – значительная фигура в русской истории, и в предисловии к «Истории Пугачёва» включил его в список крупнейших исторических деятелей и военачальников. «Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера, Державина, не должна быть затеряна для потомства»[3].

Приложение[4]

Формулярный список о службе и достоинстве генерала-от-кавалерии Глуховского кирасирского полку шефа и кавалера Михельсона

Генерал от кавалерии и кавалер Иван Иванов сын Михельсон

Сколько от роду лет

58

Из какого звания

Из дворян, имеет Белорусской губернии в Невельском и Городокском уездах мужеска полу 2800 душ

Холост или женат, имеет ли детей

Женат на дочери покойного генерал-поручика и кавалера Ребиндера Шарлотте Ивановой

Сын Григорий 7 лет, дочери: Катерина 17, Елена 15 и Елисавета 4 лет

В службу вступил и в оной какими чинами

происходит и когда

Солдатом 1754 мая 6	Лейб-гвардии в Измайловском
Капралом 1756 апр. 22	

[1] Там же. С. 70.

[2] Цит. по: *Седова Г.М.* Ему было за что умирать у Чёрной речки. СПб., 2012. С. 620.

[3] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10-томах. М., 1958. Т. 8. С. 151.

[4] Цит. по: Невельская старина. С. 180–184.

Фурьером 1757 янв. 17	полку
Сержантом 1758 янв. 17	
Выпущен по именному указу в армию поручиком 1758 февр. 3	Обсервационного корпуса в 3-й Мушкатерский полк
Капитаном 1760 янв. 1	А за полученные тяжкие раны определено было поместить в Белогородский гарнизон секунд-майором, но по ненадежности к выздоровлению отставить с производжением пенсии
По выздоровлении и собственному усердию к службе определен был паки в армию на прежнем капитанском чине и старшинством того же 1760 янв. 1	В Казанской 3 батальон, потом переведен в Новгородский пехотный полк, из коего переведен в астраханский гренадерский, из оного переведен в Астраханский карабинерный
Секунд-майором 1778 янв. 1	В том же полку
Премьер-майором 1770 июля 7	В Каргопольский карабинерный полк
За отличность подполковником 1772 июля 7	В том же полку, из коего помещен в Санкт-Петербургский карабинерный полк
За отличность же полковником 1774 июля 7	И помещен был в Георгиевский кирасирский
Бригадиром 1777 авг. 7	Из коего в лейб-кирасирский полк
Генерал-майором 1778 сент. 22	
Генерал-поручиком 1786 сент. 22	
Генералом от кавалерии 1797 апр. 10	

В прусскую войну был на генеральных баталиях 1758 года в августе месяце под Цорндорфом, где и ранен штыком в голову, в 1759 под Пальцыхом и Франк-фортом, где и получил две сильные контузии и прострелен через поясницу, в которой кости перебиты. В 1760 году будучи паки отправлен по усердному желанию к службе в армию с транспортом, пятитысячным войском на судах. Находясь на фрегате, оной был разбит под Гогландом, с коего спасаясь, сел на галиот из транспортных судов того войска. Через две недели того года штормами разбито было и сие судно, с коего снят войсками. Прибыл к Мемелю, а оттуда за открытием ран привезен был в Кенигсберг, по выздоровлении от коих командовал некоторое время Казанским 3 батальоном, а

потом в 1762 году отправлен был покойным генерал-аншефом графом Паниным во вверенный ему Новгородский полк под Колберх, откуда обще с армиею возвратился в Россию. При открытии в 1769 году турецкой войны находился в 1770 году в разных сражениях и наконец под Ларгою, где выехав первый с вверенным эскадроном в турецкий лагерь, оставя позади себя восемь пушек, получил тяжкую рану в левую руку. Потом находился в Польше, где употребляем был до самого конца тогдашней конфедерации деташементным[1] командиром, имел счастие многократно получать знатные победы, а особливо в 1771 году под Радовым и Скаришевым над маршалком Пулавским, который приближался к Варшаве и был наголову побит с многочисленным войском от малого деташемента. В декабре ж месяце 1773 года был командирован из Познани в Казань в команду тогдашнего генерала Бибикова, от коего получа доверенность особенного деташемента, какие с оным имел успехи, начальству известно. В 1788 году при начатии Шведской войны командовал передовым корпусом с возможным успехом, а в 1789 году по разбитии неприятеля под Киро и Сан-Михелем занята была Саволоская провинция[2]. Потом в том же году находился в армии противу турок, командуя над Прутом обсервационном корпусом, прикрывал от Измаила все действия главной армии, над Аккерманом и Бендерами действительно находился.

Дополнение по данным Московского отделения Общего архива Главного Штаба сей копии формулярного списка

Высочайшим приказом 13 февраля 1800 года генерал-от-кавалерии Михельсон 1-й назначается командиром Крымского полуострова и шефом драгунского фон Бринкена полка с оставлением по-прежнему инспектором по кавалерии Днестровской инспекции, а генерал-лейтенант фон Бринкен назначается шефом кирасирского Михельсона 1 полка. 24 января 1803 года назначен Белорусским военным губернатором и 13 сентября 1807 года исключен из списков умершим от болезни.

---

[1] Деташемент – военный отряд.

[2] О боевых действиях корпуса генерал-поручика И.И. Михельсона во время русско-шведской войны, в котором находились башкиры и казаки, см.: *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2014. С. 171–174.

С.Р. Минцлов

«Целительный» Указ Императора ПАВЛА

Несмотря на многие темы, посвящённые разработке разных эпох русской истории, последняя выяснена далеко ещё неокончательно. Ещё целыми стенами стоят по большинству городов неразработанные архивы, хранящие зачастую драгоценные материалы для истории страны. Нужны десятки лет дружной работы многих и многих лиц для разбора их; ещё нужнее, кроме того, желание идти на встречу всем таким начинаниям со стороны местных властей.

Благодаря высокому интересу, проявляемому Уфимским Губернатором г. Ключарёвым к истории и быту местного края, я получил право доступа в Губернский Архив для разработки его богатств. К сожалению отсутствие описей весьма замедляет работу и не даёт возможности сколько-нибудь систематизировать её и приходится довольствоваться пока случайными находками. Но и эти находки бывают настолько любопытными, что не дожидаясь общей систематической сводки их в одно целое, буду делиться ими с читающей публикой.

Сейчас передо мной лежит дело, несмотря на кажущийся неинтерес оглавления его, ярко рисующее характер Императора Павла I – стремительный, резкий и полный неожиданностей.

Называется оно:

«Дело по повелению Его Сиятельства г. Генерала прокурора и кавалера князя Алексея Борисовича Куракина, относительно производения работ для строения по Оренбургской линии крепостей ссылочными преступниками и *банкрутами*[»].

Майа 17, 1797 г.

№ 136.

Слово «банкруты» подчёркнуто мною.

Император Павел обратил внимание на чрезмерно расплодивш[и]еся в последние годы царствования Императрицы Екатерины II банкротства и «дело» развёртывает перед нами повесть о том как оригинально уврачевал энергичный Император этот общественный недуг.

«Милостивый Государь мой Князь Иван Михайлович!

Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил, чтобы для строения по Оренбургской линии крепостей воинских служителей на земляныя и другия какия-бы то ни было работы неупотреблять, а производить оныя работы ссылочными преступниками; вследствие сего по исполнению таковой Высокомонаршей воли отнесся же я к Оренбургскому воинскому

губернатору господину генералу от инфантерии барону Игельстрому с требованием уведомления сколько оных служителей к сим работам употреблялось, дабы их ссылочными преступниками заменить было можно; но поелику число ссылочных преступников в Оренбургской губернии мне неизвестно, то и прошу вашего сиятельства снабдить меня как наипоспешнейшее ведомостью обовсех ссылочных преступниках сколько их где по Оренбургской губернии имеется которыя уже поселены, которыя употребляются к каким работам и которыя остаются праздны, дабы о замене оными воинских людей расположения учинить было можно – пребывая в протчем с истинным почтением.

Вашего Сиятельства Милостиваго государя моего покорный слуга Князь Алексей Куракин».

Апреля 22 дня

1797 г.

На эту бумагу от князя Ив. Мих. Баратаева, тогдашнего гражданского Оренбургского губернатора последовало 25 августа донесение о числе преступников с приложением поимённого списка их. Большинство последних крестьяне дворовые люди, сосланные за «воровство и убивства» и «за недоказание своей природы», но между ними попадаются и интеллигентные лица. Под первым номером записан Фёдор *Секретарев*, присланный 3 августа 1795 г. по Именному Указу от 22 июля «на житье в Оренбург с женой и со всем его имуществом». Что послужило причиной его ссылки в описи не указано.

Под № 6 значится Василей *Ковалевский*, подпоручик, сосланный в 1779 г. за «смертное убивство крестьянской своей женки и сожжение оной по лишении всех чинов и достоинств с наказанием кнутом, с вырезанием ноздрей и с постановлением знаков».

Между прочим в 1751 г. был сослан в Уфимскую губ. некий Алексей *Ларионов* «неизвестнаго достоинства, за неуказанныя слова и дела».

Затем 10 человек солдат лишённых в 1775 г. солдатского звания за «самовольное предательство себя в злодейскую толпу» пугачёва.

Через 4 месяца быстрый на распоряжения Император Павел отменил часть своего приказа и 3 августа 1797 г. князь А. Куракин уведомил кн. Баратаева, что состоялось новой высочайшее повеление: всех поселённых преступников отправить в Иркутск на суконную фабрику. 18 октября того же года в Уфе было получено и подробное наставление.

«Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил, дабы уголовных и других преступников по решениям су-

дебных мест к разным наказаниям осужде, яко то: 1-е смертноубийц, також произносителей дерзких слов противу Императорскаго Величества, равно возмутителей народа и пристанодержателей по наказании отсылать в Нерчинск, в работу. 2-е преступников других родов приговариваемых на поселение отправлять в Иркутск на тамошнюю суконную казенную фабрику под управлением Кригс-Цалмейстера Новицкаго состоящую и 3-е *осуждаемых к телесным наказаниям и без онаго за долги и другия преступления навсегда или временно в смирительныя и рабочия домы и другия казенныя работы, отправлять по крепостным строениям отколь куда способнее, о чем и дать знать начальникам губернии*, дабы они собранных поныне коотправлению разных родов преступников, сообразно сему разобрав, куда следует от правили да и впредь таким образом поступали».

Новый указ произвёл сильное впечатление. Об этом свидетельствует письмо кн. Куракина от 22 ноября 1797 г.

«Милостивый Государь мой Князь Иван Михайлович!

Из сообщеннаго мною кавсем начальникам губернии высочайшаго Е. И. В. повеления, усмотрите Ваше Сиятельство, что преступники разных родов отсылаемы должны быть в Нерчинск в работу; в Иркутск, на тамошнюе суконную фабрику и в крепостныя работы и что всию последнюе статью принадлежат и осужадемые за *долги*. Таковое высокомонаршее повеление, наказующее преступников ивкупе защищающее претерпевающих от них произвело в Тверской губернии сильное действие над умышленно сделавшими себя в купечестве должниками или банкрутами; ибо гражданский тамошний губернатор, при обозрении губернии будучи в уездном городе Вышнем Волочке, где таковых банкрутов было 28. Когда объявил им, что всех их отправят на крепостные работы, то втечении трех дней сделалось из них только 12. Многие заплатили сами долги, изделали надежные с заимодавцами извороты; другие простили своих должников и некоторые из сострадания искуплены: почему и дал он время исправится прочим, и надеется, что и изчисла последних в том городе убудет; а также и по другим городам подобной успех последует.

Пример таковый, яко соответствующий точной силе вышеизображенному высочайшему о розсылке преступников повелению, долгом поставляю сообщить Вашему Сиятельству для единообразнаго и во вверенной вам губернии содействия».

Высочайший указ был разослан по всем магистратам городов нынешних Уфимской и Оренбургской губерний и из них, один за другим, стали поступать «репорты», что «умышленно зделавших себя должниками и банкрутами» более не оказывается и

хотя таковые среди «некоторых из мещан» и нашлись, но «по удовольствию кредиторов оные уже отпущены».

С.Р. Минцлов.

(Уфимский край. 1910. 5 мая)

Творчество плодовитого писателя Сергея Рудольфовича Минцлова (1870–1933), оставившего яркие, увлекательные зарисовки жизни нашего края в начале 1910-х гг., давно привлекает внимание литературоведов и историков. Наиболее крупные его произведения, посвящённые Башкирии: «Очерки Приуралья» и «Дебри жизни», хорошо известны научно-краеведческой общественности и в огромной степени благодаря подвижническим поискам М.Г. Рахимкулова[1]. Достаточно подробный научный анализ историко-культурного наследия С.Р. Минцлова принадлежит Б.С. Давлетбаеву[2]. Хотя основное внимание Булат Сабирович уделил двум самым значимым произведениям Минцлова, он знал и о его газетных публикациях.

С.Р. Минцлов приехал в Уфу в апреле 1910 г. и уже седьмого числа был с визитом у губернатора А.С. Ключарёва, который пригласил его сотрудничать с правоконсервативным «Уфимским краем»: «не забывайте же делиться результатами ваших работ». На этой встрече начальник региона ясно дал понять, что либеральный «Вестник Уфы» – прямой конкурент[3]. Естественно, для государственного служащего, земского начальника из Стерлитамакского уезда путь туда был заказан.

Практически одновременно с приездом Минцлова в Уфу в судьбе местного официоза «Уфимского края» произошли существенные перемены, один из двух редакторов – А. Вощинин, чьё самостоятельное руководство выражалось в крайней политизированности газеты, ушёл на преподавательскую работу в част-

---

[1] *Минцлов С.Р.* Уфа. Из кн. «Дебри жизни» / вступление и составление М.Г. Рахимкулова. Уфа, 1992.

[2] *Давлетбаев Б.* Башкирские страницы С.Р. Минцлова // Сохраним выцветшие строки… / сост. В.А. Скачилов. Уфа, 1988. С. 108–117. Ему же принадлежат и заметки в энциклопедиях, точная первая (*Давлетбаев Б.С.* Минцлов Сергей Рудольфович // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 403) и краткая вторая, без сомнения, искажённая бездарными «энциклопедистами», где помимо ошибочного записывания введения книги М.Г. Рахимкулова как отдельного издания, земскому начальнику Минцлову приписали участие в кадетской газете «Вестник Уфы» (*Давлетбаев Б.С.* Минцлов Сергей Рудольфович //Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 4. Л – О / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа, 2008. С. 221). В просмотренной подшивке «Вестника Уфы» за 1910 г. никаких работ Минцлова нет (и в первой статье Б.С. Давлетбаева ничего подобного не утверждается).

[3] *Минцлов С.Р.* Указ. соч. С. 15.

ную гимназию, и всеми делами стал заправлять второй редактор – А. Фёдоров, человек безусловно талантливый. Политика отходит на второй план, «Уфимский край» эволюционирует в хорошую массовую газету с регулярным и весьма интересным литературно-публицистическим «подвалом», куда стал отправлять свои статьи С.Р. Минцлов.

На упомянутой встрече с губернатором ему разрешили забирать из архива домой для изучения интересующие его дела и уже через месяц в «Уфимском крае» выходит первая статья С.Р. Минцлова «"Целительный" Указ Императора ПАВЛА»[1], полностью публикуемая выше. Буквально сразу начинают печатать цикл статей под названием «Археологические очерки»[2], где Минцлов излагал свои первые наблюдения о памятниках прошлого (в воспоминаниях об этом ничего не говорится). Исследователям необходимо провести их сравнение с изданными «Очерками Приуралья», моё поверхностное сопоставление показывает, что текст пятого очерка совпадает с шестым из очерков Приуралья.

Воспоминания С.Р. Минцлова о жизни в Богоявленском, поездки в Уфу и Стерлитамак наполнены яркими, сочными зарисовками современников, часто весьма жёсткими. Как плодовитый литератор он не мог не ухватиться за тему провинциальных нравов, тем более его к этому подталкивали. В заметке от 3 ноября Минцлов пишет: «Вчера вечером читал свою новую пьесу у графа П.П. Толстого – пайщика и негласного редактора "Вестника Уфы". Слушать собралось человек до 30, были и дамы, участвующие в кружке, были и земцы»[3]. Судя по оговоркам в тексте (например, на странице 10 мемуаров он упоминает «Уфимский вестник», который тогда вообще не издавался), Минцлов окончательно придавал своим черновым записям литературный вид значительно позднее, не всё договаривая, и акцентируя внимание в частности на негативном образе губернатора А.С. Ключарёва явно задним числом.

Вечером того же дня, – пишет Минцлов, – «был у старшего советника Губернского правления, А.И. Фёдорова… Сидим мы с Фёдоровым в кабинете его, пьём чай и беседуем об архиве и "Крае"». Вдруг по телефону Минцлова поздно ночью вызывает к себе А.С. Ключарёв и в беседе стал осыпать комплиментами (наверняка, он знал о чтении новой пьесы Минцлова в кружке либеральных земцев, что и сам Минцлов подтверждает) и уговаривает написать антиреволюционную пьесу из пяти действий, «на-

---

[1] Уфимский край. 1910. 5 мая.
[2] Там же. 19, 22 мая, 2, 12 июня, 18 июля, 20 августа.
[3] *Минцлов С.Р.* Указ. соч. С. 87.

пишите непременно». В мемуарах С.Р. Минцлов «согласия … не дал, отделался пустыми фразами»[1].

Любопытно, но Минцлов, лично и хорошо знакомый с А.И. Фёдоровым, почему-то забыл упомянуть, что именно этот Фёдоров и являлся редактором консервативного «Уфимского края». Можно услышать неск*а*занное и при встрече Минцлова с Ключарёвым в губернаторском доме. Весьма вероятно, что Сергей Рудольфович не просто «отделался пустыми фразами», а всё таки дал согласие разместить свою новую пьесу, о которой Ключарёв был осведомлён, в проправительственном «Уфимском крае» редактора А.И. Фёдорова. И с 11 ноября 1910 г. начинает публиковаться, наверное, впервые в уфимской прессе, пьеса под названием «Без идеалов. Пять картин из современной жизни» С.Р. Минцлова[2]. Какое совпадение, и губернатор говорил о пяти действиях. А сравнение антисемитских и антиреволюционных призывов А.С. Ключарёва с содержанием пьесы заставляет задуматься. Но это уже дело литературных критиков. Одно несомненно, такая оперативная, чуть ли не ежедневная публикация пьесы Минцлова не могла осуществиться без личного распоряжения первого лица губернии, решившего перехватить инициативу у либеральных конкурентов. «З-а-н-а-в-е-с» – так заканчивается текст пьесы, о которой в своих мемуарах, окончательно составленных позднее, автор почему-то ни разу не упомянул как об успешной (с гонораром?) публикации (о постановке в Богоявленском своей старой комедии «Женихи» не забыл отметить[3]).

В начале 1911 г. в том же официозе издаётся большая работа С.Р. Минцлова «Чуваши»[4], затем в № 33 сообщалось о выходе адрес-календаря Уфимской губернии со статьёй Минцлова «Очерки Приуралья», а в марте публикуется последний труд С.Р. Минцлова «Самозванец Константин Павлович» о событиях в Челябинском уезде в 1840-е гг.[5] В апреле 1911 г., когда Минцлов ещё жил в Усолке, в газете печатается большая критическая рецензия «Несколько слов по поводу "Этно-графических очерков"

---

[1] Там же. С. 88–90.

[2] Уфимский край. 1910. 11, 13, 17, 18, 19, 23, 25, 27, 28 ноября, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23 декабря.

[3] *Минцлов С.Р.* Указ. соч. С. 97. В газете сообщали, что 26 декабря в Богоявленском заводе в пользу Аксаковского народного дома был поставлен любительский спектакль – комедия С.Р. Минцлова «Женихи», несмотря на мороз был полный аншлаг, весёлая пьеса вызывала смех и аплодисменты публики (Уфимский край. 1910. 31 декабря). Хотя Минцлов иронизировал над принудительно-добровольными сборами денег на строительство Аксаковского дома в Уфе, он тоже внёс свою лепту.

[4] Уфимский край. 1911. 12, 13 января.

[5] Там же. 15, 16, 18 марта.

С.Р. Минцлова»[1]. Автор, Гавриил Тихонов-Гал[г]ай отмечал, что Минцлов сведения о чувашах получил от Н.М. Суздальцева, проживавшего в Нагадаке, и, не являясь специалистом в чувашской этнографии, наделал кучу ошибок.

В «Уфимском крае» есть несколько иных упоминаний о С.Р. Минцлове, что тот был в июне 1910 г. на юбилее табынского протоиерея о. Зыскова (№ 143), а также о покусании писателя бешеной собакой (№ 226). Последнее Сергей Рудольфович не постеснялся указать в своих мемуарах[2]. Воспоминания С.Р. Минцлова по праву считаются одним из интереснейших и важных источников по истории нашего края в 1910–1911 гг., но про критику тоже не стоит забывать. Минцлов «за глаза» не пощадил на своих страницах уфимского губернатора А.С. Ключарёва, который создал ему режим наибольшего благоприятствования и по команде которого литератору не только выдавали на дом (в Усолку?!) архивные документы, но и бесперебойно публиковали.

(публикация и примечание М.И. Роднова)

[1] Там же. 22, 26 апреля.

[2] Там же. 1910. 20 октября; *Минцлов С.Р.* Указ. соч. С. 80–82.

И.П. Тюрина, Е.Б. Гончаренко

Иконография и генеалогия купцов Плешановых и дворян Листовских (на основе собрания портретов из коллекции Томского областного художественного музея)[1]

В Томском областном художественном музее (ТОХМ) хранятся портреты жены уфимского губернского предводителя дворянства Марии Ивановны Листовской и её родных из купеческой семьи Плешановых. Этот вывод был сделан в результате длительной работы по персонификации героев уникальной портретной галереи, переданной в дар Томскому краеведческому музею в 1944 г. по завещанию профессора Аркадия Валериановича Лаврского (1863–1944)[2].

Фамилия Лаврских известна в истории Среднего Поволжья. Отец А.В. Лаврского – религиозный публицист Валериан Викторович Лаврский, друг Н.А. Добролюбова по нижегородской семинарии, дядя Константин Викторович Лаврский – общественный деятель, редактор «Камско-Волжской газеты», а тётя Александра Викторовна Потанина – этнограф, жена и соратница Г.Н. Потанина. Сам Аркадий Валерианович, геолог и минералог, окончил Казанский университет, защитил диссертацию, в 1903 г. был избран профессором Екатеринославского высшего горного училища, в 1908–1935 гг. – профессор Томского технологического (индустриального) института.

Портреты были привезены в Томск из Казани и принадлежали семье жены А.В. Лаврского Ольги Петровны, урождённой Оптовцевой (1873–1941). Собрание состояло из трёх мужских купеческих портретов неизвестных художников первой половины XIX в. и шести портретов кисти академика живописи П.Ф. Плешанова. По словам Лаврского, на двух портретах Плешанова изображён сам художник, на трёх овальных портретах – мать О.П. Лаврской (девушка в белом платье) и две её сестры, а на большом парадном портрете – мать сестёр, следовательно, бабушка О.П. Лаврской. Имена и фамилии изображённых лиц в

---

[1] Благодарим за неоценимую помощь в подготовке данной статьи искусствоведа, сотрудника Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» Т.В. Колбасову, директора музея детской музыкальной школы № 1 Казани Л.В. Власову, уфимского краеведа Я.С. Свице, сотрудника Научной библиотеки Казанского университета Н.Б. Пазину.

[2] Подробности поступления портретов в ТОХМ см.: *Тюрина И.П.* Портреты П.Ф. Плешанова в коллекции Томского художественного музея // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. Вып. 6 (15). Серия. Гуманитарные. науки. Томск, 1999. С. 76–80.

музейных документах не были указаны. Трудно предположить, что Лаврский не знал имя своей тёщи, возможно, этой информации тогда не придавалось значения, и портреты передавались исключительно в качестве художественных ценностей. Не менее существенным представляется нам характерное для тех лет «забвение» родственных связей, могущих сыграть в судьбе человека роковую роль.

Знакомство с галереей начнём с основного виновника её появления на свет. Исторический живописец Павел Фёдорович Плешанов (1829–1882) был фигурой известной и даже значительной в академических кругах. Однако в эпоху прославления передвижников его, как и прочих академистов, сбросили с корабля современности. Можно констатировать, что только во время восстановления храма Христа Спасителя в Москве, в росписи которого Плешанов принимал участие в 1870-х гг., обозначился интерес к этому почти забытому художнику. Его биографии, опубликованные в известных справочниках, повторяют набор скупых сведений из академического личного дела.

Как выходец из состоятельной купеческой семьи, сын почётного гражданина купца 1-й гильдии Фёдора Максимовича Плешанова и его супруги Елены Ивановны, общее образование Павел получил в Санкт-Петербургском коммерческом училище (1841–1849). По окончании училища, изменив семейным традициям, он избирает своим поприщем живопись и в 1850 г. поступает в Академию художеств. В собственноручно заполненной анкете Плешанов называет своим учителем не только Ф.И. Бруни, что упоминается во всех справочниках, но и И.С. Ксенофонтова[1]. Успешная учёба Павла сопровождалась традиционными академическими наградами, но в 1855 г. он вместо золотой медали 1-го достоинства, дающей право на заграничную поездку за счёт Академии, получает «особенную похвалу» и звание художника 14 класса. Через год, 16 октября 1856 г. П.Ф. Плешанов возведён в звание академика за картину «Сильвестр перед Иоанном Грозным», в 1857 г. отправлен за границу[2], видимо, за свой счёт. Датировка и подписи на томских портретах «1863 Roma» и «Ostende 1863» говорят о том, что и позднее он совершал поездки в Италию и Бельгию. Произведения молодого Плешанова экспонировались на международных выставках в Риме и Париже. В 1869 г. он получает звание профессора, с 1871 г. исполняет обязанности хранителя музея Академии художеств, в

---

[1] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 55. Лит. «П». Л. 16 об.

[2] *Кондаков С.Н.* Императорская Санктпетербургская Академия художеств. Т. 2. СПб., 1914. С. 154.

1875 г. приглашается присутствовать на заседаниях Совета Академии художеств, а в 1877 г. становится его сверхштатным членом. С 1878 г. занимает должность помощника заведующего мозаичным отделением. За свои труды Плешанов был награждён орденами Св. Станислава 2-й ст. и Св. Анны 2-й ст. После смерти художника, не имевшего собственной семьи, «имущества, кроме носимого, и мебели в кабинете не обнаружено»[1]. Всё его состояние заключалось в собственных произведениях, коллекции бюстов, эскизов, портретов, гравюр и предметов, которые использовались им при написании исторических полотен и были переданы Академии художеств. Похоронен художник в Александро-Невской лавре[2].

Список произведений, созданных Плешановым, обширен. Обладая огромной работоспособностью, он создавал крупноформатные полотна на исторические и мифологические темы, написал множество образов для различных храмов, выполнял заказы на образа для царской семьи. Одной из крупнейших его работ были росписи в Храме Христа Спасителя. Кроме того, П.Ф. Плешанов был успешным и востребованным портретистом. Он писал портреты членов царской фамилии, представителей духовенства, купечества. Расцвет портретного творчества Плешанова относится к 1860-м гг. Только в 1864–1865 гг. он написал около 50 портретов по заказам разных лиц[3]. Местонахождение большинства этих работ неизвестно. Автопортреты Плешанова, хранящиеся в Томске, являются единственными известными изображениями художника. В личной анкете Плешанов упомянул о написанных им в 1861–1862 гг. в России шести портретах родных, не называя их имён, а также указал в списке лучших своих произведений «портрет тётки Г.К. Плешановой, находящийся в Казани». Этот портрет участвовал в академической выставке 1863 г.[4] Мы предположили, что наш портрет пожилой дамы (ТОХМ Ж-222[5]), датированный 1863 г., и есть известный по справочникам портрет тётки художника Г.К. Плешановой.

---

[1] РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 55. Лит. «П». Л. 68 об.

[2] «Плешанов, Павел Федорович, р. 18 мая 1829 † 9 ноября 1882. С Н.Ф. Плешановым, А.М. Васильевым, О.А. Шумовым и А.С. Костанда (Александро-Невская лавра, Тихвинское кладбище)» // *Великий князь Николай Михайлович*, [*Саитов В.*] Петербургский некрополь. Т. III (М–Р). СПб., 1912. С. 432.

[3] *Собко Н.П.* Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней. Т. 3, вып. 1. «П». СПб., 1899. Стб. 291.

[4] Указатель художественных произведений годичной выставки в Императорской академии художеств за 1862–1863 гг. СПб., 1863. № 65.

[5] Здесь и далее указываются номера экспонатов Томского областного художественного музея.

Тогда на овальных портретах изображены её дочери – урождённые Плешановы, двоюродные сёстры художника П.Ф. Плешанова, и вполне логично предположить, что и на всех остальных портретах семейной галереи тоже изображены члены семьи Плешановых.

Подтверждением этой версии стала атрибуция портрета купца, сидящего за столом у окна, за которым видна церковь (ТОХМ Ж-685). Оказалось, что это вариант или копия портрета ростовского городского головы М.М. Плешанова из Государственного Исторического музея. Портрет написан в 1854 г. ростовским живописцем А.Ф. Крыловым. Это произведение представляет собой типичный образец провинциального купеческого портрета середины XIX в. Интересен тот факт, что на портрете 1854 г. купец изображен с медалью, а на нашем портрете медали нет. Известно, что золотой медалью на аннинской ленте М.М. Плешанов был награждён в 1851 г. за благотворительную деятельность. Возможно, наш портрет написан до 1851 г. и является более ранним оригиналом.

Важная деталь – письмо со штемпелем «Казань» на обоих портретах – убедительно свидетельствует о существовании переписки М. Плешанова с адресатом из Казани.

Основатель купеческой династии Максим Михайлович Плешанов (1770–1858), которого называют «яркой звездой ростовского купечества»[1], вёл обширную оптовую торговлю салом, мёдом и другими товарами. Одна салотопенная мастерская выпускала в год 5,5 тыс. пуд. свечей на 30 250 руб. В 1818–1821 гг. избирался гласным ростовской городской думы. В 1839 г. «Ярославской губернии Ростовский 2-й гильдии купец Максим Плешанов с сыновьями Михаилом, Федором, Дмитрием и Иваном и семействами их» возведён в звание почётного гражданства[2]. Братья Плешановы имели коммерческие конторы в разных городах России: Фёдор Максимович (отец художника) – в Петербурге, Иван Максимович – в Казани, Михаил Максимович – в Самаре[3], Дмитрий Максимович – в Ростове и Рыбинске[4]. В 1859

---

[1] http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=7674; http: // hotel-vrostove.ru/kupczyi-pervoj-gildii-pleshanovyi.html.

[2] См.: Журнал Министерства внутренних дел. 1839. № 9.

[3] В истории Самары яркий след оставил Иван Михайлович Плешанов (1824–1906) (см.: *Поддубная Р.П.* Почетные граждане города Самары. 1863–1913. Самара, 2014. С. 65–69).

[4] См.: *Колбасова Т.В.* «Здание это будет служить украшением города...» К истории основания и строительства в Ростове Плешановской Богадельни. 1866–1872 гг. // История и культура Ростовской земли. 2008. Ростов, 2009. С. 258–279.

г. был создан торговый дом «Максима Плешанова сыновья», существовавший до 1870 г.

Максим Плешанов был щедрым благотворителем, жертвовал значительные средства на общественные нужды, на строительство и украшение церквей. Только один из примеров – в 1825–1826 гг. он внёс 27 474 руб. на строительство церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в пострадавшем от пожара ростовском Троице-Варницком монастыре. По преданию монастырь был построен на том месте, где жили родители святого Сергия Радонежского, и где произошло явление Ангела отроку Варфоломею. В дальнейшем благотворительность стала неотъемлемой частью жизни нескольких поколений Плешановых[1].

Благодаря коллегам из Казани стало известно имя Г.К. Плешановой – Глафира Кузьминична. В Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан в 1997 г. поступил овальный погрудный портрет Г.К. Плешановой по завещанию её правнучки, известного музыканта и педагога Н.А. Сегель. Портрет датирован 1861 г. и, вероятно, служил подготовительным материалом для создания нашего парадного портрета. Идентичность лиц на томском и казанском портретах не вызывает сомнений.

До замужества Глафира Кузьминична носила фамилию Кузнецова[2]. Этот факт окончательно подтвердил версию о том, что на втором купеческом портрете изображён отец Глафиры. Чтобы указать на личность купца, художник изобразил на столе письмо, начинающееся словами: «С–Петербургъ ноября… Милостивый государь любезный батюшка Козьма Никитичъ! Первымъ деломъ и обязанностію моею считаю просить Вашего родительского благословенія…». Кузьма Никитич Кузнецов (около 1777–1860) происходил из старожилов Ростова Великого, где проживал постоянно, ведя торговлю козьим пухом и цикорием в Петербурге[3]. Глафира была его первой дочерью от второго брака, родившейся в 1817 г. Ростовское общество избирало Кузьму Никитича словесным торговым судьёй, городовым старостой и

---

[1] *Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А.* Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009. С. 85 и др. (здесь портреты Максима Михайловича и других Плешановых).

[2] Выявлено Т.В. Колбасовой в РФ ГАЯО.

[3] *Мельник А.* Ростовская старина. 2009. № 144 // http: // starina. blog. ru / 65322163.html?attempt=1; *Белик А.А.* Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII – первой половины XIX вв. // http: // www. dslib.net/teorja-kultury/kultura-povsednevnosti-provincialnogo-kupechestva-konca-xviii-pervoj-poloviny.html.

представителем в магистрат. Как известно, одним из показателей богатства купца был каменный дом. У ростовского купца Кузнецова согласно источникам в 1836 г. имелся «деревянной на каменном фундаменте дом с каменным на дворе флигелем и прочим деревянным надворным строением и землею»[1]. Дом этот в Ростове сохранился.

Наличие в семейной галерее изображений отца и свёкра Глафиры Кузьминичны дало основание предположить, что на портрете более молодого купца изображен её муж, почётный гражданин Иван Максимович Плешанов (около 1802–1857)[2], четвёртый сын М.М. Плешанова. Характерная прическа в кружок и борода свидетельствуют о строгом следовании традициям, бытовавшим в среде провинциального купечества. В 1830-х гг., когда был написан этот портрет, Ивану было слегка за 30 лет, что соответствует возрасту изображённого лица. Таким образом, портреты К.Н. Кузнецова и И.М. Плешанова из нашего собрания восполняют пробел в иконографии ростовского и казанского купечества.

Скажем несколько слов и о портрете Глафиры Кузьминичны, созданном её племянником П.Ф. Плешановым в Риме в 1863 г. Портрет этот засвидетельствовал значительные изменения во вкусах и стиле жизни богатого купечества. Глядя на него, трудно определить сословную принадлежность портретируемой. Его стилистика напоминает скорее дворянский портрет, например, известное изображение Н.Н. Пушкиной-Ланской. Наша героиня запечатлена тет-а-тет с настольным портретом умершего мужа, взгляд её спокоен и печален, поза статична. Богатый туалет соответствует моде начала 1860-х гг.: на Плешановой повседневное платье модного силуэта, с кринолином, достигшим громадных размеров именно в это время, и новомодным фасоном рукава «пагоды» – узкого у плеча, расширяющегося от локтя, с подшитым под него белым рукавчиком на узкой манжете. Совсем другой тип купеческих жён этого времени запечатлён в бытовых картинах В.Г. Перова.

Глафира Кузьминична прожила много дольше своего мужа, умерла в возрасте за 70 лет. На её долю выпало похоронить сына и двух дочерей, умерших молодыми в один год, воспитывать до 12 лет оставшуюся без родителей внучку Наталью. Она достойно продолжала традиции семейной благотворительности: в 1866–1870 гг. на собственные средства строила и наблюдала за строительством храма Богоявления Господня в селе Красново, откуда

---

[1] http://starina.blog.ru/65322163.html?attempt=1.

[2] *Агафонов Н.* Казань и казанцы. Казань, 1906. С. 94.

родом был основоположник династии. На стене храма, называемого «драгоценнейшей жемчужиной святой Борисоглебской земли», установлена памятная доска с её именем. В этом же селе в 1871 г. Плешанова на свои средства построила школу[1].

У Ивана и Глафиры Плешановых было пятеро детей: сын Николай и дочери Елизавета, Екатерина, Мария и Ольга; три младшие дочки родились в Казани[2].

Дочери Плешановых были хороши собой. По воспоминаниям Н.А. Сегель, внучки Екатерины, их красотой во время пребывания в Италии восхищался легендарный Гарибальди[3]. На портретах Плешанова у них красивые чёткие овалы лица с высокими скулами, большие распахнутые глаза, тонкий благородной формы нос с высокой переносицей, выразительно очерченный рот. В их лицах явно прослеживаются характерные фамильные черты Плешановых и Кузнецовых. Изящество их туалетов говорит не только о значительном достатке семьи, но и о вкусе барышень.

Нельзя не заметить, что девушки на портретах очень серьёзны. Создаётся впечатление, что художник и его модели скованы обоюдной ответственностью. Девушки будто понимают, каким трудным делом занят Павел, их двоюродный брат. Художник, в свою очередь, слишком озабочен передачей портретного сходства. Мы не видим в этих портретах живости и непосредственности юности, только статика и тревога: «Хорошо ли я позирую? Получится ли портрет?» Лишь во взгляде девушки в белом платье можно уловить лёгкий оттенок нетерпения и вызова, пожалуй, можно поверить, что именно эта модель в скором времени окажется под надзором полиции.

В 1866 г. три старшие дочери были уже замужем. В архивном деле зафиксированы только новые фамилии сестёр: Елизавета Серебренникова, Екатерина Стежинская, Мария Листовская[4]. Нам удалось выяснить имена и социальное положение всех мужей сестёр Плешановых. Благодаря их профессиональной и общественной деятельности мы знаем о мужьях героинь больше, чем о них самих. Но даже неполная отрывочная реконструкция биографий сестёр помогает представить традиции семьи, прочность семейных уз, понять характер и стиль жизни нового поколения.

Старшая из сестёр, Елизавета, осталась в купеческом зва-

---

[1] *Титов А.А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 452.

[2] Имена, даты и место рождения дочерей выявлены Т.В. Колбасовой (РФ ГАЯО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1034. Л. 56, 57, 58, 262). То же далее.

[3] *Сайфуллина Г.* Непридуманная Адофина // Казань. 2000. № 12. С. 83–93.

[4] РФ ГАЯО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1034. Л. 262.

нии. Она вышла замуж за казанского купца, потомственного почётного гражданина Александра Александровича Серебренникова. Дед его, Акинфий Петрович, был женат на дворянке, «пользовался большим уважением в городе и дом его … считался почетнейшим в казанском купечестве». «Торговал он исключительно золотыми и серебряными изделиями и был, в то же время, официальным казанским пробирщиком»[1]. Александр продолжил семейное дело, торговал серебряными и золотыми вещами, мануфактурным товаром. Жена его Елизавета умерла очень рано, в возрасте 36 лет, похоронена в Казани[2].

Сёстры Екатерина и Мария вышли замуж за дворян. Как известно, брачные связи являлись в XIX в. важным показателем социального положения семьи. Браки представительниц богатых купеческих семей с лицами дворянского происхождения во второй половине века становятся всё более частыми. Во многом эти брачные союзы были уже обусловлены, как нам представляется в случае с купеческими дочерьми Плешановыми, не только материальными интересами, но также европейским уровнем жизни и образованности купеческой семьи.

Екатерина Ивановна Плешанова (1843–1877) была замужем за Иваном Андреевичем Стежинским (1835–1883). Врач И.А. Стежинский, окончив Казанский университет, практиковал в Екатеринбурге и Казани, с 1861 г. учился несколько лет за границей, писал труды по медицине, затем работал ординатором в Санкт-Петербургской Мариинской больнице для бедных[3]. Стежинским, жившим в Петербурге, Павел Плешанов подарил картину «Воскрешение пророком Елисеем сына Сарептской вдовицы», за которую в Академии художеств получил вторую золотую медаль. Картина ныне хранится в Государственном Русском музее, на обороте есть наклейка с надписью: «Сим удостоверяю, что картина сия написанная родственником моим художником Плешановым, принадлежит мне – члену Имп. Русского Технич. О-ва врачу Китайской восточной ж.-дор. Антону Ивановичу Стешинскому»[4]. В каталоге, очевидно, допущена ошибка в написании фамилии. Антоний Иванович Стежинский, как и отец, окончил Казанский университет[5].

---

[1] Род купцов Серебренниковых // *Агафонов Н.Я.* Из казанской истории. Казань, 1906. С. 133–140.

[2] *Агафонов Н.* Казань и казанцы. С. 101.

[3] *Змеев Л.Ф.* Русские врачи писатели. Тетрадь 5. СПб., 1889. С. 145.

[4] Каталог Государственного Русского музея. Живопись XVIII – начала XX века. Л., 1980. № 4055.

[5] *Михайловский А.И.* Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904). Ч. 1, вып. 3. Казань, 1908.

Мария Ивановна Плешанова (р. 21 июля 1844 г.) была замужем за Листовским. Род дворян Листовских внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии[1]. В адрес-календарях Уфимской губернии упоминается жена Александра Степановича Листовского Мария Ивановна. Подтверждение того, что речь идёт именно об интересующей нас Марии, удалось обнаружить в документах Уфимской духовной консистории[2]. В метрической книге Спасской церкви Уфы за 1870 г. есть запись о рождении 12 октября у А.С. и М.И. Листовских сына Ивана, восприемницей которого была почётная гражданка Елизавета Ивановна Серебренникова, – как мы выяснили ранее, – родная сестра Марии Плешановой.

Основным источником сведений о семье Листовских послужили записки одного из пяти братьев Листовских – Ивана Степановича, публиковавшиеся в историческом журнале «Русский архив». Дед по отцовской линии Андрей Степанович долгое время (1811–1823 гг.) служил председателем уголовной палаты Пермской губернии, награждён орденами Св. Анны 2-й ст. и Св. Владимира 3-й ст., временно исправлял должность губернатора. Статский советник А.С. Листовский умер в Перми в 1823 г. в возрасте 67 лет (погребён 20 мая), успев 28 апреля стать восприемником своего первого внука Николая[3]. После его смерти семья перебралась в городок Оханск Пермской губернии, где отец, Степан Андреевич, до 1830 г. был уездным судьёй и предводителем дворянства. Молодая жена его, Софья Степановна, которой в ту пору было всего 18 лет, открыла у себя странно-приимный дом для богомольцев. В Оханске родились Варвара, Андрей и Софья Листовские, причём восприемницей при крещении бессменно была вдова статская советница Васса Самуиловна Листовская[4]. Иван Степанович отмечал, что бабушка его Листовская, урождённая Каменьщикова, родилась в 1769 г. в Сибири[5]. В месяцесловах того времени фигурирует лишь один Самойла Каменьщиков, «Филипов сын», в 1779 г. управитель по трактам в

С. 1200.

[1] Казанское дворянство. 1785–1917: Генеалогический словарь. Казань, 2001. С. 329.

[2] ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 11. Л. 398.

[3] Метрическая книга Петропавловского собора г. Перми за 1823 г. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 52 // Поколения Пермского края. http: // pokolenia. permkrai.ru/index.html).

[4] Метрические книги Успенского собора г. Оханска за 1824, 1825, 1827 гг. (ГАПК. Ф. 37. Оп. 2, Д. 36, 131 // Поколения Пермского края. http: // pokolenia.permkrai.ru/index.html).

[5] *Листовский И.С.* Рассказы из недавней старины // Русский архив. 1884. Кн. 1, № 2. С. 286.

Демьянском яме[1], – вероятно, отец Вассы.

В начале 1830-х гг. семья переехала в Уфу. В 1832 г. Степан Андреевич – чиновник по особым поручениям при оренбургском гражданском губернаторе, в год смерти[2] – 1843 – секретарь Дворянского депутатского собрания, коллежский асессор. В отличие от отца Степан орденов не заслужил, видимо, служебная карьера мало его волновала.

История рода Листовских ещё ждёт своего исследователя. Они изучали начало пароходного сообщения по Белой[3], покупали землю и к югу от Уфы приобрели сельцо Никитино (Вознесенское), на 1861 г. 170 душ крепостных[4]. Особенно активно Листовские скупали владения в пореформенный период. На 1881 г. в окрестностях Уфы Листовский Пётр Степанович имел 997 дес., Александр Степанович – 434 дес., а Мария Ивановна – 1030 дес. Надежда Петровна Листовская, помещица с 90 дес. земли, «дождалась» 1917 г.[5]

Все пятеро сыновей С.А. Листовского окончили Казанский университет. Возможно, во время учёбы в Казани в 1857–1862 гг.[6] Александр Листовский и познакомился с Марией Плешановой. Принадлежность к разным сословиям не стала препятствием заключению брака. Венчались молодые, видимо, в Казани (в ЦИА РБ документов о венчании не выявлено), но жить поехали в Уфу. 5 декабря 1866 г. в Спасской церкви Листовские крестили сына Александра[7].

Мария Ивановна вошла в круг высшего общества Уфы, который, по свидетельству историков, был в те годы немногочисленным. Долгое время семья Листовских жила в знаменитой

---

[1] Русское служилое дворянство второй половины XVIII в. (1764–1795) / Сост. В.П. Степанов СПб., 2003. С. 270; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1779. СПб., 1779. С. 164.

[2] «Коллежский асессор Стефан Андреевич Листовский скончался 1843 года 9 Апреля 54 лет», похоронен на Старо-Ивановском кладбище Уфы (Уфимский некрополь / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 13).

[3] *Листовский А.С.* Пароходство по реке Белой // Уфимский календарь на 1876 год. Уфа, 1876. Вып. 3; *Он же.* Летопись пароходства по реке Белой // *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883.

[4] *Роднов М.И.* Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) // Река времени. 2011. Уфа, 2011. С. 60.

[5] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 68, 74, 112, 127, 136, 198.

[6] *Михайловский А.И.* Указ. соч. Ч., 1, вып. 2. Казань, 1904. С. 460, 513.

[7] ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 7. Л. 382 об., 383.

усадьбе, которая раньше принадлежала Аксаковым и описана в романе «Детские годы Багрова-внука». Историки пишут, что сменявшие до 1918 г. друг друга владельцы, а значит и Листовские, сознавали историческую и художественную ценность усадьбы[1]. Сейчас в этом доме находится музей С.Т. Аксакова. Сотрудники музея с энтузиазмом восприняли известие, что на одном из портретов, с которыми мы их познакомили, изображена бывшая владелица усадьбы. Мария Листовская занималась благотворительностью, продолжая традиции своей семьи. Документально подтверждено её участие в работе дамского отделения попечительского совета о бедных в 1883 г., в 1900 г. она была одной из попечительниц детских приютов Уфы, входила в попечительский совет Уфимского дворянского Новиковского пансиона девиц[2].

Александр Степанович занимал видное место в общественной жизни Уфы[3]. В 1870-х гг. неоднократно избирался предводителем уфимского уездного дворянства, два трехлетия (1893–1899 гг.) был губернским предводителем дворянства[4], избранию его на третий срок помешала смерть. «Необычайно внезапная кончина этого глубокочтимого и всеми искренно любимого человека поразила не только его семью, но и положительно все общество, утратившее в нем достойнейшего из своих членов, который почти всю свою жизнь посвятил служению не только своему дворянскому сословию, но и всему обществу. – Нет в Уфе ни одного учреждения – общественного, благотворительного и вообще корпоративного, в котором Александр Степанович не был бы деятелем, в качестве ли председателя или члена и везде выдавался своим ровным, миролюбивым и светлым воззрением на дело и сердечною участливостью», «удостоен был всех знаков отличия до ордена Владимира 3 степени включительно»[5].

---

[1] *Гудкова З.И.* Историческая записка по мемориальному дому-музею С.Т. Аксакова (середина XVIII века) (http: // www. aksakov. info / index. php?id=207мемориальный дом музей С.Т. Аксакова).

[2] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 83; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа, 1901. С. 20.

[3] Например, в 1897 г. в Уфе торжественно чествовали Александра Степановича Листовского, 25 лет являвшегося председателем попечительского совета Уфимской Мариинской женской гимназии (Уфимские губернские ведомости. 1897. 21 февраля).

[4] *Гвоздикова И.М.* Предводители дворянства Уфимского наместничества, Оренбургской и Уфимской губерний (1782–1917 гг.) // Река времени. 2011. С. 30; *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 136.

[5] Некролог. Александр Степанович Листовский // Уфимские губернские ведомости. 1899. 9 марта. Похоронен также на Старо-Ивановском кладби-

Нам удалось в Российской национальной библиотеке найти фотографический портрет А.С. Листовского в очень редком издании, – втором томе «Дворянского адрес-календаря на 1898 год». А Мария Ивановна пережила мужа. В 1908 г. она владеет домом в Уфе на Бельской улице, 9, этот же адрес у Владимира Александровича Листовского, прапорщика 243 Златоустовского резервного батальона[1].

Из сыновей Марии наиболее известен Евгений Александрович. Мы не знаем дату его рождения, но в 1871 г. он уже был восприемником при крещении брата Александра[2]. В 1891 г. окончил физико-математический факультет Казанского университета «по естественному разряду» с дипломом 1 степени[3], был членом Общества естествоиспытателей, печатал статьи[4]. В 1917 г. Евгений Александрович – статский советник, председатель Кунгурского уездного съезда[5]. Судьба других членов семьи Листовских после революции пока не выяснена.

На данном этапе атрибуции мы предполагаем, что М.И. Листовская изображена на малом овальном портрете, условно называемом «девушка с брошью» (ТОХМ Ж-412). Портрет не датирован, но стилистически и размерами (60,5х51,5) близок портрету «девушки с кружевом», имеющему авторскую подпись и дату 1861 (ТОХМ Ж-166, 65х45). Портрет девушки с кружевом условно атрибутирован как портрет Екатерины Плешановой (Стежинской) после получения из Казани фотографий её дочери и внучки[6]. Предполагаемый портрет Ольги Плешановой, девушки в белом платье, не может быть однозначно отнесен к 1861 г. Портрет датирован, но в результате авторских композиционных правок последняя цифра даты оказалась перекрыта плотным слоем белил. Хорошо читаются первые три цифры: 186..., от последней цифры остался только «хвостик», который можно трактовать скорее как часть семёрки, чем единицы. Учитывая дату рождения Ольги – 1853 г., и возраст изображенной, – не менее 14 лет, дата 1867 вполне вероятна.

Однако для бесспорной атрибуции портретов сестёр Плешановых иконографического материала пока недостаточно. Не-

---

ще, где, видимо, находился семейный склеп (Уфимский некрополь. С. 13).

[1] Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908. С. 24, 191.

[2] ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 12. Л. 340.

[3] *Михайловский А.И.* Указ. соч. Ч. 1, вып. 3. С. 1167, 1269.

[4] См.: Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 25, вып. 2. Казань, 1892.

[5] Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. Пермь, 1917. С. 95.

[6] Фотографии хранятся в музее детской музыкальной школы № 1 Казани.

обходимо выявить другие портретные изображения, которые позволят завершить атрибуцию.

В заключение расскажем немного про Оптовцевых, благодаря которым портреты оказались в Томске. Младшая из сестёр Ольга Плешанова в 1868 г. ещё проживала с матерью в Самаре под опекой своего двоюродного брата купца Ивана Михайловича[1], оставившего по себе добрую память многочисленными благотворительными делами. Но уже в 1872 г. Ольга вышла замуж за молодого юриста Петра Яковлевича Оптовцева.

Муж Ольги был более скромного происхождения, чем мужья старших сестёр, но личностью был неординарной. Окончив Харьковский университет, с 1867 г. он начал службу по судебному ведомству. В Казань приехал в 1870 г. по приглашению прокурора суда А.Ф. Кони на должность товарища прокурора, работал «не щадя своих сил и слабого здоровья. Его гуманное отношение к участи подсудимых вообще и арестантов в особенности, скоро и заметно выделило его»[2]. Оптовцев сближается с редакцией «Камско-Волжской газеты» и К.В. Лаврским, вокруг которого объединялись прогрессивные силы Среднего Поволжья, выступает с инициативой создания Казанского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для «нравственного исправления малолетних преступников». В это же время Пётр на имя жены и, вероятно, на её средства открывает дешёвую столовую для бедных студентов, за что оба попадают под негласный надзор полиции. Оптовцев в 1872 г. был уволен «по подозрению в политической неблагонадежности, ввиду того, что находился под влиянием своей жены, сближавшейся со студентами с «антиправительственными целями»[3]. В 1873 г. в семье родилась дочь Ольга. Затем Оптовцевы шесть лет жили в Саратове, где Пётр Яковлевич состоял присяжным поверенным и «вёл, кроме очередных защит, почти исключительно дела бедных людей или крестьянских обществ». Осенью 1880 г. вследствие обострившейся чахотки врачи настояли на переезде Оптовцева для лечения в Ялту, где он и умер 25 февраля 1881 г. в возрасте 37 лет[4].

В бытность в Ялте Ольга Ивановна общалась с выдающимися русскими актёрами реалистического направления П.А. Стрепетовой и её мужем М.И. Писаревым, которые обрели из-

---

[1] РФ ГАЯО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1034. Л. 289.

[2] Некролог. Петр Яковлевич Оптовцов // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 3 (май–июнь). С. 121–122.

[3] Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь (Slovari.yandex. ru /книги / Революционеры/ Оптовцев. Оптовцева).

[4] *Агафонов Н.* Казань и казанцы. С. 91.

вестность в Казани в 1871 г.[1]

На рубеже веков Оптовцева состояла в переписке с художественным критиком Стасовым, восхищавшимся её интеллектом и тонким восприятием искусства[2]. Из писем Стасова видно, что Ольга Ивановна принимала активное участие в музыкальной жизни Казани, вела кружок, заботилась о продвижении местных певческих талантов. Дочь Оптовцевых Ольга в 1896 г. окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге[3], с 1899 г. служила в Ксенинской женской гимназии в Казани[4], вышла замуж за Аркадия Лаврского, племянника старого друга семьи К.В. Лаврского. Ещё в гимназии Ольга сдружилась с Серафимой Орловой, будущей казанской учительницей, племянница которой Любовь Николаевна Березнеговская[5] в 1944 г. обеспечит сохранность семейной портретной галереи Плешановых и передаст её в томский музей по завещанию А.В. Лаврского.

Работа по изучению семейного собрания Плешановых объединила историков и искусствоведов Томска, Ростова Великого, Петербурга, Казани, Уфы и приобрела межрегиональный характер. Мы надеемся, что выявленные портреты помогут идентифицировать чету Листовских на безымянных фотографиях из уфимских и казанских собраний, поспособствуют выявлению новых иконографических материалов, которые подтвердят либо опровергнут нашу атрибуцию.

В перспективе желательно осуществить выставку этой уникальной портретной галереи в Казани и Уфе.

---

[1] См.: Сюжеты Александринской сцены: Рассказы об актерах / Отв. ред. А.А. Чепуров. СПб., 2006.

[2] *Стасов В.В.* Письма к деятелям русской культуры. Т. 2. М., 1967. С. 28–43.

[3] Список окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. СПб., 1911. № 1299.

[4] Вся Казань. 1899 год. Казань, 1899. С. 92.

[5] *Березнеговская Л.Н.* Из моих воспоминаний. Томск, 2001. С. 181.

М.И. Роднов

Начало уфимской живописи

В местной литературе принято относить время зарождения изобразительного искусства в Уфе к началу XX в.[1] Но так ли это? Триумфально прошедшая в региональных музеях России выставка «Купеческий портрет XVIII – начала XX века» из собраний Государственного Исторического музея показала удивительное наследие русской провинции. Нельзя не вспомнить подвижнический труд реставратора и историка искусства С.В. Ямщикова (1938–2009), открывшего забытых художников и иконописцев (выставки «Ярославские портреты XVIII–XIX веков» и др.).

Конечно, степень сохранности провинциальной живописи различная[2]. В нашей Уфимской губернии обрушившаяся осенью 1917 г. волна погромов помещичьих усадеб, а затем три года Гражданской войны не позволили (как в центре страны) сберечь культурное наследие. В уфимских музеях хранится незначительное число полотен местных авторов досоветской эпохи. Однако, анализ источников позволяет утверждать о бывшем когда-то наличии многочисленных светских художественных произведений в нашем крае (иконопись не рассматривается).

Возьмём за основу степень сохранности источников и выделим *три* периода. **Первый**: XVIII в. – начало 1840-х гг. Ко второй половине XVIII в. в Оренбургской губернии и в первую очередь вокруг Уфы сформировался устойчивый мир дворянской усадьбы. Только на 1861 г. вокруг Уфы имелось 33 усадьбы, где хозяева постоянно проживали, а если считать наличие значительного штата прислуги (дворовых), то ещё в 57 поместьях были крупные жилые комплексы, использовавшиеся в летние месяцы (от Уфы недалеко)[3]. Абсолютное большинство этих усадеб историю ведёт с XVIII в. Более того, чиновничья верхушка Уфы возводила в городе и его окрестностях внушительные дворцы[4].

---

[1] См., напр.: *Игнатенко Светлана.* Корифеи башкирского изобразительного искусства // Бельские просторы. 2015. № 2. В обобщающих трудах по истории Башкортостана XVIII – первой половины XIX вв. изобразительное искусство вообще не упоминается (см., напр.: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996).

[2] Автор благодарит за помощь в сборе материалов Т.Е. Замятину, Я.С. Свице, П.В. Егорова, И.П. Тюрину, Р.Н. Рахимова, Б.А. Азнабаева.

[3] *Роднов М.И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 118–119.

[4] См.: *Гвоздикова И.М.* Резиденции элиты власти в Оренбургской губернии

Таким образом, с учётом городского жилья, вокруг Уфы, Бирска, Белебея и Стерлитамака (исключим обильный дворянскими имениями западный Мензелинский уезд) к началу XIX в. существовало несколько сотен дворянских (чиновничьих, офицерских) жилых комплексов, не считая купцов и мещан, среди которых также не редки были весьма богатые семейства. Конечно, немалую долю составляли мелкопоместные дворяне, но в среднем в каждом жилом доме несколько комнат вполне могли украшаться живописными произведениями (гостиные, спальни, кабинеты). Так, в 1844 г. центром поместья средних по уровню благосостояния дворян Уваровых в сельце Уваровке Стерлитамакского уезда являлся господский дом, где было «жилых комнат семь, при них калидор, буфет, кладовая»[1].

Если предположить, что хотя бы в двух – трёх комнатах висели живописные произведения, их количество вполне могло составлять сотни, если не тысячи работ. Конечно, частью это были различного рода «репродукции» (в бедных семьях вплоть до лубка), какое-то число привозилось из Москвы и других крупных городов, но, вероятно, немалая часть картин создавалась здесь. В первую очередь это относится к портретной живописи, составлявшей важную часть историко-генеалогической памяти дворянства, всегда заботившегося о своей родословной.

Усиленная европеизация российского общества в эпоху Петра I способствовала распространению живописных произведений, «картины в рамах и без рам» уже присутствовали в дворянских усадьбах начала XVIII в.[2] Обязанное служить уфимское дворянство знакомилось со светской живописью, привозило в свои поместья работы. Академик П.П. Пекарский († 1872 г.) отмечал, что «не далее как десять лет тому, у Пекарских сгорел старинный большой портрет Николая Семёновича, вместе с портретами Петра Великого и Карла XII, очевидно рисованными тем же живописцем, как и первый. Николай Семёнович изображён был там в коричневом кафтане и таком же камзоле; он подбоченился на правую руку, а левая на кортике, какие носили в петровские времена. Чёрные, зачёсанные назад волосы, карие глаза его с суровым взглядом и подстриженные усы, приподняты кверху – всё это делало портрет Николая Семёновича похо-

---

в конце XVIII – середине XIX вв. // Там же. С. 58–68.

[1] *Леонова Т.А.* «Дабы средствами того воспользоваться… вопреки прямой справедливости» // Там же. С. 90.

[2] *Шмелев А.А.* Русская усадьба 1710–1760-е годы. Архитектура. Интерьер // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 12 (28) / ред.-сост. М.В. Нащокина. М., 2006. С. 569.

жим на известные изображения грозного царя»[1]. Служивший при Петре Великом уфимский дворянин Н.С. Пекарский, очевидно, в эту же эпоху (в сноске автор упоминает голландскую гравюру 1744 г.) и заказал свой портрет какому-то (петербургскому?) художнику.

Но проникновение европейской, светской живописи шло, видимо, медленно. У сына – Николая Николаевича Пекарского в уфимском имении «лучшим единственным украшением комнат в его доме были иконы в более или менее богатых окладах»[2].

Определённую роль в распространении светской, европейской живописи в крае сыграли ссыльные. Так, прибывшие в Уфу к началу 1773 г. польские конфедераты устраивались учителями, «другие стали живописцами, рещиками, токарями»[3]. Во время академических экспедиций на Южном Урале участники делали зарисовки. В 1734 г., собирая свою команду, И.К. Кирилов взял в Москве и «живописца»[4].

Затем, логично предположить, что часть иконописцев[5] (а сотням православных храмов требовались тысячи икон) освоила светскую живопись. К примеру, Р.Г. Игнатьев в 1866 г. упоминает помянник уфимского Смоленского собора, ныне принадлежащий «Оренбургскому жителю, мещанину Ивану Казанцеву, дед которого был родом уфимец, по профессии же художник, писавший иконы и политипажи для помянников и самые помянники»[6]. Здесь упоминаются политипажи (клише для многократного использования при изготовлении гравюр в виде орнамента, заставок, виньеток). С другой стороны, среди дворянства и чиновников, наиболее образованных слоёв общества, встречались любители живописи, чьи пейзажи, портреты, натюрморты

---

[1] *Пекарский П.П.* Известие об Уфимских дворянах Пекарских // *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел V. С. 305.

[2] Там же. С. 309.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 113.

[4] Там же. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013. С. 59.

[5] Дошли единичные имена уфимских иконописцев. Так, М. Сомов, ссылаясь на В.А. Ребелинского, утверждал, что в 1759 г. после пожара, истребившего большинство икон, в Смоленском соборе «во всех трёх приделах устроены были новые иконостасы и крыши. Все иконы в холодном соборе писаны были художником Захарьевым … от трудов которого существует ещё и до сего времени местная икона Спасителя, по правую сторону царских дверей» (Оренбургские губернские ведомости. 1864. 4 апреля).

[6] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011. С. 178.

расходились по знакомым.

При всей скудости источников, есть великолепный материал – произведения Сергея Тимофеевича Аксакова. Хотя автор делал акцент на внутренний мир своих героев и описание так любимой им природы вдалеке от стен дворянских поместий, внимательное чтение открывает интересные зарисовки художественных пристрастий местного дворянства конца XVIII в.[1]

С.Т. Аксаков подтверждает наличие среди уфимского дворянства прослойки живописцев-любителей: «дядя Сергей Николаич очень любил рисовать и хорошо рисовал; с ним был ящичек с соковыми красками и кисточками». «После чтения лучшим моим удовольствием было смотреть, как рисует дядя Сергей Николаич. Он … рисовал не только для меня маленькие картинки, но и для себя довольно большие картины. Я не мог, бывало, дождаться того времени, когда дядя сядет за стол у себя в комнате, на котором стоял уже стакан с водой и чистая фаянсовая тарелка, заранее мною приготовленная. … Наконец он садился за стол, натирал на тарелку краски, обмакивал кисточку в стакан – и глаза мои уже не отрывались от его руки, и каждое появление нового листка на дереве, носа у птицы, ноги у собаки или какой-нибудь черты в человеческом лице приветствовал я радостными восклицаниями». Дядя пытался юного Серёжу научить рисованию, приготовляя «оригиналы». «Дядя, как скоро садился сам за свою картину, усаживал и меня рисовать на другом столе»[2].

Из этих фрагментов очевидно, что у хозяина были кабинет для рисования, краски (акварельные из растений), кисточки, материал (бумага, холст). Художник-любитель писал не только маленькие картинки, но и «для себя довольно большие картины», сюжетами которых являлись, по всей видимости, пейзажи, бытовые сценки с животными, портреты. Отметим процесс ученичества, на что дядя обратил особое внимание.

Когда дядя-живописец, который «чудесно рисовал», вышел в отставку и поселился в Уфе, он подарил племяннику «бесподобную картину на стекле: она представляла болото, молодого охотника с ружьём и легавую собаку, белую с кофейными пятнами и коротко отрубленным хвостом, которая нашла какую-то дичь, вытянулась над ней и подняла одну ногу»[3].

Между прочим, этот художник-любитель – Сергей Николаевич Зубов (1776 г. р.) был владельцем небольшой подгородной

---

[1] См. также: *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. Глава III. § 1.

[2] *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука. Уфа, 1977. С. 80–81, 83–84.

[3] Там же. С. 159.

деревушки Зубовки[1]. Любовь к прекрасному и занятия живописью были свойственны и не очень богатому дворянству.

С.Т. Аксаков сообщает также о другом поклоннике мольберта, Петре Ивановиче Чичагове, высланном в Уфу. Тот брал Серёжу «к себе в кабинет». П.И. Чичагов «был и живописец и архитектор: сам построил церковь для своей тёщи Марьи Михайловны в саду близехонько от дома, и сам писал все образа. Тут я узнал в первый раз, что такое... палитра и масляные краски и как ими рисуют»[2]. Обратим внимание на совмещение светской и церковной живописи как на обычное явление[3].

Известно также, что летом 1814 г. супруга Оренбургского (в Уфе) гражданского губернатора М.А. Наврозова написала портрет пленного французского хирурга Брюггемана, находившегося здесь и вылечившего сына губернатора, за что портрет был ему и подарен. Картина сохранилась у потомков хирурга, а сама история была подробно описана в мемуарах французского лейтенанта Белэ, также высланного в Уфу. Кроме статьи Николь Шуерманс на обложке журнала «Традисьон» помещён этот уфимский портрет. Военный хирург изображён в мундире с орденом, качество живописи весьма высокое[4].

Кроме того, во время поездок юный С. Аксаков запомнил образцы живописи у богатых родственников в Симбирской губернии[5], а печально прославленный жестокостью помещик М.М. Куроедов любил «как украшение дома, хорошие, по его мнению, картины», которые просто отбирал. «Пируя с гостями, он любил хвастаться, что вот эту красотку в золотых рамах отнял он у такого-то господина»[6]. Судя по намёку писателя («по его мнению») буйный помещик предпочитал любовно-эротическую живопись в античных традициях, которая, по всей видимости, уже быто-

---

[1] *Гудков Г.Ф. Гудкова З.И.* С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. С. 66–67, 71–72.

[2] *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука. С. 174.

[3] В 1824 г. вышитый собственноручно уфимской чиновницей Н.П. Ребелинской «шёлком и сырцом на атласе образ Божией Матери» был поднесён императору Александру I, посетившему Уфу (Выписки из записок уфимского старожила генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского (публикация Я.С. Свице) // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 95).

[4] См.: Tradition (Paris). 2013. Janvier / Fevrier. № 265.

[5] *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука. С. 183–186, 200, 252, 258. О сохранившемся женском портрете из дворянского окружения Аксаковых также см.: *Титова Ольга.* Найти Веру для Аполлона. Краеведческое расследование // Бельские просторы. 2015. № 3.

[6] *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. Уфа, 1983. С. 63–64.

вала в крае к концу XVIII в.[1]

К началу XIX в. живопись, наверняка, была уже неотъемлемой составной частью домашнего интерьера дворян и чиновников Уфы. Можно предположить, что в первую очередь развивалась портретная живопись. Современники стремились запечатлеть образы свои и близких. Так, бугурусланский помещик Пётр Яковлевич Тоузаков (умер в 1824 г.) пожертвовал находившейся в Уфе духовной семинарии 10 000 руб. В начале XX в. журналист У-ский видел, что «в библиотеке, на колонне, висит большой портрет Петра Яковлевича, писанный масляными красками на полотне; Пётр Яковлевич изображён молодым, в дворянском мундире, с орденом на шее, длинные волосы на голове гладко зачёсаны назад, усы и борода – бриты, взгляд – добрый, симпатичный»[2]. Портрет могли написать лишь при жизни благодетеля (без фотографии вспомнить его облик было невозможно). И, наверняка, автором портрета был местный живописец.

Наконец, уже в XVIII в. в Оренбургском крае присутствовала официальная портретная живопись. В.Н. Татищев приводил к присяге в 1738 г. казахов пред портретом императрицы Анны Иоанновны: «вступив в шатёр хан остановился пред портретом государыни». Хан удостоился лицезреть «позлащённую персону (портрет в позолоченной раме)»[3]. В наместническом доме в Уфе с начала 1780-х гг. (затем там стоял архиерейский дом) и до 1797 г. в особом тронном зале находился «Высочайший Ея Императорского Величества блаженныя и вечно достойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны портрет на полотне». К нему прилагались «рамы вызолоченыя, с вензелем и гербом в четырех штуках, из коих на одной скипетр и держава»[4]. Затем портрет отправили в Санкт-Петербург.

В этот период начинают формироваться портретные галереи высших должностных лиц региона. В работе Н. Чернавского помещены портреты всех первых епископов Оренбургских и Уфимских (Амвросия, Августина. Феофила, Амвросия II, Аркадия, Михаила, Иоанникия, Иосифа)[5]. Все изображения явно

---

[1] Известно о значительном поступлении в Уфимский край в XVIII в. античной (переводной и на иностранных языках) литературы для дворянских библиотек. Логично допустить, что одновременно ввозились произведения искусства (скульптура и живопись) (см.: Наследники «Греческого проекта» / сост. и отв. ред. Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа, 2014).

[2] Уфимский край. 1907. 17 января.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. VII. С. 104, 110.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1906. 18 февраля.

[5] *Чернавский Николай.* Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Выпуск второй, с приложением 15 портретов // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. X. Оренбург, 1901–1902. После страниц 90,

созданы иконописцами, но откуда автор взял эти портреты, в тексте не указано. Возможно, из каких-то других книг[1]. Лишь по поводу второго уфимского епископа Августина приведена точная информация: «Городское общество г. Уфы, в лице своих представителей, в 1818 году изготовило портрет Преосвящ. Августина с надписью: "*Из признательности и любви иждивением дворянства и купечества Оренбургской губернии в 1818 год*". Гравюры этого портрета были весьма распространены среди нашего духовенства и приводимый у нас снимок сделан с клише с одной из таких гравюр, любезно доставленной нам градооренбургским протоиереем и членом Консистории о. Андр. Андр. Невзоровым, которому гравюра досталась по наследству. На нашем портрете только не помещено вышеуказанной надписи, которую пришлось оставить по недостатку места»[2].

Таким образом, точно известно, что в 1818 г. в Уфе какой-то иконописец (скорее всего) создал светский живописный портрет владыки Августина, который затем тиражировали. Среди остальных портретов епископов Оренбургских и Уфимских он отличается более бледным изображением и овальной формой картины (остальные квадратные). Происхождение других портретов пока не ясно, о чём свидетельствует портрет епископа Михаила.

Прибывший в Уфу епископ Михаил (Добров) дарит московскому знакомому свой портрет в миниатюре, который, скорее всего, был уменьшенной копией с его большого портрета, единственного по всей Уфе. Краевед Р.Г. Игнатьев в конце XIX в. лично его видел: «В Уфимской духовной консистории находится писанный масляными красками портрет преосвященного Михаила, написанный вскоре после прибытия его в Уфу в 1831 г. … Преосвященный был среднего роста, несколько полноватый, белолиц, волосы имел русые, глаза большие голубые и с необычайно добрым выражением; на портрете лицо его кажется всем и каждому приветливо улыбающимся»[3]. Р.Г. Игнатьев сделал фотографию с портрета, с которой, видимо, была выполнена гравюра для типографии в чёрно-белом варианте[4], и поместил портрет в свою книжку о епископе Михаиле. Из рассказа можно

126, 216[2], 228, 262, 354 (Михаил), 388, 560.

[1] Н. Чернавский использовал работу: Списки архиереев иерархии всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). СПб., 1896. Но там портретов нет.

[2] *Чернавский Николай*. Указ. соч. С. 127 (сноска).

[3] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. VIII: 1882–1883 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013. С. 120. Портрет на стр. 75.

[4] В нижнем правом углу портрета указано: О. Ренар (гравёр?).

составить представление о цветовом решении, а сама живопись явно выполнена иконописцем, в светской работе сохранившем каноны церковного письма с провинциальным «оттенком».

Только по епископу Михаилу имеется два портрета – в работах Игнатьева и Чернавского. Их сопоставление однозначно свидетельствует, что это одно и то же лицо. Но у Игнатьева помещён портрет значительно более молодого человека. В книге Н. Чернавского Михаил (Добров) гораздо старше, отличается и облачение. Или позднее в Уфе был создан ещё один портрет епископа Михаила (когда он находился в отставке), или Чернавский взял этот портрет из какого-то другого источника, а не из коллекции портретов в духовной консистории в Уфе.

К началу XIX в. живописные произведения становятся частью интерьера домов уфимского купечества. Как и у дворян, первым возникает уфимский купеческий портрет. Прославленный художник Михаил Васильевич Нестеров рассказывал про своего деда Ивана Андреевича, уфимского городского голову (1834–1841 гг.): «По сохранившемуся портрету дед был с виду похож на администратора того времени. Изображён в мундире с шитым воротником, с двумя золотыми медалями»[1]. Наверняка, это был парадный портрет городского головы, автором которого, без сомнения, являлся уфимский художник.

Более того, есть свидетельство бытования в Уфе «монументальной» живописи. На месте современного Дома правительства стоял архиерейский дом (закончен в 1840 г.), а где-то рядом находился более старый двухэтажный каменный корпус (заложен в 1809 г.), который к 1872 г., по свидетельству Р.Г. Игнатьева, занимал архив гражданской и казённой палат. И вот там, замечал краевед, «ещё сохранились признаки его былого, между прочим достойно замечание росписание плафона, изображающее наваринское сражение: это изображение конечно возникло в конце 820 годов, когда везде, в Европе гремели об истреблении турецкого флота и возстановлении Греции». Игнатьев сам заинтересовался столь необычным художественным произведением: «мы бы желали знать имя художника, расписывавшего старый архиерейский дом»[2]. Знаменитое морское сражение произошло в 1827 г. Можно согласиться с версией Игнатьева о конце 1820-х гг., потому что в начале 1830-х гг. грянет польский бунт, который вытеснил из исторической памяти современников победы русско-турецкой войны. В Уфе, значит, имелся даже местный жи-

---

[1] *Нестеров М.В.* Давние дни. (Воспоминания, очерки, письма). Уфа, 1986. С. 26.

[2] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 265–267.

вописец-маринист.

С начала 1840-х гг. можно выделять **второй** период в изучении истории уфимской живописи. Появляется местная газета, начинают издаваться справочные издания, где в небольшой степени фиксируется присутствие изобразительного искусства. Ситуация изменится в самом конце XIX в. (примерно, в 1880-е гг.), когда в быт уфимцев ворвётся массовая и дешёвая фотография, заполонившая «видеоряд» домашнего интерьера.

По мере развития общества также постепенно изменялась сфера использования произведений изобразительного искусства, формируется, так сказать, художественный рынок. Всё более многочисленные трактиры, рестораны, кафе, гостиницы украшались недорогими репродукциями или шедеврами местных «богомазов». Театры и учебные заведения, общественные учреждения оформлялись живописными полотнами. Складывается постоянная торговля материалами для рисования и живописи (краски, багет, пр.), через расширявшуюся книжную торговлю в Уфу непрерывно поступали различные художественные альбомы и иллюстрированные журналы. К примеру, в 1853 г. «в Библиотеку для чтения Сосфенова в Уфе получены с последнею почтою следующие книги: История войны России с Франциею в царствование императора Павла 1-го, соч. Михайловского Данилевского и Полковника Милютина, 5 больших томов с портретами и картами»[1]. В июле 1843 г. наш город посетил знаменитый исполнитель романсов А.Е. Варламов и вся Уфа раскупала его литографированные портреты[2].

Все казённые учреждения украшали портреты царствующего Государя, художники-оформители трудились при подготовке торжественных празднеств. В Уфе по случаю коронации Александра II дом начальника губернии «блестел тысячью огней, окружавших прекрасный транспарант с вензелями Государя Императора и Государыни Императрицы»[3].

В различных официальных структурах продолжается традиция создания портретных галерей начальников. Сохранилось описание архиерейского дома, где проживали епископы Уфимские и Мензелинские: по указанию владыки Никанора «потолки в архиерейск. доме были расписаны колерами, а стены изящными дорогими обоями, под цвет коих были подобраны гардины и драпировка, на стенах портреты российских Государей и Государыней, начиная с Петра I до Александра III, и портреты не-

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1853. 31 октября.

[2] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. IX: 1883–1886 годы; работы разных лет. Уфа [Электронный ресурс], 2013. С. 277.

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1856. 22 сентября.

которых митрополитов и уфимских епископов»[1]. По всей видимости, остатком этой художественной галереи является портрет епископа Дионисия (1883–1896) из фондов Национального музея РБ[2]. Однако, чудесным образом, сквозь все тернии советской эпохи, часть портретной галереи уфимских владык сохранилась в современном епархиальном управлении (находятся в запасниках). Имеются портреты епископов второй половины XIX в. – Антония I (1853–1858) и Антония II (1858–1859), Петра (1869–1876) и Никанора[3] (1876–1883), которые ждут внимания искусствоведов. Стиль письма выдаёт работу уфимских иконописцев, эволюционировавших к светской живописи.

В книге Н. Чернавского также приводится портрет епископа Антония (Шокотова, 1853–1858)[4]. Сравнение показывает, что это разные изображения одного лица. У Чернавского, по-моему, он более молодого возраста, с наперсным крестом на цепи, на картине из епархиального управления – уже преклонных лет и с Евангелием в руках. Кроме того, портретная галерея владык Оренбургских и Уфимских в работе Н. Чернавского как раз заканчивается на Антонии I. Про следующих трёх епископов тоже говорится, но изображений не приводится[5]. В Уфе хранятся подлинные портреты владык конца XIX в., а книга Чернавского вышла в 1901 г. Напрашивается вывод, что Н. Чернавский не видел (не копировал) находившиеся в Уфе портреты (хотя после Антония II Уфимская и Оренбургская кафедры разделились). Вероятно, существовали такие же коллекции портретов уфим-

---

[1] *Зефиров Е.* Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884). СПб., 1894. С. 81.

[2] В местном епархиальном управлении тоже имелся портрет епископа Дионисия, который в 1990-е гг. был подарен Якутской епархии. Это позволяет предположить, что изначально (по крайней мере с середины XIX в.) уфимские художники изготавливали по два портрета, один из которых находился в консистории, второй, возможно, в покоях владыки. Наличие портрета епископа Антония II (Радонежского), который совсем недолго возглавлял уфимскую кафедру, даёт основание выдвинуть версию, что портреты создавались сразу же по прибытии нового владыки в Уфу. Возможно, к началу XX в. живописные работы были заменены фотографиями.

[3] Портрет Никанора несколько отличается стилем (?) изображения.

[4] *Чернавский Николай.* Указ. соч. После с. 662.

[5] Удивляет отсутствие в книге Н. Чернавского портрета Антония II, возглавившего новую епархию Оренбургскую и Уральскую и переведённого как раз в Оренбург, где проживал сам Чернавский. Автор изучал уфимский архив, многократно, без сомнения, посещал консисторию, но портрета Антония II, который сохранился до сих пор, не привёл. Возможно, портретная галерея уфимских епископов находилась в апартаментах владыки. Это ещё раз наводит на мысль, что Н. Чернавский взял большинство портретов из какой-то литературы.

ских губернаторов[1] и др.

В общественных организациях даже стремились в живописи увековечить память исторических деятелей. В марте 1876 г. по докладу Н.А. Гурвича Уфимский статистический комитет решил заказать портрет И.И. Михельсона, разбившего под Уфой пугачёвцев в 1774 г., и «поставить его портрет на вечные времена в читальне Комитета, что и исполнено: портрет Михельсона поставлен»[2]. По всей видимости, местный живописец изобразил героя по имевшимся репродукциям, современник продолжал: «жаль, что мы не имеем такого же портрета Голицына и других защитников уфы», то есть они не публиковались в литературе.

Именно во втором периоде происходят изменения в сообществе уфимских живописцев. К любителям и «богомазам» присоединяются почти профессиональные преподаватели, которых сразу стало остро не хватать (при том, что трудились архитекторы, землемеры и чертёжники). В 1836 г., если в Оренбурге в Неплюевском военном училище учителем рисования состоял капитан С.А. Курбатов, то в гражданских заведениях была просто беда. В Уфе в мужской гимназии и училище должности учителей рисования оставались вакантными, как и в уездных училищах Мензелинска, Бузулука, Оренбурга, Челябы. Лишь в Бугуруслане детишек учил И.В. Черкасов[3]. Из-за нехватки кадров, вероятно, в уездных училищах должность отменили и в 1851 г. только в Уфе в гимназии учителем рисования и черчения служил Константин Иванович Благовещенский[4]. К его произведениям относился замечательный по живописи иконостас и иконы в домовой церкви Св. Мученицы Софии и трёх дщерей её Веры, Надежды и Любови, освящённой в 1865 г. в гимназии. В основном это «труд бывшего преподавателя рисования, черчения и чистописания Г. Благовещенского»[5].

У поступившего в 1872 г. в уфимскую гимназию будущего художника М.В. Нестерова, естественно, остался в памяти только «Василий Петрович Травкин, учитель рисования и чистопи-

---

[1] Кроме девяти портретов епископов, помещены портреты шести военных губернаторов (См.: *Чернавский Николай*. Указ. соч.).

[2] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. VI: 1875–1879, 1862, 1864 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2012. С. 46–47, 61, 128.

[3] Адресс-календарь Оренбургского Отдельного Корпуса, Оренбургской Губернии и Управления Оренбургского края по части Пограничной, с присовокуплением Кратких Статистических сведений. 1836 года. Оренбург, б. г. С. 153, 158–159.

[4] Адрес-календарь Оренбургской губернии, с справочными приложениями. 1851 года. Уфа, б. г. С. 95.

[5] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 135.

сания. Он имел артистическую наружность: большие, зачёсанные назад волосы, бритый, с порывистыми движениями. Часто, несколько возбуждённый винными парами, он выделялся чем-то для меня тогда непонятным. Думается теперь, что это был неудачник, но способный, увлекающийся, что называется "богема". Форменный вицмундир к нему не шёл.

Мы оба как-то почувствовали влечение друг к другу. Василий Петрович не только охотно поправлял мои рисунки в классе, но помню, пригласил к себе на дом. Жил он на краю города, в небольшом старом домике, очень бедно, совсем по-холостяцки. И вот он выбрал какой-то бывший у него акварельный "оригинал" замка, и мы начали вместе большой на бристольской бумаге рисунок мокрой тушью. Рисунок общими усилиями был кончен и поднесён мною отцу в день его ангела. ... По слухам, позднее В.П. Травкин спился и умер ещё молодым, сравнительно, человеком»[1]. На 1878 г. учителем «рисования, чертения и чистописания» состоял Алексей Никифорович Рыжов[2].

Сохранились также имена уфимских иконописцев XIX в., которые вполне могли выполнять светские заказы. В 1836 г. освящали дворянскую Александро-Невскую церковь. «В иконостасе не много икон и они все писаны новою подражательно Итальянскою школою, здешними художниками, братьями Иваном и Андреем Ивановыми Красовскими»[3]. В 1840-е гг. упоминается художник Серебреников, расписывавший домовой храм духовной семинарии[4], крестовую церковь в архиерейском доме[5] и Успенскую церковь: «иконы писаны известным нашим живописцем Серебрениковым; в сводах алтаря росписано масляными красками тем же живописцем Серебрениковым»[6]. В 1871 г. Игнатьев недобрым словом вспоминал уфимского иконописца мещанина Никитского, неумело обновившего живопись на кресте из Успенского мужского монастыря, «разумеется в новейшем вкусе церковно-Итальянской живописи»[7]. На середину XIX в. приходится расцвет творчества М.И. Тимашевского, одного из первых уфимских профессиональных живописцев (см. статью А.Л. Чечухи в этом сборнике).

---

[1] *Нестеров М.В.* Указ. соч. С. 41–42.

[2] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / сост. В.А. Новиков и Н.А. Гурвич. Уфа, [1877]. Адрес-календарь. С. 15.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. I. С. 38.

[4] Оренбургские губернские ведомости. 1845. 1 декабря.

[5] Там же. 1847. 1 ноября.

[6] Там же. 1849. 24 декабря.

[7] *Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 283.

Художественные произведения украшали быт уфимского купечества. Вспоминая о детстве (рубеж 1860–1870-х гг.) М.В. Нестеров рассказывал о своей тётке А.И. Ячменевой, которая рисовала, другая тётка «была замужем за Киприяном Андреевичем Кабановым… У него брат был Иван Андреевич, академик», учившийся в Академии художеств[1]. «Его итальянские виды, – вспоминал Михаил Васильевич, – висели на почётном месте у тётушки». Нестеров не забыл работ Кабанова: «Помню, была его картина: мальчик-пастух итальянец лежит с дудкой в руках, облокотясь на камень. Шляпа на нём высокая. Я хорошо эту картину запомнил. Мне нравилось»[2].

Отрывочные сведения позволяют предположить, что именно в середине XIX в. в первую очередь помещичье-усадебный мир был насыщен многочисленными живописными полотнами. В 1850 г. в статье «Поездка в Миловку» приводятся любопытные свидетельства внутреннего убранства подгородного имения. Помимо икон, в квартире управляющего Годовикова «в одном из простенков висел хорошей столичной работы портрет старшего сына Годовикова, – любимца Ивана Фёдоровича Базилевского, за его добросовестность». Оказавшись в трёхэтажном каменном особняке Варвары Петровны Базилевской, путники осмотрели кабинет миллионщика, в котором увидели «фамильные портреты поразительного сходства; только не нашли мы портрета самой владетельницы имения и маститого старца Фёдора Ивановича Базилевского»[3].

В Миловке, где располагалось центральное правление многочисленных поместий золотопромышленника, крупнейшего землевладельца и одного из самых богатых людей России Ивана Фёдоровича Базилевского (см. некролог в конце сборника), находилась целая художественная галерея, включавшая специально написанные портреты родственников и служащих.

Когда в 1860 г. на торги было выставлено имущество помещика и инженера П.И. Сергеева, среди вещей оказалась не-

---

[1] Имеется в виду Иван Андреевич Кабанов (1819 или 1823 – 1869), исторический живописец, портретист, пейзажист.

[2] *Дурылин С.Н.* Нестеров в жизни и творчестве. М., 1976. С. 37.

[3] И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 30–31. Образ основателя династии, протоиерея Ф.И. Базилевского, однако, был запечатлён. В стерлитамакской кладбищенской церкви находилась икона Св. муч. Феодора Стратилата, которая «изображает собою верный портрет покойного протоиерея Ф.И. Базилевского в лета его зрелости. Помянутые св. иконы писаны … в Спб.» («Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 125). Без сомнения, эту икону заказал в Петербурге сын священника И.Ф. Базилевский.

большая коллекция живописи, показывающая «типичную» обстановку (хозяин постоянно в имении не проживал):

1) «изображение шествия Иисуса Христа, шитая шерстями, по канве, в чёрной раме, за стеклом, обделана бардюром» (цена 2 руб., видимо, начальная стоимость для аукциона);

2) «портрет Генерал Лейтенанта Базена, в раме за стеклом, обделан бордюром» (60 коп.);

3) «портрет Главного Управляющего Путями Сообщения и Публичными Зданиями Генерал-Адъютанта Чевкина, в раме, за стеклом, тёмной гравировки обделан бордюром» (30 коп.);

4) «неизвестного сюжета рисована маслеными красками, на холсте, длиною 1 арш. 6 верш., шириною 1 арш., натянута на простой рамке» (50 коп.);

5) «портрет неизвестного Генерала, писанный маслеными красками, на полотне в рамке, тёмной краски без стекла, длиною 11 верш., шириною 9 ½ верш.» (50 коп.);

6) «картины 12 экземпляров исторического содержания военных действий 1812 и последующих годов тёмной гравировки за стёклами в рамках, под жёлтой краской, с чёрными угольниками, все одной величины по 16 верш. длиною, и по 14 верш. шириною, каждая по 10 коп., а все в 1 руб. 20 коп.»[1]

Из данного списка очевидно, что хозяин самое ценное (фамильные портреты) либо успел вывезти, либо не держал в этой усадьбе. Скорее всего, последнее, так как список выставленного на продажу имущества дворянина П.И. Сергеева открывает отдельная опись святых икон, включая с дорогими окладами. А, во вторых, составители аукциона крайне редко имели дело с живописными работами. Под номером четыре значится масштабное полотно размером метр на 70 см с каким-то абсолютно непонятным служащим Уфимского уездного суда сюжетом (античные фавны?). И значительное место занимали репродукции.

Третий этап в истории уфимской живописи можно датировать с 1880-х гг., когда массовая и дешёвая фотография заполоняет пространство гостиных, кабинетов, спален жителей Уфы всех сословий. В начале 1890-х гг. фотомастерская О.Ф. Герман предлагала портреты различных размеров, копии с икон и картин, моментальную съёмку детей, раскраску снимков акварельными и масляными красками[2]. Одновременно, стремительными темпами нарастает процесс разорения уфимского дворянства, исчезает мир «вишнёвых садов», именно с 1870-х гг. беднеющее

---

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1860. 12 ноября.

[2] *Буравцов В.Н.* Начало фотографии в Уфе // Река времени. 2011. С. 110.

дворянство тоже увлекается доступным фотографированием[1].

Сохранившиеся снимки интерьера уфимцев показывают доминирование в видеоряде уже «современных» изоматериалов. Так, на фотографии домашнего кабинета землемера Г.А. Неймана (Уфа, начало XX в.) над рабочим столом по стене развешаны фотографии – два коллективных снимка (видимо, хозяин среди сослуживцев или студентов), фото деревянного двухэтажного дома, а также репродукции на исторический сюжет (в центре), снимки скульптур, видимо, артистов (по два), маленькое изображение Наполеона и сценка с охотничьими собаками, возможно, последние на фарфоре[2]. Рядом чернильный прибор, керосиновая лампа, инструменты. Никаких живописных произведений. Даже для среднего класса покупка или заказ работ профессионального художника дороги.

Формируется своеобразная изобразительная массовая культура, благодаря различным техническим достижениям живопись вытесняется помимо фотографии недорогими и качественными репродукциями. В конце 1888 г. на скромной уфимской улице был выставлен на торги дом служащего из местного татарского дворянства: «Продаётся дом чиновника Мамлеева с большим фруктовым садом. Тут же продаются картины: Дорогой гость, Гусляр, Король-Жених, Венки, Гаданье и Бабушкины сказки, и лошадь иноходец 4 лет бурой масти. Фроловская улица»[3].

Модная писательница Надежда Александровна Лохвицкая (Бучинская, 1872–1952), известная как Тэффи, вспоминала: «Это было давно, в те блаженные времена, когда стены украшались приложением "Нивы": "Король-жених" или "Дорогой гость".

"Король-жених", как картина содержания салонного, вешалась больше в гостиную. "Дорогой гость" был хорош и в столовой, потому что изображённая на нём чара вина возбуждала соответствующие обеду мысли.

Оба эти произведения искусства ни к чему не обязывали, на воображение не посягали и на настроение не метили. Они просто висели – и ладно»[4].

В воспоминаниях Б.А. Садовского о И.Е. Репине находим: «Лет пятьдесят слишком тому назад в уездных городах и усадь-

---

[1] См.: *Шорин Ю.Н.* Ивонино: мир русской усадьбы пореформенного времени. Усадебный фотоархив как исторический источник // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 12 (28). С. 463 и др.

[2] Снимок из личной коллекции, владелец Георгий Леонидович Дударь (предоставлен В.Н. Макаровой).

[3] Уфимский листок объявлений и извещений. 1888. 13 декабря.

[4] См.: *Тэффи Н.А.* Собрание сочинений. Т. 1: «И стало так...» М., 1997 (http://az.lib.ru/t/teffi/text_1912_19_rasskazy.shtml).

бах буквально не было дома, где не красовалась бы на видном месте олеография[1] с картины Якоби "Король-жених". Молодой шведский король Густав IV с поклоном подходит к великой княжне Александре Павловне, стоящей подле кресла Екатерины II. Бабушка с улыбкой передаёт руку внучки наречённому жениху.

Картина исполнена бойко и очень эффектно. Однако уездным знатокам нравилась вовсе не живопись, а ряд двусмысленных аллегорий, таившихся в декорациях и костюмах. Так, из пышного банта на поясе невесты и складок её платья выступает зловещая фигура страшного старика. В узорах ковра можно различить распростёртую женщину и подле неё ребёнка с короной на голове»[2].

Подобный масскульт, без сомнения, был широко представлен в гостиницах и ресторанах, театрах и трактирах. Так, в центре Уфы в кинотеатре «Эффект» в зрительном зале висели около экрана две картины неизвестного содержания[3]. Магазины предлагали широкий выбор всего необходимого. Торговавший в Гостином дворе Н.Н. Степанов извещал в 1899 г.: «краски для малярных, живописных и прочих работ»[4], в 1910 г. он же добавлял: «багет, карнизы, рамы, фанера… и проч. украшения»[5].

В Уфе складывается рынок антиквариата. «Старые книги и рукописи прошлого века покупают; просят сообщить названия, цены и адрес. – Писать: г. Уфа, Ханыковская ул., д. Волкова г-ну Тромпетт, для Ар-хъ»[6]. Отмечались случаи жульничества со старинными монетами[7]. Наверняка, скупали и картины.

В усадьбах и городских особняках сходившего с исторической сцены дворянства сохранялись коллекции живописи. Побывавший в Уфе в 1890-е гг. писатель М.А. Осоргин (Ильин) вспоминал, что уфимская бабушка показала ему портрет деда: «Большелобый, с фамильным нашим носом, он изображён сидящим в кресле, а во рту чубук огромнейшей трубки. На голове де-

---

[1] Самый распространённый в конце XIX в. способ репродукции живописи, цветного полиграфического воспроизведения картин, выполненных масляными красками. Для получения олеографии применялся многокрасочный способ литографского воспроизведения картин. Для большего сходства изображения с оригиналами типографские оттиски лакировали и подвергали рельефному тиснению, в результате которого получалась имитация поверхности холста и рельефных мазков масляной краски // Википедия.

[2] http://ilya-repin.ru/memory-repin60.php.

[3] ЦИА РБ. Ф. И-143. Оп. 2. Д. 11. Л. 2.

[4] Уфимский листок объявлений и извещений. 1899. 28 июня.

[5] Уфимский край. 1910. 27 июля.

[6] Уфимский листок объявлений и извещений. 1897. 14 июля.

[7] Уфимский вестник. 1914. 19 июля.

да шапочка вроде ермолки, а на лице довольство и покой». В автобиографической повести «Времена» упоминается «карандашный портрет деда по отцу, бритого в татарской ермолке, халате и с длинным чубуком»[1]. Или, «по случаю отъезда дёшево продаются мебель, ковры, картины и другие вещи. Большая успенская улица, дом поручика Озерецковского»[2].

В дворянских семьях продолжались традиции любительской живописи, что подтверждают произведения, сохранившиеся в частных собраниях. Так, в коллекции жителя Уфы С.Д. Садовникова находятся доставшиеся от его предков два любительских портрета Н.Э. Эверсманна (1823–1901) – его супруги Н.Г. Карелиной и сестры Е.Э. Эверсманн, выполненные примерно в 1890-е гг.[3]

С конца XIX в. богатое уфимское купечество, возводившее в городе внушительные жилые комплексы, становилось основным покупателем живописных произведений. К примеру, залы особняка крупнейшего лесопромышленника Ф.Е. Чижёва, где в 1896 г. было отпраздновано новоселье «во вновь отстроенном доме»[4], ныне один из корпусов Национальной библиотеки (ул. Окт. революции, 10), явно предполагают развеску картин.

Среди купечества и преуспевавшей интеллигенции складывается круг коллекционеров. Когда осенью 1916 г. в Уфе состоялась художественная выставка, в ней приняли участие местные коллекционеры И.Н. Шамов, Д.И. Татаринов, В.Т. Комаров[5]. В архиве Национального музея РБ сохранились свидетельства усилий тогдашних музейщиков (А.А. Черданцев и др.), вывозивших из брошенных купеческих особняков произведения искусства. В феврале 1919 г. в музей поступила «галлерея» Шамова – 319 картин, гравюр, фотографий (упоминались Рубенс и Ван Дейк), а также коллекция мраморов в шести ящиках.

В рядах уфимских купцов-коллекционеров состоял С.И. Молло, который уже в Петрограде перед эмиграцией хотел продать свою живопись Русскому музею. Известно, что ему принадлежали ряд полотен Б.Д. Григорьева (1886–1939) («Старуха-молочница», «Деревенское утро», 31 рисунок, а также его собственный портрет), «Героическая серия» Н.К. Рериха. Вполне вероятно, что собрание живописи формировалось / присутствовало

---

[1] *Свице Я.С.* Новые материалы по уфимской родословной писателя Михаила Осоргина // Река времени. 2012. С. 146.

[2] Уфимский листок объявлений и извещений. 1887. 27 июля.

[3] См.: *Садовников С.Д.* Дворянство Оренбургского края в родословной Садовниковых. Краеведческие очерки. Уфа, 2015. С. 77.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1896. 20 января.

[5] Уфимская жизнь. 1916. 26 октября.

уже в Уфе, в доме его жены Е.А. Поносовой-Молло, чей изящный особняк на ул. Александровской тоже предполагает развеску картин. Кстати, оба её сына учились в Тенишевском художественном училище Петербурга, а Е.В. Поносов стал в эмиграции художником и коллекционером[1].

В общественных организациях Уфы продолжалась традиция заказывать портреты известных деятелей, которые, без сомнения, писались уфимскими художниками. Например, собрание губернского музея 2 февраля 1897 г., почтив память умершего в 1896 г. К.А. Буха, решило заказать его портрет, после чего выступил Н.Ф. Шиленков, напомнивший о заслугах В.С. Лосиевского и Р.Г. Игнатьева. Общее собрание согласилось и их портреты поместить в музее[2] (неизвестно, были ли они сделаны). А когда Н.А. Гурвич подал из-за возраста в отставку с должности казначея Попечительства о бедных, в благодарность решили «вывесить его портрет в здании мужского приюта»[3].

Сообщество уфимских живописцев по-прежнему включало три основных компонента: иконописцев, любителей и педагогов. Появляется первая статистика. По данным городской переписи в 1879 г. в Уфе трудились 2 иконостасных мастера, 2 фотографа, гравёр, иконописец. По другим сведениям, всего в Уфе к началу 1880-х гг. насчитывалось живописцев и иконописцев 17 мастеров, 2 рабочих у них и 8 учеников[4].

Живопись остаётся увлечением многих жителей[5]. В 1895 г. о скончавшемся уфимце А.А. Пекере сообщалось, что покойный «был одарён недюжинными талантами в области исскуств – живописи, скульптуры и музыки, которыми он усердно занимался, особенно по выходе в отставку» (некролог в конце сборника).

В уфимских учебных заведениях складываются стабильные кадры. На 1883 г. в мужской гимназии служил учитель чистописания, учёный рисовальщик Алексей Андреевич Соколов[6]. В 1900 г. статский советник А.А. Соколов[7], учитель чистописания

---

[1] См.: *Низамутдинова А.Г.* Произведения Б. Григорьева из коллекции С. Молло // Вестник Академии наук РБ. 2003. Т. 8, № 4; *Краснова Р.Г.* Первая дама уфимского бомонда // Река времени. 2004. Уфа, 2005. С. 144–146, 152, 156–157.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1897. 27 февраля.

[3] Уфимский край. 1910. 30 марта.

[4] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел III. С. 88; Отдел IV. С. 31.

[5] К примеру, в начале 1890-х гг. в Уфимской губернии 181 чел. выписывал журнал «Живописное обозрение» (*Коновалов Д.П.* Что читали, что выписывали… // Башкирский край. Вып. 1. Уфа, 1991. С. 58).

[6] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 35.

[7] Преподаватель рисования и чистописания в частной мужской гимназии, статский советник Алексей Андреевич Соколов умер 18 апреля 1915 г. на

и рисования продолжал преподавать в гимназии. А в женской гимназии на той же должности состоял Мануил Алексеевич Попов, одновременно работавший в женской прогимназии[1].

Постепенно начинает формироваться сообщество профессиональных художников, наверняка, зарабатывавших себе на жизнь заказами уфимцев (светскими и религиозными). Так, на 1899 г. в городе проживали «живописцы»: И.И. Никитин (Тюремная ул., собств. дом), А.И. Тараканов (Большая Усольская ул., собств. дом), П.И. Шепелев (Сергиевская ул., собств. дом)[2]. Старейший[3] живописец Тараканов Апполон Игнатьевич ещё в 1904 г. жил почти по-соседству с Благовещенским женским монастырём и, наверняка, исполнял заказы на иконы (в 1908 г. – уже наследники А.И. Тараканова). Недалеко, на Малой Сергиевской, 4 обитал Пётр Иванович Шепелев (по 1908 г.). Определённый культурный уровень этих семейств показывают дети «живописцев»: Николай Апполонович Тараканов в 1904 г. служил письмоводителем мещанской управы, а Анна Петровна Шепелева – учительницей 4-го городского приходского училища (1908 г.)[4].

К началу XX в. в Уфе появляются выпускники столичных учебных заведений: «Даю уроки живописи и рисования. Окончившая классы живописи и рисования Высшего Художественного училища при Академии Художеств Л.К. Антонова. Малая Усп., д. Благина, № 13»[5]. В 1892–1894 гг. в Строгановском художественно-промышленном училище в Москве обучалась М.Н. Елгаштина, сыгравшая большую роль в становлении профессионального изобразительного искусства в Уфе[6].

Именно в это время Уфа становится местом творчества одного из выдающихся русских художников, нашего великого земляка Михаила Васильевича Нестерова, который выдвигает идею открытия в Уфе художественного музея. В 1900-е гг. культурная жизнь Уфы активно развивается, в 1907 г. в дворянском доме

---

54 году жизни (то есть, он примерно 1861 г. р.), похоронен на Сергиевском кладбище (Уфимская жизнь. 1915. 21 апреля).

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа, 1900. С. 73–74.

[2] Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1899. С. 192.

[3] Он упоминался как живописец в 1876 г. (Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 1 / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Уфа, б. г. С. 74).

[4] Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / Сост. А.Ф. Сильвестров и В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 107, 251, 315, 384; Справочная книга г. Уфы с приложением плана. Уфа, 1908. С. 48, 123, 154, 204.

[5] Уфимские губернские ведомости. 1901. 20 июля.

[6] *Янбухтина А.Г.* «Пастораль, чистейшая в мире» // Башкирский край. Вып. 5. Уфа, 1994. С. 84.

работает выставка картин[1], достаточно много материалов публикуется в прессе. История изобразительного искусства Уфы и края[2] с начала XX в. изучается профессиональными исследователями Башкирского государственного художественного музея им. М.В. Нестерова[3], поэтому изобразительное искусство Уфы этой эпохи затрагивается здесь кратко. Но в местной художественной жизни остаётся немало нераскрытых страниц.

Так, с Уфой немного была связана судьба живописца Николая Дмитриевича Дмитриева-Оренбургского (1838–1898), окончившего здесь мужскую гимназию[4]. От отца, действительного статского советника Дмитрия Васильевича Дмитриева художник, а затем Наталья Васильевна и Екатерина Николаевна («жена профессора живописи» Н.Д. Дмитриева-Оренбургского и дочь) даже унаследовали небольшой участок земли в 383,5 дес. в Белебеевском уезде (с совладельцами-родственниками)[5].

Кроме того, в фондах художественного музея в Уфе хранятся две работы Ивана Платоновича Мешалкина (1868–1947), уроженца нашего края. По некоторым сведениям он происходил из крестьян, работал учеником в часовой мастерской, где его приметил крупный уфимский предприниматель Ф.Е. Чижов. Купец помог Мешалкину получить художественное образование в Санкт-Петербурге, тот стал другом сына, Александра Фёдоровича Чижова. Сопровождал купеческую семью в заграничных поездках, копировал Сикстинскую капеллу, видами которой украшал чижовский дом в Уфе[6].

В 1908 г. «петербургский художник» И.П. Мешалкин составил компанию А.Ф. Чижёву и В.А. Гассельблату, совершившим первый автопробег по маршруту Уфа – Оренбург и обрат-

---

[1] Вестник Уфы. 1907. 13 марта (см. также № 110–111).

[2] См. также: История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. Уфа, 2007. С. 320–323 (раздел «Изобразительное искусство» в § 7, авторы А.Р. Ширгазин, И.М. Гвоздикова).

[3] Башкирский государственный художественный музей им. М.В. Нестерова. Живопись и графика второй половины XIX – первой половины XX века. Михаил Нестеров. Давид Бурлюк. Касим Девлеткильдеев. Александр Тюлькин: Альбом-каталог выставки / Авт. ст.: В.М. Сорокина, С.В. Игнатенко; Сост. разделов: В.М. Сорокина, С.В. Игнатенко, А.А. Хардина, Л.В. Бондаренко; Науч. ред. С.В. Игнатенко. Уфа, 2007; др. (см. сайт музея).

[4] *Буравцов В.Н.* Забытый художник (неопубликованная рукопись).

[5] ЦИА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 2971. Л. 6.

[6] См.: *Чижова-Черемшанова Ольга.* Ольга Чижова-Черемшанова в родословной Чижовых // http://ugo10.narod.ru/shijovi.htm; www. laidinen. ru / women.php?part=673&letter=%D7&code=3440; xn--80ab5asof.xn--p1ai / history/b/; др.

но[1]. По всей видимости, его картины висели в особняке на Большой Казанской, 10. В фондах художественного музея Уфы хранится пейзаж Мешалкина (1910 г.), в каталоге указано – «из кладовой» (вероятно, чижёвского дома)[2].

Мешалкин «много путешествовал по России и за границей, неоднократно бывал на Севере. Результатом этих поездок стали многочисленные пейзажи художника. В советское время жил в Ленинграде. Картины художника экспонировались на многих выставках в СССР и за границей»[3]. В его неизученном творчестве выделяются две темы – история и Арктика. В Уфе хранится работа И.П. Мешалкина о митрополите Филиппе, основную экспозицию петербургского музея Арктики и Антарктики украшает его полотно «Плавание русских на Грумант»[4]. А в Вятском художественном музее (Киров) суровая природа северной Европы предстаёт в работе Мешалкина «Норвежское китобойное судно»[5].

Умер Иван Платонович в 1947 г., похоронен в Ленинграде на Волковском православном кладбище (Литературные Мостки)[6].

Таким образом, несмотря на колоссальные утраты местного культурного наследия к началу XX в., собранные отрывочные сведения позволяют утверждать, что наш благословенный Уфимский край не уступал другим губерниям России и здесь также уже с XVIII в. сложилась местная живописная традиция. Особняки дворян и чиновников, офицеров и купцов, государственные и общественные учреждения украшались сотнями, если не тысячами произведений изобразительного искусства, среди которых, наверняка, существенное место занимали работы своих, уфимских живописцев.

---

[1] Вестник Уфы. 1908. 6 сентября.

[2] Благодарю Елену Николаевну Гасникову (БГХМ им. М.В. Нестерова) за предоставленную информацию.

[3] Каталог экспонатов из музеев учреждений и организаций Росгидромета. II. Живопись, графика / Сост. М.В. Дукальская, А.О. Андреев, Е.Л. Махоткина, Д.П. Беспалов, Е.И. Плешкова. СПб., 2009. С. 163.

[4] См.: Российский государственный музей Арктики и Антарктики. Буклет-путеводитель. [СПб., б. г.] В Интернете есть упоминание, что в этом музее имеется фонд И.П. Мешалкина. По любезно предоставленным сведениям ни в Эрмитаже, ни в Русском музее, ни в художественном музее Архангельска полотен Мешалкина нет.

[5] http://ks-gazeta.ru/index.php/sobytiya/659-s-etyudnikom-po-svetu.

[6] http: // rosgenea. ru / ?alf=13&serchcatal = %CC%E5%F8%E0%EB%EA%E8%ED&r=4.

А.Л. Чечуха

Уфимский художник Матвей Тимашевский

Жил в Уфе в девятнадцатом веке купец второй гильдии по фамилии Попов. Занимал он пост городского головы и потому вошёл в историю города. За несколько лет до своего избрания на эту должность заказал Павел Васильевич местному художнику небольшой портрет. Мастер заказ выполнил, написав маслом на картоне и Павла Васильевича, и его жену. А на обороте указал: «Писалъ 6 іюня 1856 года Тимашевскій».

Кто же такой Тимашевский? В истории русской живописи хорошо известен Орест Исаакович Тимашевский (1822–1866), «живописец исторического и бытового жанра, академик живописи. Родился в 1822 году в семье крепостного крестьянина. В возрасте двадцати двух лет получил вольную от своего помещика Булгакова. Обучался в Академии художеств в качестве вольноприходящего слушателя, затем академиста в классе знаменитого исторического живописца, профессора Фёдора Антоновича Бруни». В 1852–1864 гг. стажировался за границей, рано умер[1]. Портреты Орест Исаакович тоже писал, но далеко от Уфы.

Краевед Р.Г. Игнатьев указывал, что в Ильинском храме Уфы, освящён в 1863 г., находилась замечательная «плащаница, работы Художника Ореста Томашевского; Томашевскому-же принадлежит большая часть иконописи в здешней церкви»[2]. Видимо, ошибившись в написании фамилии, Игнатьев мог перепутать автора работы. Конечно, плащаницу для Ильинской церкви могли заказать и столичной знаменитости ради престижа, но учитывая, что О.И. Тимашевский тогда странствовал по Италии, можно признать это мало вероятным.

Фамилия Тимашевского / Томашевского серьёзно изучавшему иконописание Р.Г. Игнатьеву была, наверняка, хорошо знакома. По данным на 1876 г. в Уфе числились только два живописца: Матвей Исаакович Тимашевский (Каретная ул., собств. дом) и Аполлон Игнатьевич Тараканов (Усольская ул., собств. дом)[3]. Да и Орест Исаакович родился в пригородном селе Булгаково, местный по происхождению? Более того, упоминание об уфимском художнике Тимашевском встречаем в мемуарах М.В.

---

[1] http://smallbay.ru/artrussia/timashevsky.html.

[2] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 129–130.

[3] Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 1 / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Уфа, б. г. С. 74.

Нестерова.

«Был тогда в Уфе художник – Тимашевский. Портреты писал. Деревянные. Его в городе уважали. Художник был тогда в Уфе в диковинку. Он идёт по улице, а на него пальцами указывают: "Тимашевский идёт! Смотрите, вот он!"», – рассказывал своему биографу Сергею Дурылину Михаил Васильевич Нестеров о временах своего детства, рубеже 1860–1870-х гг. А ещё С.Н. Дурылин добавлял, что «этот уфимский портретист был тоже не без академического достоинства: Матвей Тимашевский был в 1853 году "удостоен Академией художеств звания неклассного художника за написанный с натуры портрет"»[1].

Уфимское происхождение художников Тимашевских подтверждается архивными данными. В ревизской сказке (по сведениям из архива, фонд И-138) за 1850 г. (запись от 15 октября) указано: «Оренбургской губернии г. Уфы Матвей Исаков Тимашевский, 32 г., уволенный от услуг г. Булгаковых, причислен по Указу Оренбургской казённой палаты от 9 марта 1846 г. Жена Анна Иванова, 22 г.»

Таким образом, Тимашевские происходили, возможно, из дворовых известной уфимской дворянской семьи Булгаковых (уволен «от услуг»), отсюда подобная некрестьянская фамилия. А Матвей – это старший брат Ореста, примерно 1818 г. р.

Изучение метрических книг позволило выяснить имена родителей художников – Исаака Васильевича и Пелагеи Николаевны[2], а также ещё двух братьев Тимашевских – Ивана и Алексея[3].

Если Орест (1822 г. р.) получил вольную в 22 года, или в 1844 г., то, скорее всего, примерно в это же время и всё семейство Исаака Васильевича Тимашевского выкупилось на волю. К моменту переписи 1850 г. Матвей тоже был свободным человеком. Проживали все Тимашевские в Уфе.

Неизвестно где и какое образование получил М.И. Тимашевский, как сложилась его биография, но, как и брат, обладавший художественными способностями, Матвей остался в Уфе, где, по всей видимости, основным доходом служила иконопись. Исполнял заказы для уездных храмов, ему принадлежат иконы для возведённой в 1863–1867 гг. церкви Преображения Господня города Троицка: «6 июня 1870 г. из Уфы были доставлены иконы, написанные художником Матвеем Тимашевским»[4].

---

[1] *Дурылин С.Н.* Нестеров в жизни и творчестве. М., 1976. С. 37.

[2] ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 1. Записи Спасской церкви Уфы от 19 марта и 11 октября 1860 г.

[3] Там же. Оп. 2. Д. 1. Записи Спасской церкви от 24 февраля; Д. 2. Записи Ильинской церкви от 26 мая.

[4] Архивный отдел администрации г. Троицка. Ф. 425. Оп. 4. Д. 25. Л. 21.

На сегодняшний день известны лишь два выше упомянутых портрета, выполненные Тимашевским. Хотя, наверняка, он делал их немало, что вместе с иконописными работами обеспечивали ему достаточное благополучие. На 1870-е гг. Матвей Тимашевский являлся владельцем дома на Каретной улице (позже Аксаковская, 47).

Есть некоторые данные о его семье. В 1876 и 1878 гг. учителем чистописания в Мариинской женской гимназии работала Мария Матвеевна Тимашевская[1], в 1883 г. другая дочь «не классного художника» Анастасия Матвеевна Тимашевская была классной надзирательницей той же гимназии, их брат Иван Тимашевский служил воспитателем в Уфимской мужской гимназии[2].

В воспоминаниях М.В. Нестерова зафиксирована широкая известность М.И. Тимашевского среди уфимцев: «Он идёт по улице, а на него пальцами указывают: "Тимашевский идёт! Смотрите, вот он!"» Логично предположить, что наиболее известные горожане именно у него заказывали картины и некоторые сохранившиеся портреты уфимских епископов вполне могли быть написаны его рукой.

Об успешной карьере уфимского художника и иконописца косвенно свидетельствует запись в метрической книге уфимской «дворянской» Александровской церкви от 13 декабря 1883 г. «О смерти: Проживающий в Уфе города Уфы художник Матвей Исаков Тимашевский, 65 лет, от паралича. Свящ. Николай Соколов» (скончался 10-го, похоронен 13-го)[3]. Следовательно, годы жизни художника: 1818 (?) – 1883.

Что же касается Павла Васильевича Попова, то в 1865 г. он был избран городским головой. «Вот Вера Трифоновна Попова с детками выехала в четырёхместных санях, обитых малиновым бархатом, на своих гнедых, старых конях "в дышло"... Она – "головиха", супруг её, Павел Васильевич, второе трёхлетие сидит головой в Уфе: и кто не знает, что настоящая голова – у головихи, Веры Трифоновны. Павел Васильевич тихий, смиренный, а она – боевая...» – вспоминал М.В. Нестеров[4]. Поразительно, как

---

[1] Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 1. С. 52; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. / сост. В.А. Новиков и Н.А. Гурвич. Уфа, [1877]. Адрес-календарь. С. 16.

[2] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 35–36.

[3] См.: ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 24.

[4] *Нестеров М.В.* Давние дни. (Воспоминания, очерки, письма). Уфа, 1986. С. 36.

эти характеристики совпадают с тем, что мы видим на портретах. М.И. Тимашевский точно отобразил внутренний мир своих персонажей.

После смерти хозяев портреты Попова и его супруги наследники бережно сохраняли, благодаря чему изображения из того далёкого времени дошли до нас в превосходном состоянии.

Уфимская некрология

№ 1. Сообщение о смерти В.А. Македонской[1]

Минувший 1851 год заключён был грустным событием для благородного Уфимского общества, которое потеряло одну из любимейших и добрейших женщин.

Двадцать седьмого Декабря, в 3 часа по полудни, скончалась неожиданно Действительная Статская Советница *Варвара Алексеевна Македонская.* Сначала трудно было этому поверить: ибо скончавшаяся имела ещё цветущее здоровье, обещавшее долгие дни для устроения дома своего, и расчёт человеческий был далёк от спокойствия могильного. – Двадцать шестого числа она *беседовала с нами*, являясь в кругу нашем как кроткая луна, сияющая добротою и привлекающая любезностию нрава своего всех и каждого; но *внезапу найде на неё страшный час смерти.*

Кто знал кроткую, ангельскую душу покойной *Варвары Алексеевны* (а кто незнал её?), кто видел её христианское благочестие, всегда прибегающее к Богу и от Него просящее благословение на всякое время и дело; кто испытывал её искреннее добродушие, ласковость и примерную снисходительность к слабостям ближнего, снисходительность, по которой не дозволяла себе и при себе другим высказывать худое о других; кто видел многие иные качества христолюбивой души её: тот конечно с нами согласится, что Промысл не без премудрой и благой цели устроил ей такую, а не другую кончину, дабы медленная смерть необратила её к заботливости о житейском-земном, без должного внимания к переходу в новую жизнь. Но при такой скорой смерти не лишена была скончавшаяся и благодатного утешения. За час до кончины усопшей принесена была к одру её из кафедрального собора чудотворная икона Казанской Божией Матери, и по совершении молебного пения Заступнице усердной, как бы благословившей её в новую жизнь, *Варвара Алексеевна* немедленно испустила последний земной вздох.

Говорить ли после этого о невозвратимой потери её для семейства?! Конечно ни какое перо не в состоянии выразить душевной боли – супруга, проведшего с нею 28 лет семейного счастия и трёх её дочерей, которых она лелеяла, как нежит и лелеит горлица птенцов своих.

Мир праху твоему всеми уважаемая и любимая *Варвара Алексеевна*! да успокоит тебя милосердие Божие в селении праведных, *идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но*

---

[1] Первый некролог, хотя так и не озаглавленный, на кончину женщины.

жизнь безконечная; ты всего этого по справедливости заслуживала. Каждая горсть земли, брошенная на твой гроб сопровождалась невольною слезою и душевным желанием покоя со святыми, как дань, как долг признательности и душевного о тебе памятования.

(Оренбургские губернские ведомости. 1852. 5 января[1])

№ 2. Некролог. М.Ф. Ножин

13 текущего Января, в Субботу, в 10 часов вечера скончался, проживавший в Уфе в собственном доме, отставной Коллежский Советник Михаил Фёдорович Ножин, на 76 году от роду.

Не говоря о нравственных достоинствах, уважаемого всеми, почтенного Михаила Фёдоровича, скажем только несколько слов об его службе Престолу, Отечеству и Обществу. В службу он поступил юнкером в 1808 году в Лейб-Гвардии Уланский полк; в 1810 г. произведён в Корнеты в Волынский Уланский полк. В этом же году был в походе в Молдавии и Валахии; в 1811 г. – в отряде за Дунаем в Болгарии, около г. Ловчи, потом при следовании чрез Молдавию, Валахию и Бессарабию и при переправе войск через Днепр в Российских пределах. В 1812 г. был в сражениях противу Французских войск в Пруссии: под м. Тельздовом, под г. Ютербоком и при дер. Мерце; в Октябре в Саксонии, в генеральном сражении под г. Лейпцигом, где, находясь на ординарцах при Генерал-Адъютанте Графе Воронцове, был несколько раз посылаем во все места жестокого сражения и исполнял всё с отличным мужеством и храбростью, не взирая на сильный неприятельский огонь[2], за что был пожалован орденом Св. Анны 4 степени; 7 Октября был при занятии г. Лейпцига, отсюда участвовал в преследовании неприятеля чрез Саксонию, Вестфалию, Виртемберг и Ганновер до г. Люнебурга. В 1814 г.: в Январе – в Голштинии против Датских войск при блокаде г. Гамбурга и осаде некоторых других пунктов; 18 Февраля во Франции, на левом берегу Рейна, при взятии г. Соассона; 22 – при сильной атаке Французских войск; 23 – в сражении под м. Краоном, а 25 и 26 Февраля под г. Лаоном, где за оказанные отличия награждён орденом Св. Владимира 4 степени с бантом; 7 Марта – при взятии г. Реймса, а 17 – при взятии Парижа, за что произведён в Поручики. В 1815 г., по служению уже в Кинбурнском Драгунском полку, был в походе через Царство Польское и

---

[1] «С кончины многоуважаемой всеми *Варвары Алексеевны Македонской* в течении целой недели небыло у нас общественных увеселений, не взирая на святки-карнавал» (Оренбургские губернские ведомости. 1852. 12 января).

[2] Подлинные слова Грамоты на пожалование ордена Св. Анны 4 степени.

Германию вторично во Францию, где находился при блокаде крепостей, а по снятии блокад оставался во Франции в отдельном Корпусе Генерал-Адъютанта Графа Воронцова по 4 Ноября 1818 года.

В 1828 г., в Турецкую войну, в чине Капитана был в походе вторично в Молдавию и Валахию, находился при креп. Журжей и участвовал при этом в 16 сражениях и делах противу Турок и при отражении их вылазок из крепостей; за отличие в этих делах произведён в Майоры.

В 1829 г. назначен Членом с военной стороны в Валахский Исполнительный Диван и в тоже время исполнял должность Полициймейстера Чумной Полиции в г. Букаресте и был Членом в Верховном Комитете для прекращения заразы. В 1832 г. назначен в должность Дежурного Штаб-Офицера при войсках, расположенных в княжествах Молдавии и Валахии и креп. Силистрии; в 1833 г. за отличие по службе – Подполковником; в 1834 г. управлял Штабом войск, расположенных в означенных княжествах и крепости; после чего состоял при Российском Императорском Генеральном Консульстве в означенных же княжествах и зачислен по Кавалерии.

В 1836 г. вышел в отставку Полковником, с мундиром и подлежащею пенсией; в 1839 г. определён Архангельским Вице-Губернатором, переименован в Надворные Советники и произведён в Коллежские Советники; в 1845 г. вышел вторично в отставку с полною пенсией, по разстроенному здоровью от сурового климата г. Архангельска после постоянной жизни на Юге; а в 1846 г. переехал в Уфу, где был сначала управляющим Земской конюшней ведомства Государственного Коннозаводства до 1853 года. С 1849 г., с открытием в Уфе Детского Приюта, был 12 лет Директором этого заведения, а в последние десять лет – Уфимским Совестным Судьёй, по выборам Дворянства, до начала 1867 года, когда уже, по болезни и преклонным летам, он просил увольнения его и от этой должности.

Сверх означенных орденов, он имел Св. Анны 2 ст. с Имп. кор., Св. Станислава 2 ст., Св. Георгия 4 ст. за 25 летнюю безпорочную службу в офицерском звании; знак отличия безпорочной службы за XXV л. и медали за 1812 г., за взятие Парижа и за Турецкую войну.

Кроме того, из оставшихся после него бумаг, видно, что он отказывался от предлагаемых ему чинов и орденов, в пользу платы и приёма детей в разные учебные заведения.

Мир праху твоему! Верный слуга Отечеству, добрый гражданин и нежный отец своего семейства.

(Уфимские губернские ведомости. 1868. 20 января)

№ 3. Некролог[1]. И.В. Базилев

3 Декабря 1873 года скончался, 73 лет, один из самых старинных и постоянных жителей г. Уфы, Статский Советник Иван Васильевич Базилев. Покойник, в 1832 году, начал свою служебную деятельность в Уфе директором здешней Гимназии и, с тех пор, за исключением непродолжительных поездок, жил здесь постоянно. Долгая служба, общественное положение и, наконец, характер времени, в которое жил и действовал покойный, заключают в себе столько интересного для людей, сочувственно относящихся к движению общественной жизни, что мы, с своей стороны, считаем уместным познакомить публику с личностью и служебною деятельностью человека, некогда отдавшего свои лучшие годы труда и жизни для пользы общества.

Иван Васильевич Базилев родился в 1800 году, в городе Пензе; кончил там курс гимназии, тогда ещё четырёхкласной, и, оттуда отправился в Казань, где поступил в Университет, вскоре после его основания. В 1819 году он кончил курс кандидатом филологических наук и через год, т. е. 1820 года, получил в Симбирске место старшего учителя Истории, Географии и Статистики тамошней гимназии. Время приезда Ивана Васильевича в Симбирск, относится к блестящему периоду жизни симбирского дворянства. Роскошь, довольство и блеск обстановки, в которой жила аристократия, способны были поразить внешние чувства более опытного человека, чем только что сошедшего с студенческой скамьи молодого кандидата. Благодаря ли своей изящной внешности, или благородству направления пылкой, молодой души, или, может быть, потому, что в то время университетское образование было явлением не часто встречающимся, Иван Васильевич был радушно принят симбирским обществом и скоро стал близок его интересам. Богатое симбирское дворянство того времени волновалось не одними удовольствиями и жило не одной внешней жизнию; изящная словесность, искуства и музыка считали в ряду представителей богатых дворянских родов своих многочисленных поклонников. Иван Васильевич застал ещё в Симбирске время полного развития многочисленных литературных бесед, артистических собраний и интимных кружков. Перед его глазами прошли последние годы деятельно-

---

[1] С глубоким сочувствием и уважением заносим в нашу хронику грустные строки, посвящённые памяти почтеннейшего нашего отошедшего согражданина, жизнь которого – благочестивую, честную и трудовую – долго и достойно будут поминать: церковь, семья и общество. *Ред.* [примечание редакции газеты, то есть Н.А. Гурвича].

сти и чуть ли не самого серьёзного значения франк-массонских лож; хотя он сам не был посвящён в тайны этого общества, однако в лице князя Баратаева, grand maitr'a Симбирского отделения ложи, имел связи с представителями тогдашних франк-массонов. Живя в обществе, полном самого разнообразного содержания, принимая близко к сердцу его интересы и волнуясь теми волнениями, которые двигали и его многочисленных членов, Иван Васильевич делился своими мыслями с сослуживцем по гимназии Матвеем Михайловичем Корниолиным-Пинским[1]. Живя вместе, они благотворно влияли друг на друга и вместе выработывали ясный и честный взгляд на вещи, окружавшие их обоих, и волновавшие остальное общество. Едва ли не Матвею Михайловичу принадлежала инициатива чтения публичных лекций, которые они читали поочерёдно, каждый по своему предмету. Эти лекции собирали многочисленных слушателей и делали имена Пинского и Базилева известными жителям Симбирска.

Таким образом, первые впечатления на поприще самостоятельной жизни, Иван Васил[ь]евич получил в кругу Симбирского дворянства, под влиянием лучших его представителей. Это обстоятельство, несомненно, имело важное значение в развитии характера и нравственных воззрений покойного и отразилось на последующей его деятельности. Так прошли первые годы службы покойного. 25 Октября 1831 года, он получил назначение директором в Оренбургский край и, оторванный против желания от общества, к которому успел привыкнуть, он отправился из Симбирска, провожаемый в далёкий путь друзьями и знакомыми с истинным желанием добра и успеха в будущем. Гимназическая корпорация поднесла ему адрес, полный выражений самого тёплого чувства участия, которым напутствовали его в Уфу сослуживцы. Адрес этот по сие время хранится в бумагах покойного.

Во время приезда Ивана Васильевича в Уфу, она справедливо могла назваться Богом забытым уголком, – так мало в ней отражалось движение жизни, которой жила тогда вся остальная Россия. Состояние дирекции было далеко не блестяще, – вот что говорится по этому поводу в отчёте, представленным покойным в округ за 1832 по 1849 годы: «Из подробного обозрения учебных заведений Оренбургской дирекции, ясно видно в каком жалком положении находились они в начале 1832 года. Ограниченное число учеников, недостаток в учителях, неименее учеб-

[1] Матвей Михайлович Карниолин-Пинский (1796–1866), русский государственный деятель, сенатор, литератор, масон. В 1816–1823 гг. проживал в Симбирске, затем служил в Москве и Санкт-Петербурге, с 1845 г. директор департамента Министерства юстиции, с 1850 г. сенатор, участвовал в следствии над Чернышевским и Каракозовым // Википедия, др.

ных пособий, плохое помещение, отсутствие доверенности жителей наконец – необразованность целого края – все эти неблагоприятные причины соединились и оказывали невыразимо могучее препятствие правильному и успешному развитию учебных заведений. Много надобно было жертв со стороны Правительства, много усилий со стороны начальников и преподавателей наконец – много времени для того, чтобы преодолеть все эти препятствия, снабдить заведения всем нужным, возбудить к ним любовь и доверие жителей». Надобно было приняться за дело с большим уменьем и с значительным запасом энергии, чтобы при таких обстоятельствах вышло что нибудь хорошее.

Иван Васильевич – так и сделал: он не отступил перед массой предстоящих трудов, не упал духом от борьбы, которую должен был вести на каждом шагу при исполнении своих обязанностей. Сильный чистотой и благонамеренностию своих принципов, он смело принялся за дело и начал с того, что ввёл в действие Устав 1828 г., так что к 1838 году гимназия, из четырёх класной, сделана была семикласной. Это преобразование, расширив область преподавания предметов, дало возможность сообщать детям более полное образование и с большим успехом подготовлять их к Университету и к непосредственному вступлению на службу.

По ходатайству покойного, Сенатор Пещуров, ревизовавший по Высочайшему повелению Оренбургскую губернию, в отчёте своём изобразил всю затруднительность положения бедных чиновников, при воспитании детей, и в следствие того, 19 Января 1844 года, Государь Император Высочайше утвердить соизволил положение и штат благородного пансиона при Оренбургской гимназии. Этим положением назначено содержать при Оренбургской гимназии 20 казённо-коштных воспитанников из детей беднейших чиновников, а для доставления отличнейшим из них университетского образования, учреждены в Императорском Казанском университете четыре стипендии собственно для оренбургской, тогда ещё неразделённой губернии. Так как Гимназия в то время не имела приличного помещения, то, раньше ещё учреждения при ней пансиона, начались ходатайства о постройке нового – здания и результатом этих ходатайств было то, что, 29 Июля 1842 года, при Гимназии учреждён был Строительный Комитет, который открыл свои действия, под председательством Ивана Васильевича, с 15 октября 1842 года. Все работы должны были производиться самим Комитетом хозяйственным способом, потому что предложенные им торги не состоялись, частию по неявке желающих, частию потому, что за постройку просили слишком высокую цену. Это обстоятельство

должно было повести к неудовольствиям между председателем Комитета и лицами, заинтересованными этим подрядом; и действительно, много пришлось ему терпеть от недоброжелательства тех, с кем ему приходилось по этому поводу сталкиваться. Подрядчики не хотели работать, боясь попасть в беду, так как этой бедой весьма основательно стращали, по той причине, что деньги, ассигнованные на здания, шли только на работы, а не на обеды и банкеты, как тогда было обыкновение делать. Но Ив. Вас. не унывал; и, не смотря на громадные труды, которые представляла постройка гимназии при таких обстоятельствах, – она была построена. Вот что мы читаем по этому поводу в отчёте, на который имели уже случай ссылаться: «приступив к возведению нового здания, Комитет употребил на это летнее время с 1843 по 30 Июля 1847 года, производя все работы хозяйственным способом и всеми мерами стараясь исполнить волю Правительства и вместе с тем достигнуть этого с соблюдением во всех издержках самой строгой экономии. По окончании работ новый каменный, двух-этажный дом был по надлежащем освидетельствовании, сдан в учебное ведомство и торжественно обновлён 30 Августа 1847 года в высокоторжественный день тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника, ровно через три года со дня открытия при Гимназии благородного пансиона.

На все издержки для возведения этого здания по Высочайше утверждённому плану ассигновано было 50 457 руб. 30 ½ коп.; но при строгой экономии Комитета на все назначенные по смете расходы употреблено только 40 250 руб. 70 ¼ коп., не смотря на то, что кирпич, покупался по очень высокой цене. За тем, из оставшейся от этой экономии суммы произведены многие не вошедшие в смету издержки и в том числе устройство чугунных лестниц, настилка чугунных же полов в коридоре нижнего этажа, красивая чугунная ограда, выходящая на улицу и т. п. – и за всем тем осталось от всех работ 1842 руб. 60 ¼ коп. сер.» Если мы припомним, что за асигнованную сумму никто не брал на себя эту работу, то увидим, что такого рода экономия возможна была только при крайне добросовестном отношении к делу и при полной преданности общественным интересам. Впоследствии к этому зданию были пристроены, этим же Комитетом, ещё два флигеля, которые мы до сего времени видим около главного корпуса Гимназии.

Уездные города с их училищами не были также забыты попечением Ивана Васильевича. Он устроил прекрасные помещения для училищ, которые прослужат долго ещё после его смерти, в Бугуруслане, в Бирске и в др.

Открытие Уральского училища составляет в его деятельности факт достойный внимания. Там он встретил не пассивность и грубую апатию к делу народного просвещения, как в других местах, но сошёлся лицём к лицу с серьёзно-враждебным элементом этому делу: в лице закоренелых уральских староверов, людей грубых, которые не остановились бы ни перед чем для того, чтобы отстоять свои невежественные взгляды и не позволить распространяться ненавистному для них влиянию просвещения. Иван Васильевич, благодаря своему уму и замечательному присутствию духа, начал действовать очень ловко. Через атамана Покатилова, с которым он постарался заблаговременно сойтись, он успел кое как расположить в пользу своей личности влиятельных казаков; тогда ему устроили обед, на котором присутствовали все представители общества. Здесь то, употребив всё своё знание людей и все силы своей симпатичной натуры, он успел приготовить в обществе не только лично для себя расположение, вместо той опасности, которая грозила может быть даже его жизни и которая была возбуждена причиною его приезда, но обставил и дело своё так, что в конце концов поставил на своём, открыв там училище, вопреки ожиданиям самого атамана.

С этим же атаманом Покатиловым Иван Васильевич в эту поездку сделал визит владетельному хану, кочевавшему тогда вблизи Уральска. Мы упоминаем об этом визите для того, чтобы иметь случай указать ещё на одну черту характера покойного – на остроумие и находчивость, с помощью которых он расположил в свою пользу Хана. Когда атаман рекомендовал директора в подходящих к понятиям хана выражениях, тот отнёсся недоверчиво к личности молодого учёного и с свойственным азиатцам лукавством спросил: «как это русское правительство доверяет такие важные обязанности таким молодым людям, как этот гость?» (Покойный в своё время был очень моложав). Иван Васильевич ответил на это: «передайте хану, что я молод, но старые книги читал»; этот ответ хан принял очень серьёзно – и с этих пор выказывал [«]молодому начальнику» глубокое уважение.

Если бы мы имели в виду подробно излагать все факты, характеризующие деятельность покойного в бытность его директором Гимназии, то несомненно, его жизнь дала бы нам на столько богатый матерьял, что мы ручались бы за впечатление, которое произведёт на читающих очерк его деятельности; не смотря однако на это, мы ограничимся только более или менее важными фактами, которые в общих чертах знакомят с картиной жизни покойного.

Переходя от внешней деятельности Ивана Васильевича, при устройстве и образовании дирекции, ко внутренним отно-

шениям его как директора к своим подчинённым и воспитанникам, мы находим во взглядах его на этот предмет начала достойные подражания, возбуждавшие глубокое уважение и любовь к его личности в среде его окружавших. Грубость нравов и отношений того времени начальников к подчинённым не гармонировали с его нравственными принципами. Деликатная от природы натура его воспитанная, правда, в несколько мистическом, но вместе с тем глубоко гуманном, духе интеллигенции русского общества времён царствования Александра I-го, не мирилась с грубостью и деспотическим началом отношений окружавших его. Развитый университетским образованием ум его и характер, выдержанный в школе светской жизни Симбирского дворянства, дали ему возможность найти в себе довольно силы, чтобы чувствовать себя самостоятельно и остаться верным своим воззрениям.

По словам сослуживцев и современников Иван Васильевич, не прибегая к строгим мерам, бывшим тогда в большом ходу, имел сильное нравственное влияние на своих подчинённых и на воспитанников гимназии. В своих беседах, как частных, так и официальных, он был постоянно проникнут более высоким взглядом на жизнь, чем тот, каким смотрело на неё тогда большинство, – и в этом смысле он старался развивать воззрения юношества и его наставников. Этим взглядом на жизнь и на отношения к своим обязанностям Иван Васильевич, был верен до конца своей службы по Министерству Народного Просвещения, которую оставил, прослужив верою и правдою 39 лет.

Вышедши в отставку в 1858 году, он не отказался однако от общественной деятельности и в 1859 году был избран депутатом от стерлитамакского дворянства. В 1860 году Высочайше утверждён в должности почётного попечителя Оренбургской Гимназии, наконец – он принимал горячее участие в делах, только что формировавшегося тогда, Комитета о бедных и тогда уже предполагал устроить при нём ремесленное училище. Состоя членом Шоссейного Комитета, он трудился для пользы города – и труды его приносили несомненную пользу, отличаясь постоянно благонамеренностию и энергическим отношением к делу. Последние года жизни он был гласным в думе и не задолго до смерти, присутствовал в заседании, принимая участие в делах города. Таким образом до последнего дня своей жизни Иван Васильевич не отказывался от трудов на поприще общественной деятельности – и скончался гласным Думы, говоря, что общественная польза должна быть выше субъективных интересов и личного самолюбия.

Последний день, отданный обществом Ивану Васильевичу

при погребении, доказал, что оно умеет ценить и сочувствовать заслугам своих членов.

5 Декабря, в 9 часов утра, в церковь св. Александра Невского, при многочисленном стечении народа, внесли гроб, покоивший тело Ивана Васильевича, покинутое душою, которая, исполнив свой долг земной жизни, без страданий, тихо отлетела в вечность. Гроб окружили родные и знакомые покойного с искренним сочувствием к памяти его.

Гимназия, которой покойный отдал лучшие годы труда и жизни, в лице своих представителей, выразила при этой последней церемонии, бывшему своему начальнику, сочувствие, своим присутствием и тем, что надгробные молитвы пел хор гимназистов.

Гроб его, окружённый юными головками молодого поколения, отцёв которого он воспитал, и серьёзн[ы]ми лицами наставников, напомнил, знавшим жизнь покойного, то время, когда он ещё живой был в этой среде, жил и действовал для неё и лучшие симпатии своего сердца отдавал её интересам; то время, которое, не смотря на своё отдалённое, прошлое, не было забыто людьми, умеющими ценить и помнить – и прошлые заслуги.

Настоятель церкви и вместе духовник покойного, сказал надгробное слово, в котором развил глубоко религиозный характер жизни и вместе с тем светлый взгляд покойного на религию и её значение для человека, выработанный им в своих постоянных умственных трудах и долголетнем опыте. Проповедник поставил уроком для своей паствы эту чистую жизнь и постоянную привязанность к церкви, которой отличался при жизни Иван Васильевич.

По окончании литургии и отпевания, гроб понесли до самой могилы на руках, желая ещё этим выразить покойному сочувствие и расположение. С тем же чувством опустили его в могилу, с каким встретили в церкви и также как там, бросая по обычаю горсти земли в могилу, усердно молились о успокоении души его в обители праведных, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание!

(Уфимские губернские ведомости. 1873. 22 декабря)

№ 4. Некролог. И.Ф. Базилевский

23-го Апреля получена была в Уфе печальная весть о кончине незабвенного для Уфы и памятного для всего Оренбургского края благотворителя и жертвователя *Ивана Фёдоровича Базилевского*. Во вторник 25-го Апреля отслужены были Преосвященным Никанором, в Уфимском кафедральном соборе, заупо-

койная литургия и панихида по усопшем, на которых присутствовали воспитанницы Мариинской женской гимназии, духовного женского училища, детского приюта и очень много молящихся из всех сословий городского общества, между которыми было немало бедных, умилённо и со слезами молившихся: это из числа тех, которые имели в Иване Фёдоровиче отца-кормильца. Но это была только малая часть вспомоществуемых, которым утирал слёзы Иван Фёдорович, а большинство не узнало ещё и много ещё будет горьких слёз и горячих молитв за упокой души этого редкого благодетеля!

Находим лишним распространяться о благодеяниях и пожертвованиях Ивана Фёдоровича; ими наполнены многие столбцы наших Ведомостей в течении более 20 лет; имя Ивана Фёдоровича произносилось давно уже в нашем крае с глубоким уважением в богатых домах и с благословением в бедных хижинах – и память о нём перейдёт в отдалённое потомство!

Мир праху твоему, щедрый сеятель добра! Плоды возделанной тобою нивы украсят путь твой к вратам рая, которые отверзут тебе молитвы вдовиц и вскормленных и воспитанных тобою сирот!

Н. Гурвич.

Уфа
25 Апреля
1878 г.

(Уфимские губернские ведомости. 1878. 29 апреля)

№ 5. Некролог. Оренбургский Муфтий Хаджи Салим-Гарей Шагангареевич Тевкелев

2-го января, в 6 часов вечера, в г. Уфе скончался на 77 году от роду, после тяжкой болезни, Муфтий Тевкелев. С искренним прискорбием приняло весть об этой утрате всё Уфимское общество – магометанское и христианское, которыми покойный был глубоко любим и уважаем. – Покойный Муфтий принадлежал к именитому и богатому дворянскому роду Уфимской губернии. Бывший богатый помещик, офицер русской службы, делавший несколько военных кампаний, он под старость и до самой кончины, около 20 лет, стоял во главе магометанского духовного управления, нетолько Оренбургского края, но и многих внутренних губерний. – Покойный был постоянно членом и усердным деятелем всех общественных и благотворительных учреждений и самым приятным и любимым членом высшего общества города и губернии.

Да сохранится надолго добрая память о нашем почтенней-

шем согражданине!

Н. Гурвич.

Уфа
3 января 1885 года.

(Уфимские губернские ведомости. 1885. 5 января)

№ 6. Некролог. Инокиня Феофания, в миру Александра Петровна Пекарская

В среду 28-го октября [1887 г.] в Уфимском женском Благовещенском монастыре, при большом стечении молящихся, совершено было отпевание и погребение усопшей в глубокой старости (около 90 лет) инокини Феофании, по мирскому Александры Петровны Пекарской. – На отпевании присутствовал г. Начальник губернии.

Покойная принадлежала к старинному местному именитому дворянскому роду Пеутлингов; предок её генерал-поручик Александр Александрович Пеутлинг был Уфимским и Симбирским губернатором, с 1792 по 1797 год. – Муж её Пётр Николаевич Пекарский тоже принадлежал к древнему (с 1664 года) местному именитому дворянскому роду Пекарских. – Отец Петра Николаевича Пекарского памятен в истории Уфы, как один из главных защитников Уфы во время осады её шайками клеврета Пугачёва, Чики-Зарубина в 1773–74 гг.

Сам Пётр Николаевич Пекарский был губернским предводителем дворянства в 1824 году, когда Уфа была осчастливлена посещением в Бозе почивающего Императора Александра Благословенного, и Александра Петровна, блиставшая тогда молодостью, красотою и первенствующим положением в обществе, удостоилась открыть бал, данный тогда дворянством; под руку с обожаемым Монархом по Его приглашению. – Сыном Александры Петровны и Петра Николаевича Пекарских был знаменитый наш Уфимец, покойный академик Пётр Петрович Пекарский.

С кончиною Александры Петровны убавилась ещё одна отрасль угасающих в нашем крае старинных именитых наших дворянских родов Пеутлингов и Пекарских.

«Род преходит и род приходит!»

(Уфимские губернские ведомости. 1887. 7 ноября)

№ 7. Некролог. Григорий Сергеевич Аксаков

В 2 часа ночи на воскресенье 24 февраля скончался Самарский Губернский Предводитель Дворянства, Тайный Советник Григорий Сергеевич Аксаков, бывший Оренбургский, а затем

Уфимский, Губернатор с 1860 по 1867 год.

В среду 27 февраля, в Уфимском Кафедральном Соборе была отслужена Преосвященным Дионисием, соборне с городским духовенством, панихида по усопшем. На панихиде присутствовали Уфимский Губернатор Генерал Норд, Вице-Губернатор Граф Адлерберг и много из бывших сослуживцев и подчинённых, а также знакомых покойного.

Покойный Григорий Сергеевич был высокочтим в Уфимской губернии, как во время управления им губерниею, так и до настоящего времени и добрая память о его службе и его личных высоких качествах надолго будет жить в сердцах Уфимцев и летописях губернии.

Мир праху этого достойнейшего русского человека.

Н. Гурвич.

(Уфимские губернские ведомости. 1891. 9 марта)

№ 8. Некролог. Владимир Степанович Лосиевский

Во вторник 4-го июня, в 3-м часу по полудни, скончался в Уфе, после продолжительной и тяжкой болезни, Уфимский старожил, каких уже мало осталось, В.С. Лосиевский, на 83 году жизни. Покойный был любим и уважаем всеми знавшими его и действительно был достоен этого своею примерною жизнью, познаниями и трудолюбием.

Покойный был родом из Черниговской губернии и прибыл на службу в Уфу в тридцатых годах, так что прожил в Уфе более пятидесяти лет. По роду своей службы, землемером при бывшей Палате Государственных Имуществ, он исходил, почти пешком, весь Оренбургский край, можно сказать вдоль и поперёг, и будучи по натуре человеком наблюдательным и любознательным, он успел приобрести много познаний по краеведению, в особенности по изучению флоры края, и составленные им в разные времена гербарии обращали на себя внимание учёных ботаников, в особенности бывшего директора Императорского Ботанического Сада в Петербурге, Фон-Траутфетера. Часть гербарий В.С. Лосиевского находится теперь в Уфимском Губернском Музее, куда покойный передал эту коллекцию уже под конец своей жизни и потому не успев уже пополнить её и привести в окончательный систематический порядок, как ему хотелось. Кроме фауны, покойный обладал значительными познаниями по другим отраслям краеведения – геологическими, историческими и этнографическими и статьи его по этим отраслям напечатаны в бывших Оренбургских и нынешних Уфим. Губ. Вед. Были поме-

щены его статьи и в др. прежних периодических изданиях и между прочим нам сейчас попалась интересная статья его, помещённая в «Сыне Отечества» 1848 г. (статью эту напечатаем в одном из следующих № наших Вед.)[1].

Владимир Степанович был старинным членом Уфимского Губернского Статистического Комитета, со времени его преобразования и участвовал в прежних изданиях комитета. Он был также членом и других учёных обществ: Уральского, Оренбур. отдела Императорского Русск. Геогр. Общ. и др.

Покойный был замечателен и по частной своей жизни - тихой, мирной, спокойной, скромной и трудолюбивой. Он с любовью до конца своей жизни занимался между прочим местною метеорологиею и наблюдениями над временем цветения и произрастания местной флоры и над сезонным прилётом птиц; эти его наблюдения много лет печатались в местных губернских ведомостях; этих излюбленных своих занятий покойный не покидал даже в последние дни своей жизни уже на болезненном одре.

Мир праху твоему достойный труженник; добрую и почтенную память оставил ты в сердцах людей, знавших и ценивших тебя, и в местной литературе: да будет же тебе вечная память и покой в царстве небесном!

Н. Гурвич.

Уфа
4 июня 1891 г.

(Уфимские губернские ведомости. 1891. 8 июня)

№ 9. Некролог. Александр Степанович Грязнов

В воскресенье 23 июня, в 5 ч. утра, скончался после продолжительной и тяжкой болезни, начальник газетного стола и губернской типографии, коллежский ассесор Александр Степанович Грязнов, на 52 году жизни.

Покойный прослужил на этой должности с 1872 г., сначала помощником начальника газетного стола, а с 1875 г. начальником газетного стола и типографии. За ревностную и усердную службу был награждён орденами св. Станислава и св. Анны 3-й степени.

Покойный отличался примерным усердием и преданностью делу, которому он служил и которое он хорошо изучил технически; работы типографии и переплётни значительно улучшились

[1] В № 29 «Уфимских губернских ведомостей» за 20 июля 1891 г. вышла статья В.С. Лосиевского «Курманаевские пещеры и их подземные озёра».

и успешно исполнялись. Александр Степанович пользовался вниманием своего начальства, уважением и сочувствием своих сослуживцев и любовью своих подчинённых по типографии, хотя он был строг и взыскателен. С непритворным прискорбием узнали последние о его кончине и возложили на гроб его венок с надписью на лентах «почитаемому и любимому начальнику благодарные подчинённые, служащие в губернской типографии».

В понедельник 24 июня в 1-м часу по полудни, в зале присутствия губернского правления, была отслужена панихида по Александре Степановиче, в присутствии г. Вице-губернатора графа Адлерберга и всех служащих в губернском правлении.

На заупокойной литургии и отпевании в Ильинской церкви присутствовали Вице-губернатор и все служащие в губернском правлении и в типографии; последние несли на руках гроб до самой могилы.

При опускании гроба в могилу произнёс глубоко прочувственное слово сослуживец покойного, делопроизводитель Губ. Прав. Н.Ф. Евлампиев.

Искреннего уважения и сочувствия можно заслужить на всех ступенях общественного и служебного положения. Мир праху честного и достойного труженника!

Н. Гурвич.

(Уфимские губернские ведомости. 1891. 29 июня)

№ 10. Ф.И. Базилевский. Сообщение о панихидах, некролог

Панихиды по Феодоре Ивановиче Базилевском.

После панихиды в соборе, о котором оповещено было в предыдущих №№ наших ведомостей[1], отслужены были панихиды во всех заведениях Дамского Отделения Уфимского Попечительного о бедных комитета, при чём отправлена от имени Отделения следующая телеграмма к брату покойного, Виктору Ивановичу Базилевскому.

«Дамское Отделение Уфимского Попечительного о бедных Комитета, с прискорбием известясь о кончине незабвенного благотворителя и попечителя комитета, Феодора Ивановича, сегодня во всех учреждениях Отделения, в присутствии членов, всех

[1] В траурной рамке было напечатано: «4 января скончался в городе С.-Петербурге Тайный Советник Феодор Иванович Базилевский. 12-го января, в 9-й день кончины, в Уфимском Кафедральном соборе будет отслужена заупокойная литургия, а затем панихида, о чём управление имениями г. Базилевского доводит до всеобщего сведения» (Уфимские губернские ведомости. 1895. 10 января; то же: 11 и 12 января).

призреваемых в сказанных учреждениях и всех отдельно вспомоществуемых от щедрот дома Базилевских, служило панихиды о упокоении душ усопших боляр Иоанна, Варвары и новопреставленного Феодора»[1].

Некролог.

† 4 января, в 1 час. 40 минут ночи, скончался, после продолжительной болезни, известный золотопромышленник, тайный советник Ф.И. Базилевский. – Унаследовав от отца своего, И.Ф. Базилевского, значительное состояние, состоявшее из золотых приисков, рыбных ловель, нескольких имений и домов в С.-Петербурге и Москве, Фёдор Иванович продолжал поддерживать все дела своего отца и, кроме того, сделался весьма скоро известным благотворителем. Он участвовал во множестве благотворительных учреждений, состоял, между прочим, председателем попечительного совета приюта принца Ольденбургского, куда жертвовал на стипендии за бедных детей более 10 000 р. ежегодно. Помимо общественной благотворительности, Фёдор Иванович был известен также и частною благотворительностью. Как родственникам, так и всем знакомым покойного хорошо известна его щедрость: большинству из них он давал тысячи и десятки тысяч рублей заимообразно – без отдачи, сверх тех окладов, которые получали от него близкие и некоторые дальние родственники. В Уфе, уже несколько десятков лет, получалось и получается от дома Базилевских ежемесячно 204 р. для раздачи бедным. В ноябре 1890 г. Ф.И. заболел душевною болезнью и был перевезён с Захарьевской улицы на Петербургскую сторону, летом же жил на своей даче на Каменном Острове, окружённый во всё время болезни самым тщательным уходом медицинского и фельдшерского персонала. Кроме того, за ним ухаживала его сестра княгиня Е.И. Суворова, в последние дни его жизни не покидавшая его комнату, даже и ночью. Панихиды служили в 2 ч. дня и 9 ч. вечера (Петербургская набережная, 38). 6 января в 3 ч. дня была отслужена панихида от приюта Ольденбургского, и пел хор воспитанников приюта; 7 января состоялись похороны в Александро-Невской лавре.

Н. Г. [Н.А. Гурвич]

(Уфимские губернские ведомости. 1895. 15 января)

---

[1] На кладбищах Санкт-Петербурга похоронены многочисленные представители фамилии Базилевских (см.: *Великий князь Николай Михайлович*, [*Саитов В.*] Петербургский некрополь. Т. I (А–Г). СПб., 1912. С. 123–124).

№ 11. Некролог. Александр Андреевич Пекер

3 июня скончался, после продолжительной болезни, действительный статский советник Александр Андреевич Пекер, на 74-м году жизни. А.А. Пекер давнишний старожил г. Уфы (с 1855 г.), жизнь и деятельность этого человека достойны почтенной памяти, которую заносим в нашу летопись.

А.А. Пекер родился в Саратове от родителей французов-католиков, каковым он сам был и скончался, и похоронен по католическому ритуалу. Образование получил А.А. в Саратовской гимназии и в Петербургском университете, где и окончил курс. По окончании курса, он поступил на службу по Министерству Государственных Имуществ, в котором проходил разные должности. В Уфу он приехал в 1855 году в должности уполномоченного по полюбовному размежеванию казённых земель; затем, был окружным чиновником в Мензелинском уезде и, наконец, советником палаты Государственных Имуществ. В 60-х годах А.А. перешёл на службу в контрольное ведомство, по которому он сначала был старшим ревизором в Уфимской палате, потом управляющим Архангельскою палатою и, наконец, Уфимскою, из которой он переведён был в Томскую, но он не захотел туда переехать и вышел в отставку.

Но изложенный краткий очерк составляет только, так сказать, заурядное казённое curricullum vitae (жизнепрохождение) тысячей чиновников, начиная с кандидатов университета и кончая учившимися только в уездных училищах, но, одинаково с первыми, достигающих волею судеб, дворянства, генеральства и всяких благ земных. Но жизнь А.А. замечательна и памятна не этою показною стороною, а внутренним содержанием.

А.А. Пекер был человек большой эрудиции и разносторонне образованный; кроме факультетского образования, он обладал обширными познаниями в естественных науках, особенно геологии, минералогии, палеонтологии и археологии. С большою любовью и знанием дела он собрал весьма интересную коллекцию минералов уральских пород (мы слышали, что он будто завещал их, на словах, Уфимскому Губернскому музею).

Кроме научных познаний, А.А. был одарён недюжинными талантами в области исскуств – живописи, скульптуры и музыки, которыми он усердно занимался, особенно по выходе в отставку, последние годы жизни он занимался успешно и фотографией.

Общественная деятельность А.А. также заслуживает благодарной памяти. – Он отзывчиво и с просвещённою готовностью отдавался этой деятельности: был одним из первых членов ста-

тистического комитета со времени его преобразования (1861 г.), членом Комитета Губернского Музея, которому он посвятил много полезных трудов по отделам геологическому и археологическому. – Был гласным земства, почётным мировым судьёю, членом уездного крестьянского присутствия и других общественных учреждений.

Из изложенного краткого очерка достаточно убедиться, что А.А. Пекер, как говорится, не даром жил, и по заслугам удостоился тех знаков отличия и того общественного уважения, которыми он пользовался.

Мир праху этого просвещённейшего человека и достойнешего деятеля; память о нём сохранится в сердцах людей, умеющих ценить такие отличия людей.

Н. Гурвич

12 июня 1895 г.
г. Уфа

(Уфимские губернские ведомости. 1895. 14 июня)

№ 12. Некролог. М.-С.А. Султанов

1-го августа мусульманская интеллигенция лишилась одного маститого представителя своего; скончался действительный статский советник Мухамед-Садык Абдурахимович Султанов. Это печальное известие было сообщено уфимцам телеграммой к Оренбургскому Муфтию из Шадринска супругой покойного.

Покойный – уроженец дер. Мастеевой, Мензелинского уезда; образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, где кончил курс старшим унтер-офицером и с похвальным листом. По окончании курса служил офицером в Башкирском казачьем войске; некоторое время состоял переводчиком в канцелярии командующего означенным войском; в чине сотника получил назначение кантонного начальника; служил в Бугульминском и Мензелинском уездах; затем был мировым посредником в Екатеринбургском уезде и в течение двадцати лет состоял мировым судьёй в Шадринском уезде; со введением института земских начальников, был назначен председателем уездного съезда, в каковой должности находился до дня смерти. Был избираем единогласно в губернские и уездные гласные за всё время существования земства; явление это довольно редкое и достойное внимания.

Кроме уездного съезда, покойный председательствовал: в воинском присутствии, в комитете общества трезвости, в губернских и уездных земских собраниях и состоял директором тюремного комитета. Имел знак за 40 летнюю безпорочную

службу, много орденов и медалей.

Покойному было 64 года; помер скоропостижно – от паралича сердца, при отправлении служебных обязанностей. По желанию супруги и родственников тело его торжественно 5-го августа предано земле в г. Уфе.

Вся Шадринская интеллигенция, представители всех учреждений, большое стечение народа, почтили своего любимца торжественными проводами и самыми лестными речами; между прочим были возложены венки с надписями от следующих учреждений:

1) «Глубокоуважаемому старейшему земскому деятелю от благодарных земских сослуживцев».

2) «Уездный Съезд своему глубокоуважаемому незабвенному председателю и дорогому товарищу».

3) «От канцелярии Шадринского уездного съезда своему покровителю». (Венок из живых цветов).

4) «Шадринское воинское присутствие своему председателю». По выражению одного из русских писателей «всё для всех» было основным правилом покойного. Его отзывчивость и готовность на помощь всем известна.

В Шадринском уезде он был известен под именем «Садык-паша».

«Мир праху твоему!» Память о тебе останется надолго и будет переходить из потомства в потомство!

С. Мастеевский.

1897 г. 6 августа,
Уфа.

(Уфимские губернские ведомости. 1897. 13 августа)

№ 13. Некролог. Александр Степанович Листовский

24 февраля в 10 часов вечера, скоропостижно скончался, на 60 году от роду, Уфимский губернский предводитель дворянства действительный статский советник Александр Степанович Листовский, прослуживший два трёхлетия в этом высоком звании и ныне в январе избранный дворянством на новое трёхлетие. Необычайно внезапная кончина[1] этого глубокочтимого и всеми искренно любимого человека поразила не только его семью, но и положительно всё общество, утратившее в нём достойнейшего из своих членов, который почти всю свою жизнь посвятил служению не только своему дворянскому сословию, но

[1] Он целый день и даже с начала вечера чувствовал себя совсем хорошо, так что за 20 минут до кончины присутствовал на благотворительном вечере в общественном собрании – *прим. автора некролога.*

и всему обществу. – Нет в Уфе ни одного учреждения – общественного, благотворительного и вообще корпоративного, в котором Александр Степанович не был бы деятелем, в качестве ли председателя или члена и везде выдавался своим ровным, миролюбивым и светлым воззрением на дело и сердечною участливостью. Замечательно, что во всех похвалах, которые теперь с грустью расточаются его памяти, непременно слышится эпитет «*добрейший*», и эта хвала навсегда незабвенно будет украшать его память, как привлекательная жемчужина среди других украшений.

Что мы пишем не хвалебные фразы только, приводим очерк жизнепрохождения (curriculi vitae) Александра Степановича, заимствованное из формуляра покойного.

Александр Степанович происходил из почтенной дворянской семьи бывшей Оренбургской, ныне Уфимской, губернии; родился 28 декабря 1839 г. По окончании курса в местной гимназии и Казанском университете со степенью кандидата по юридическому факультету, поступил на службу в 1862 г. и занимал должности: делопроизводителя особого о земских повинностях присутствия; старшего помощника акцизного надзирателя IV округа 1 участка Оренбургской (ныне Уфимской) губернии; депутата Уфимского дворянского депутатского собрания; секретаря Уфимско-Оренбургского губернского акцизного управления; заступающего место Уфимского городского головы; члена попечительного совета Уфимской Мариинской женской гимназии в продолжении 20-ти лет; присутствующего члена с исполнением обязанности секретаря Уфимского попечительного о бедных комитета; председателя попечительного совета Уфимской Мариинской женской гимназии в продолжении 7-ми лет; Уфимского уездного предводителя дворянства; участкового мирового судьи в продолжение 5 трёхлетий; председателя съезда мировых судей; члена от земства в Уфимском губернском училищном совете; председателя Уфимского попечительного о бедных комитета; директора Уфимского губернского о тюрьмах комитета; губернского предводителя дворянства с 1893 – 1899 гг. и 18 января с. г. вновь избран первым кандидатом на должность губ. предводителя дворянства; почётного члена Императорского Российского общества спасания на водах. Александр Степанович удостоен был всех знаков отличия до ордена Владимира 3 степени включительно.

Вот фактические данные, – которые лучше всяких красивых слов украшают память усопшего и доказывают, в какой степени он был любим и уважаем обществом, везде считавшим его достойным, полезным и желательным представителем и уча-

стником избирательной среды.

Всё сказанное доказали и его похороны, на которых общество сочло своею обязанностью засвидетельствовать и принести последнюю дань своего высокопочитания. На первой уже панихиде собралось многочисленное общество, а вечером того дня, на панихиде, отслуженной Его Преосвященством Преосвященнейшим Иустином, собралось такое множество молящихся, что обширный зал не мог вместить всей публики. На гроб положено было 20 венков, именно: один венок от Губернского Дворянства; – уездных предводителей дворянства (из живых цветов) с надписью: «дорогому товарищу»; – депутатов от дворянства; – служащих в депутатском собрании; – служащих в дворянской опеке; – два венка от г. Губернатора (один из живых цветов); – города; – губернского земства; – губернской управы (из живых цветов); – тюремного комитета; – комитета красного креста; – общество спасания на водах; – дворянского пансиона; – попечительн. совета женской гимназии; – детского приюта; – один венок от П.П. Подашевского; – дворянина; – попечительного комитета о бедных; от женской гимназии. Дворянство почтило память своего достойнейшего Предводителя, принятием на счёт дворянства устройства похорон и насколько позволили местные средства, похороны были так парадны и торжественны, каких в Уфе не запомнят; катафалк, везомый шестёркой лошадей, был изящно отделан позументами и цветочными гирляндами, кисти поддерживали уездные предводители и депутаты дворянства. Ими же и другими дворянами гроб был вынесен из квартиры и из церкви после отпевания. Впереди шествия несомы были венки воспитанницами дворянского пансиона и депутациями от дворян и земства. Громадная масса народа провожала траурное шествие до Александровской дворянской церкви, где при ещё большем стечении молящихся, совершена была заупокойная литургия и затем отпевание, отцём Ректором Семинарии в сослужении 5 протоиереев и священников. – За литургиею произнесено священником Ильинской церкви, отцём Хитровым, надгробное слово, глубоко прочувствованное и вполне правдивое, без прикрас, а с верным очертанием достоинств и заслуг почившего. На всех панихидах и в церкви присутствовал Уфимский губернатор д. с. с. Николай Модестович Богданович. Из церкви всё общество отправилось в проводы на Иоанно-Предтеченское кладбище, где перед опусканием гроба в место вечного упокоения, сказано было Уфимским уездным предводителем дворянства, ныне и. д. губернского предводителя, Князем А.А. Кугушевым следующее слово: [речь князя А.А. Кугушева].

Закончим наш очерк пожеланием, без сомнения всего на-

шего общества; достойнейшему усопшему мира праху и вечной доброй и светлой памяти.

(Уфимские губернские ведомости. 1899. 9 марта)

№ 14. Некролог. А.Н. Левашёв

29 минувшего июня, в своём имении, селе Левашёве, скончался, на 79 году жизни, землевладелец, отставной штабс-капитан Андрей Николаевич Левашёв, служивший мировым судьёю в гор. Стерлитамаке 15 лет, которого за правдивость и энергию любило всё общество, а воры и воришки крепко боялись; своею же оригинальностию при разборе дел он во многом напоминал известного Петербургского судью Трофимова.

Покойный Андрей Николаевич, по окончании курса в Казанском университете, в 1840 г. поступил на военную службу в Уфимский казачий полк и затем перешёл в драгунский Клястинский полк, с которым в 1849 г. участвовал в походе против мятежных венгров, в отряде генерал-лейтенанта Врангеля 1-го, и в 1853 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана; с ноября 1855 г. по июль 1856 г. был начальником дружины № 311, государственного ополчения Оренбургской губернии; с 1868 г. по 1874 г. был предводителем дворян Стерлитамакского уезда и председателем местного мирового съезда и затем членом Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия, по избранию дворян; с 1878 г. А.Н. состоял почётным мировым судьёю, с 1879 г. участковым мировым судьёю до 11 ноября 1894 г. и вместе с тем исполнял должность председателя и непременного члена съезда мировых судей 6-ть лет. За долголетнюю службу свою покойный был награждён орденами: Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 3 ст. и 2 ст., с короною и имел знак за введение положения о крестьянах, ополченский знак, медали за венгерский поход, турецкую войну 1853–1856 г. и в память в Бозе почивших Императоров Николая I и Александра III.

Прослужа более 25 лет по избранию дворян и земства, с девизом «честь и правда», он всегда высоко нёс своё знамя и ненавидел и преследовал, где имел возможность, злой умысел, или деяния. Нередко из-под пера покойного выходили «на злобу дня» сатиры или юмористические стихи. Жаль будет, если наследники покойного не издадут сборник его сочинений, и не осветят каким талантом обладал покойный.

Мир праху твоему честный служака! Многие годы наше общество будет вспоминать своего любимого судью и разсказывать детям анекдоты из жизни Андрея Николаевича Левашёва.

А.К.

8 июля 1899 г.
Г. Стерлитамак

(Уфимские губернские ведомости. 1899. 17 июля)

№ 15. Некролог. Ф.Е. Чижёв

Во вторник, 4 апреля, в 6 часов утра, скончался от болезни сердца один из старейших деятелей Уфимского Попечительства о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии, Фёдор Егорович Чижёв. Покойный двадцать лет состоял в Попечительстве сначала почётным членом, а потом – действительным по должности директора Уфимского приюта для мальчиков. К числу наиболее выдающихся за этот период времени жертв покойного в пользу приютов должны быть отнесены следующие: в 1887 году Фёдор Егорович пожертвовал 1342 рубля на улучшение зданий приюта; в 1896 году он отказался от получения с Попечительства 3222 р. 12 коп., израсходованных им из собственных средств по содержанию приюта в течение четырёх лет (1892 – 1895 гг.) и наконец в 1897 г. пожертвовал Попечительству одноэтажный каменный дом в заводе Катав-Ивановском, 2000 рублей на приспособление этого дома под приют и 10 000 р. в обезпечение имеющего быть устроенным там приюта.

Таким образом, в лице покойного Фёдора Егоровича, Уфимское Попечительство теряет не только одного из своих выдающихся жертвователей, но и деятеля, в течение десяти слишком лет несшего на себе все хозяйственные обязанности по приюту мальчиков до последнего года, когда тяжёлый недуг сломил эту могучую натуру.

В.Б.

(Уфимские губернские ведомости. 1900. 14 апреля)

№ 16. Некролог. Н.М. Богданович

В 4 часа дня 11-го Мая пассажирский поезд унёс для погребения в Петербурге прах Уфимского Губернатора, Николая Модестовича Богдановича.

Друзья, подчинённые, служащие всех ведомств и тысячная толпа, во главе с Преосвященнейшим Климентом, в последний раз, с тяжёлой думой и глубоким вздохом, проводили человека, снискавшего себе всюду уважение и любовь. Глубоко печальна была эта минута ухода поезда с траурным вагоном, когда собравшаяся масса народа, осенив себя крестом, послала ему последнее прости, но и весьма торжественна и знаменательна для памяти покойного. Уезжая из Уфы всегда окружённый предан-

ными людьми и многочисленными почитателями, его провожавшими, Николай Модестович и в сей последний раз не только не был оставлен ими, но напротив более, чем когда либо, собрал около себя всех знавших его, не исключая представителей сёл и башкирских деревень. Но вместо обычного бокала шампанского в эти последние проводы, сопровождала его раздирающая душу горькая слеза незаменимой утраты.

Николая Модестовича нет уже среди нас и не будет! Попробуем же сказать о нём несколько слов: что это был за человек, чем проявил он себя, как администратор, какие мысли его обуревали и какие дела сопровождали их.

Николай Модестович Богданович происходит из дворян. По окончании в 1875 году Петербургского университета, по юридическому факультету, он поступил на службу по Министерству Юстиции и вскоре же выдался своими блестящими способностями, исполняя неоднократно весьма серьёзные поручения. Менее чем через год, по окончании курса, он был назначен товарищем прокурора сначала Киевского, а затем Варшавского и Петербургского Окружного Суда. В 1887 году Николай Модестович, оставив Министерство Юстиции, перешёл на службу в Министерство Внутренних Дел и получил назначение Ломжинского Вице-Губернатора. Будучи перемещён в 1890 году Лифляндским Вице-Губернатором, он уже 10 Декабря 1892 года получает новый и ответственный пост Тобольского Губернатора.

Самостоятельная и ответственная его деятельность в Сибири, хотя и не была продолжительна по времени, немного более 3-х лет, но за то чрезвычайно богата по массе добрых дел, весьма полезных мероприятий, направленных на право крестьянского населения, в заботы о коем Николай Модестович уходил весь, не щадя своих сил и здоровья. Свою службу в Тобольской губернии он всегда вспоминал с большим увлечением, горячо и любовно отзываясь об этом отдалённом крае. И, действительно, в Тобольской губернии был расцвет его деятельности! Много труда, напряжения больших сил потребовала она от покойного, как только вступил он в неё в самом начале 1893 года. Тяжёлый голодный 1891 год оставил глубокий след в экономической жизни населения, новый неурожай 1892 года вследствие развившейся в необычайном количестве кобылки, окончательно сокрушил крестьянские силы; появившаяся в тот же год холера стала косить народ в сёлах и деревнях. Въехавши в Тобольскую губернию в самый острый период продовольственной и семенной нужды, Николай Модестович, не заезжая в губернский город, прямо отправился в наиболее пострадавшие местности, делая всюду на месте быстрые и решительные распоряжения, воодушевляя слу-

жащих к общей и дружной работе, обадривая народ своим твёрдым и верным словом. Заехавши в Тобольск на несколько лишь дней, он вновь отправился в личный объезд и почти ввёл в систему – управлять губернией из экипажа. Нужно было покончить с тяжёлым экономическим годом, нужно было заглянуть вперёд, так как холера угрожала вновь развиться весной и летом 1893 года, а кобылка – вновь съесть поля. Вызвавши на борьбу с кобылкой опытных людей с агрономическим образованием, принявши основательные меры к предупреждению распространения заразы по большому Сибирскому тракту и по водному пути, Николай Модестович благополучно провёл этот тяжёлый период, показавший ему многие недостатки управления такой обширной губернией. С этого момента с такой же лихорадочною поспешностью начинается созидательная работа.

По настояниям Николая Модестовича 13 июня 1893 г. последовало значительное увеличение числа крестьянских чиновников, коих до того было далеко недостаточно и в лице которых он видел могучее орудие для проведения в жизнь многих крайне необходимых для сельского хозяйства мероприятий.

Заботясь о лучшей постановке сельского хозяйства, сельской медицины и народной школы, Николай Модестович напрягает к тому все свои усилия: в Тобольске создаётся должность губернского агронома, на которую приглашается опытный и знающий человек, преданный своему делу; организуется несколько сельско-хозяйственных складов в Ялуторовске, в Кургане, с. Петуховском и др. пунктах, испрашивается от Министерства Земледелия опытный инструктор маслоделия, положивший начало устройству артельных крестьянских и общественных маслоделок, развившихся ныне по Сибири в большом количестве и заявивших о себе на заграничных рынках; наконец, в 1893 г. устраивается в Кургане сельско-хозяйственная выставка, в своё время оценённая и печатью и Министерством Земледелия, давшая толчёк к образованию в г. Кургане отдела Московского сельско-хозяйственного общества, вылившегося в весьма солидное учреждение, продолжающее и ныне развивать свою деятельность.

Отсутствие медицинской помощи очень сокрушало Николая Модестовича. Под его влиянием, с помощью частных пожертвований, на средства крестьянских обществ, начинают создаваться сельские больницы – и в течение 3-х лет их оказывается уже 22. Устройство сельских больниц в свою очередь дало основание войти с представлением об увеличении штата медицинского персонала: врачей и фельдшеров, об ассигновании средств на содержание их. В 1896 г., уже будучи начальником

Главного Тюремного Управления, Николай Модестович лично защищает свой проект в Государственном Совете и блестяще выигрывает его одобрение. Это была чрезвычайная для него радость, так как назначение врачей и проч. персонала окончательно упрочивало и узаконяло все эти сельские больницы.

С неменьшей любовью относился покойный к народной школе и народному просвещению вообще: в период его деятельности увеличилось число школ, улучшились их обстановка и школьные здания, которые охотно строило крестьянское население за собственный счёт. Так как смета губернских земских средств составлялась и утверждалась на три года, то многие крестьянские общества брали на свой счёт содержание учительского персонала до составления новой сметы; в Ялуторовском округе появились передвижные школы и даже составлялся проэкт о всеобщем обучении.

Помимо сего появились в школах, в волостных правлениях библиотеки, неведомые дотоле населению волшебные фонари, кои иллюстрировали народные чтения.

При содействии Николая Модестовича – был устроен при Волостных Правлениях ряд упрощённых почтовых отделений и организована более правильная почта.

Наилучшее устройство переселенцев, прибывших в Тобольскую губернию, требовало большого внимания и напряжения, и Николай Модестович горячо заботился о них, зорко следя за деятельностью крестьянских чинов по устройству переселенцев и своевременной выдачи домообзаводственных ссуд; покойный стремился удовлетворить их сельско-хозяйственными орудиями, лесом на постройку. Для сей последней цели были устроены лесные склады в Тарском округе, около Омска, в с. Петуховском.

Идя на встречу желаниям Сибирского Комитета, Николай Модестович принимал горячее участие в церковностроительном деле, в постройке школ в переселенческих посёлках.

Далеко не исчерпывая изложенным всей деятельности Николая Модестовича Богдановича по Тобольской губернии, в виду скромного размера нашего некролога и отсутствия под руками цифровых материалов, мы не сомневаемся, что в надлежащем будущем лучшие представители этой губернии, бывшие свидетелями краткой эпохи служения Николая Модестовича Богдановича дадут более подробную оценку и осветят этого удивительного труженика для блага народа.

Какой же силой обладал этот человек, что мог совершить так много в такой короткий срок? Да, сила была великая и заключалась она в постоянном личном труде и в умении заставить трудиться других. Простой и ласковый в обращении, он возбуж-

дал всех имевших с ним дело, поднимал в них энергию, давал инициативу, выслушивал и интересовался каждым выдающимся делом, отбрасывая ненужные мелочи и пустую формальность.

Проведши три года в огне кипучей деятельности, успевши побывать в это время на севере губернии в Берёзовском округе и принять меры в защиту инородческого населения от эксплоатации рыбопромышленников, Николай Модестович подорвал своё здоровье и начал ощущать страдание уха, заставившее его потом много мучиться.

8-го марта 1896 года покойный получил более высокое назначение – Начальника Главного Тюремного Управления, но эта служба его не удовлетворила. Не будучи создан для канцелярской работы, живой по характеру, и привыкший вести правильный образ жизни: рано вставать для работы, рано и ложиться, он не мог вынести Петербурга, который к тому же был вреден и для его здоровья. 29-го октября того же года он назначается Уфимским Губернатором и занимает эту должность до дня своей преждевременной смерти.

Деятельность его по Уфимской губернии ещё свежа, памятна всем и у всех была на виду. Едва-ли найдётся человек, который, положа руку на сердце, скажет о ней что либо дурное. Нет! Если она, может быть, не была так захватывающа, как по Тобольской губернии, то, во всяком случае, она была живая деятельность, полная энергии и добрых желаний, направленная на упрочение блага народного. Появлявшееся временами недомогание и, главное, досадная слабость слуха естественно отражались на душевном состоянии Николая Модестовича и невольно заставляли его думать о здоровье, беречься, о чём впрочем, нередко, он совершенно забывал.

Прибывши в Уфимскую губернию в конце 1896 года – Николаю Модестовичу пришлось провести народную перепись, прекратить и вызванные неправильным её толкованием безпорядки среди магометанского населения, захватившие довольно обширный район. Конечно, скоро и удачно были прекращены эти смуты и тёмное башкирское население, подстрекаемое фанатиками религии, сознало безсмысленность своих волнений, тем не менее много тяжёлых минут было пережито и за это время.

Ознакомившись быстро с характером губернии, разнообразным её населением, аборигенами страны – башкирами и стремящимися на земли последних переселенцами, Николай Модестович вскоре же сознал необходимость произвести исследование переселенцев на башкирских землях, выяснить происходившие земельные неурядицы. Всё это быстро было сделано. За-

ботясь о местном малоземельном населении и считая своею обязанностью прежде всего облегчить им путь к приобретению башкирской земли, Николай Модестович Богданович испрашивает в Уфимскую губернию Переселенческого Чиновника на особых совершенно условиях, ходатайствует о расширении покупок земли за счёт Крестьянского Поземельного Банка, даёт целый ряд указаний Земским Начальникам, Губернскому Присутствию по упорядочению и быстрому разрешению земельных сделок. Сколько крестьян осенят себя крестным знамением, узнавши о его смерти, в земельном устройстве коих он помог своим авторитетным влиянием, своей горячей защитой крестьянских интересов.

1898 г. вновь принёс массу чрезвычайных забот, новый неурожай хлебов и трав опять захватил Николая Модестовича и почти целый год он был поглощён одной мыслью – облегчить страдание народа, не допустить болезней и смертей, помочь населению экономически выдержать тяжёлый бедственный год. Идя рука об руку с земством, испрашивая значительные суммы на продовольствие населения и обсеменение полей, Николай Модестович привлёк в губернию деятелей Красного Креста, оставившего от себя свыше 800 000 рублей, испросил 12 500 лошадей для раздачи населению, широкую помощь на прокорм местного скота. Эта тяжёлая година не прошла безследно для здоровья Николая Модестовича, о котором он на это время совершенно забыл. Головокружения и усиленная слабость слуха заставили его тотчас, как миновала всякая опасность, выехать на отдых и полечиться.

Отдохнувши от чрезвычайных обстоятельств, Николай Модестович Богданович не мог по характеру, по своей натуре, оставаться спокойным, хотя того настоятельно требовали врачи, обширная и разнообразная по составу губерния предъявляла массу вопросов, создавала целый ряд всё новых и новых осложнений. Особенно заботило покойного предстоявшее поземельное устройство горнозаводских крестьян и г. Златоуст. Отстаивая интересы этой части населения, стремясь с своей стороны дать этому делу ясное и положительное направление, Николай Модестович не раз выезжал на совещания в г. Златоуст, посылал сильные представления по этому предмету в различные Министерства.

Сознавая силу крестьянских учреждений, непосредственно соприкасающихся с народом, Николай Модестович всей силой стремился дать им общее руководящее направление, поставить их на совершенно правильный путь служения народу. Первый съезд Земских Начальников губернии, созванный в Сентябре

1901 г., значительно сплотил эти силы и выдвинул целый ряд вопросов, настоятельно требовавших разрешения.

Но обычная мирная работа была непродолжительна: новый неурожай посетил в 1901 г. Уфимскую губернию и новые заботы выпали на долю покойного. В это время продовольственное дело только что было передано в руки крестьянских учреждений, которым, таким образом, предстояло провести первую на глазах всех продовольственную кампанию; под опытным руководством Николая Модестовича задача эта была выполнена блестяще и Уфимская губерния в этом деле шла передовой.

Говоря о крупных явлениях, пришедших на память, едва ли можно привести все добрые дела, число коих слишком велико. Да и нет возможности их установить, они решались молча и быстро, сменялись новыми делами и живо сохраняются лишь в сердцах тех людей, коих они существенно касались.

Печальная Златоустовская история омрачила последние дни жизни Николая Модестовича, вселила безпокойство в его мягкую и добрую душу. Как опытный администратор, как человек, принявший на себя долг и свято его исполнявший в течение всей своей службы – Николай Модестович был спокоен. Он отлично понимал, что бурное возбуждение полутёмной толпы, разгоревшиеся страсти требовали от него решительных мер, он хорошо сознавал, что не щадя себя, своей жизни, он должен оберечь людей, поставленных свыше для управления народом, от озверевшей толпы, он чувствовал, что на происходившее событие зорко смотрят ближайшие заводы, весь Урал; необходимо было пресечь волнение в корне, предотвратить широкую волну безпорядков. И кто станет отрицать, что может быть при других обстоятельствах число жертв печального события оказалось бы в несколько десятков раз более? Да, Николай Модестович всё это сознавал, но, сознавая, он страдал – как человек. Его мягкая душа болела за тех несчастных людей, кои явились невольной жертвой, мало сознавая – за что собственно они жертвуют собою, тяжесть обстановки слишком резко запечатлелась в его отзывчивом сердце. Тяжесть душевного состояния усиливалась от получения многих обидных писем людей, не понимавших или скорее не желавших понимать истинный ход событий, превратно толковавших Златоустовскую историю.

Получая угрозы, предупреждения о мести – Николай Модестович и здесь остался тем же доблестным героем долга, как справедливо его назвало местное Дворянство. Отказавшись от всякой охраны – он спокойно появлялся на улицах и в общественных местах города, находя для себя позорным скрываться от людей, могущих в безумном преступном увлечении нанести ему

тяжкое оскорбление, покончить его существование. Он выдержал твёрдо свой характер и 6 мая в 4 часа дня пал от злодейской руки в глухом углу городского парка. Постыдно бежал этот безумный преступник в то время, как колоссальная личность доблестного героя спокойно приняла мученический венец.

Обладая светлым умом, прекрасными административными способностями, мягким характером, Николай Модестович очаровывал всех, имевших с ним дело, и пользовался общей любовью всех, сослуживцев и местного общества. Всю свою жизнь, посвятив служению народу, интересуясь всеми явлениями экономической жизни крестьянского населения, заботясь о просвещении тёмной массы, Николай Модестович истинно может быть назван радетелем народного блага, другом школы. –

Примечание: Фотография О.Ф. Герман в Уфе выпустила до 15 снимков с покойного Н.М. Богдановича и с процессий проводов от губернаторского дома и собора до вокзала. Фотографический снимок с покойного в формате страницы этой брошюры может быть через посредство редакции приобретаем за 15 коп. экз., а остальные снимки приобретаются от фотографии непосредственно по соглашению.

(Уфимские ведомости. 1903. 13 мая. Прибавление. С. 14–20)

№ 17. Некролог. А.К. Траппер

Неумолимая смерть взяла из земской среды ещё одного старейшего неутомимого работника. 21-го октября в 5 часов вечера скончался, Заведывающий Межевым Отделом Губернской Земской Управы, Александр Карлович Траппер, сверстник по земской службе, недавно сошедшего в могилу, А.Д. Дашкова.

Александр Карлович начал службу в земстве в год введения в Уфимской губернии земских учреждений (1875).

Смерть застигла его внезапно. Ещё накануне этот 80-ти летний неувядаемый служака сидел, как всегда, в Управе, в своём скромном рабочем кабинете за своей обычной работой и, также как всегда, приветливо встречал всех обращавшихся к нему по делам, охотно и предупредительно давая желаемые справки и разъяснения. Кто из жителей Уфимской губернии, имевших какое либо дело о земле, не знал Александра Карловича? И крупный землевладелец и крестьянин одинаково находили у него ласковый приём, полезный совет по делу и даже дружескую помощь.

Такая же сердечность и приветливость были основною чертою отношений покойного и к его сослуживцам по земству и ко всем его многочисленным знакомым. Эти свойства характера

снискали ему всеобщую любовь, а в среде сослуживцев – ласковое наз[в]ание «дедушки». Мир праху твоему незабвенный работник, и глубоко-сердечный человек!

Сослуживец.

(Уфимские губернские ведомости. 1904. 24 октября)

№ 18. Траурное сообщение об убийстве Г.С. Колбе † Григорий Сергеевич Колбе

19 февраля в 10 ½ ч. утра, недалеко от своей квартиры по Александровской улице, убит тремя выстрелами из «браунинга» Уфимский Губернский тюремный инспектор, Григорий Сергеевич Колбе. Убийц, по словам очевидцев, было двое. Выстрелы произведены на очень близком разстоянии. После произведённых выстрелов, убийца бросился бежать по направлению к Александровской улице. Увидя, что за ним погнались очевидцы преступления, как разсказывают последние, он пригрозил им бывшим у него револьвером. С Александровской площади убийца повернул на Приютскую улицу, а затем на Бекетовскую и укрылся во дворе г.-м. Емельянова. Бежавшие за ним несколько человек магометан-торговцев, видя, что убийца ускользает, сели на извозчика и быстро подскакали ко двору Емельянова, где, в надворных постройках и розыскали спрятавшегося убийцу; при нём оказался и револьвер сист. «браунинг», которым он угрожал магометанам, но те не струсили; туда-же, вскоре прибежал полицейский и отвёз убийцу во вторую часть. Второй соучастник скрылся. Сначала задержанный убийца отказался назвать себя, затем показал, что он крестьянин Архангельской волости Фридрих Судман, добавив, что проживая в Уфе, он работал на литейном заводе Киснемского. Наконец, заявил, что он в действительности Златоустовский мещанин Василий Тимофеев Алексеев[1], 18 лет. После убитого Колбе остались жена и малолетняя дочь совершенно без всяких средств к жизни[2].

(Уфимский край. 1907. 21 февраля)

---

[1] В.Т. Алексеев – рабочий Златоустовского завода. В 1906 г. был заключён в тюрьму за участие в краже оружия из Златоустовского арсенала, бежал из Златоустовской тюрьмы. Скрывался в Уфе по подложному паспорту (Уфимский край. 1907. 22 февраля).

[2] Нина Константиновна Колбе «с невыразимой скорбью извещает знакомых о кончине дорогого мужа», последовавшей 19 февраля. После панихиды, тело убитого было отправлено на железнодорожный вокзал для следования в Санкт-Петербург 24 февраля (Уфимский край. 1907. 24 февраля). А 1 марта, в день погребения Г.С. Колбе в Петербурге, в Тюремной церкви «будет отслужена заупокойная обедня» (Там же. 28 февраля).

№ 19. Некролог. А.К. Блохин

Некролог Алексей Кондратьевич Блохин.

Внезапно сошёл со сцены крупный общественный деятель в лице умершего 11 ноября Алексея Кондратьевича Блохина. Происходя из родовитой купеческой семьи, А.К. Блохин посвятил всю жизнь свою местному краю. В ранней молодости он вступил в ряды работников по городскому общественному банку, где быстро выдвинулся своей работоспособностью и деловитостью и вскоре сменил своего брата Н.К. Блохина на посту директора гор. общественного банка. На этом посту он безсменно оставался более четверти века, постоянно избираемый переменными составами гор. думы. Менялся состав думы и управы, менялся состав сотрудников, но А.К. оставался на своём посту и неуклонно вёл осторожную, но очень практичную и выгодную политику в деятельности городского банка. Под его управлением банк развил очень широко свои операции: обороты банка за время его управления банком возросли с 6 341 000 р. до 24 130 000 р. (1912 г.); капитал банка увеличился с 80 000 руб. до полумиллиона; чистой прибыли банком получено за это время до миллиона р. Учреждённый городом, по инициативе А.Д. Дашковым и Д.С. Волковым, в своём дальнейшем развитии банк был детищем А.К. Блохина и останется надолго его памятником.

Обязанности директора банка уже по самому существу своему ограничивают общественную деятельность его работников, но А.К. Блохин не замкнулся в исключительно финансовой банковской деятельности. Как человек, пользующийся широким и всеобщим уважением, он при выборах в последние 4 Государственные Думы постоянно избирался выборщиком по 1-му городскому разряду, выступая кандидатом партии к. д.

Далее он принимал близкое участие в работах комитета по постройке Аксаковского дома в качестве казначея комитета. Ежемесячные отчёты его по движению сумм комитета были залогом общественного контроля за этой постройкой.

Имея определённую репутацию прогрессивного общественного деятеля А.К. Блохин благодаря своей выдающейся корректности и безупречной общественной деятельности пользовался уважением людей разных партий и много лет под ряд стоял во главе уфимского общественного собрания председателем совета старшин.

В прошлом году А.К. Блохин праздновал юбилей своей долголетней деятельности по банку. Городское управление и сотрудники А.К. Блохина тепло чествовали заслуженного юбиляра; городская дума постановила присвоить А.К. Блохину звание по-

чётного гражданина г. Уфы.

Основной заслугой покойного пред местным краем является деятельность его по городскому банку. А.К. Блохин застал банк чисто коммерческим учреждением, обслуживающим почти исключительно интересы торгового класса; главной его операцией был учёт векселей. Оставил А.К. Блохин городской банк уже общественным учреждением, обслуживающим интересы массы городских домовладельцев. Главной операцией банка теперь являются ссуды под залог недвижимых имуществ, перешагнувшая уже за миллион рублей.

Один за другим сходят со сцены наши общественные деятели, в числе других ушёл и корректный, безупречный и уважаемый А.К. Блохин; будем надеяться, что дело обновления страны, которому он в большей или меньшей мере служил, пойдёт своим неизменным путём – к лучшему.

(Уфимская жизнь. 1916. 14 октября)

№ 20. Материалы о памятнике генерала Портнягина

«На-днях в Уфе совершенно случайно обнаружено, что на кладбище мужского Успенского монастыря, близ церковного алтаря, похоронен генерал-майор Семён Андреевич Портнягин[1] – историческая личность, – участник взятия Очакова и Измаила. Скончался он, как гласит надпись на плите, в Уфе 15 марта 1827 года, 67 лет от роду. Происходит покойный из дворян; имел знаки отличия: орден св. Великомученика и победоносца Георгия 3 ст. и св. Владимира 2 кл., Орден Большого Креста и Анны 1-й степени. За подвиги, при взятии упомянутых выше крепостей, покойный награждён двумя золотыми медалями.

Местное офицерство, на свои средства, приводит в порядок запущенную могилу покойного *очаковца*».

(Уфимский край. 1910. 27 июля)

«Памятник генералу Портнягину. Офицеры и нижние чины 48-й дивизии (Суворовской) собрали 180 руб. на памятник ген.-майору Портнягину, который принимал участие в Очаковском бою, и могила которого находится на кладбище местного Успен-

---

[1] Портнягин Семён Андреевич (1764–1827) – русский генерал (1800 г.). Участвовал в войнах с польскими конфедератами, русско-турецкой, где в 1790 г. под начальством А.В. Суворова был в армии, осаждавшей Измаил. «Во время штурма начальник штурмовой колонны подполковник Лесли был ранен, и Портнягин, приняв после него командование, первым взошёл на неприятельскую батарею и овладел ей». С 1803 г. на Кавказской линии вплоть до 1820-х гг. (с перерывом) // Ресурсы Интернета.

ского мужского монастыря. Памятник в настоящее время уже поставлен на могиле, но торжественно открыт будет только 15-го апреля настоящего года, (в начале памятник предполагалось открыть 15-го марта). К названному дню в Уфу прибудут депутации на открытие памятника от частей 48-й дивизии, в составе 2-х офицеров и 4-х нижних чинов от каждой части».

(Уфимский вестник. 1911. 22 марта)

«В военных сферах. 14 апреля прибыл на открытие памятника генерал-майору Портнягину начальник 48 пехотной дивизии ген.-лейт. Погорецкий»[1].

(Уфимский вестник. 1911. 16 апреля)

«Вчерашнего числа в мужском монастыре состоялось знаменательное торжество – освящение памятника сподвижнику взятия крепостей Очакова и Измаила – ген.-майору Портнягину. Как уже сообщалось у нас ранее, на кладбище мужского монастыря местными офицерами случайно обнаружена могила с чугунной плитой одного из героев достославной победы над турецкими крепостями Измаилом и Очаков, генерал-майора Портнягина. Тогда же между офицерством возникла мысль о сооружении герою более достойного памятника на добровольные между ними пожертвования. По испрошении надлежащего разрешения, мысль эта ныне приведена в исполнение и вчерашнего числа памятник освящён при соответствующей случаю торжественной обстановке. В освящении участвовал епископ Нафанаил. Присутствовали: управляющий губерниею, Начальник дивизии г.-л. Погорецкий, офицерство и нижние чины Очаковского полка; состоялся парад».

(Уфимский край. 1911. 16 апреля)

«В дополнение к заметке относительно открытия памятника и освящении его на могиле генерал-майора Портнягина сообщаем, что на кладбище был в полном составе 190 Очаковский полк, со знаменем; тут же присутствовал г. Управляющий губернией, Граф Толстой, г.-м. Погорецкий и мн. других.

После освящения памятника комендантом города, полковником Любавским была сказана речь, в которой, между прочим, он сообщил, что освящаемый памятник поставлен на могиле того, кто был сподвижником Суворова и кем, по справедливости, должна гордиться 48 пехотная дивизия».

---

[1] В кадетском «Уфимском вестнике» за 17 апреля 1911 г. была напечатана ещё краткая заметка об освящении памятника, где монастырь ошибочно назвали женским.

(Уфимский край. 1911. 17 апреля)

№ 21. Статья Н.А. Гурвича о Скобелевых

«Род Скобелевых в Уфимской губернии.

В № 149 от 11 июля, "Уфимского Края" напечатано было, с выражением сожаления, о том, что в Петербурге почтили память нашего героя Михаила Дмитриевича Скобелева, названием его именем какой то дальней улицы, куда редко кто и заходит из жителей вне этой улицы. – Статейка эта возбудила в моей памяти и даже внушила мне обязанность высказаться печатно и выразить свою мысль, основанную на правдивой и живой моей памяти, о том, что город Уфа едвали менее Петербурга должен почтить память Скобелева, дед которого памятный, полагаю ещё многим старым людям, безрукий комендант Петербургской Петропавловской крепости, Иван Никитич Скобелев[1], был уроженцем Уфимской губернии и, даже вероятно, самого города Уфы.

Вот моё верное сказание, которое беру на свою ответственность.

В самых последних сороковых годах минувшего столетия, мне, бывшему тогда студентом военной медико-хирургической академии, раза два удавалось видеть Ивана Никитьевича Скобелева, при особенном случае, именно, когда он переезжал на катере через реку Неву, первый по вскрытии её весною, из крепости в зимний дворец, для доклада Императору Николаю I-му о

---

[1] Скобелев Иван Никитич (1778–1849), генерал от инфантерии, военный писатель. Сын сержанта. В 1792 г. в 14 лет поступил солдатом в 1-й полевой Оренбургский полк, через четыре года получил чин сержанта, затем перевёлся в Оренбургский драгунский полк, затем в Уфимский мушкетёрский, где в 1804 г. произведён в прапорщики. После начала наполеоновских войн, с 1807 г. участвовал во многих сражениях, несколько раз ранен. С 1812 г. в чине капитана состоял адъютантом при Кутузове, отличился при Бородино. В 1828 г. – генерал-лейтенант. В 1831 г. во время военной компании в Польше лишился левой руки. В конце жизни жил в Петербурге, начальник Петербургского гарнизона, с 1838 г. комендант Петропавловской крепости. С начала 1830-х гг. в печати стали появляться рассказы и пьесы И.Н. Скобелева, имевшие большой успех у публики. В обществе Скобелева уважали и ценили за военную доблесть, честность, сердечность. И.Н. Скобелев был погребён в ограде Петропавловского собора. О Скобелеве много писали и не только современники. А. Куприн посвятил ему рассказ «Однорукий комендант». Военачальник и общественный деятель генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882) был внуком И.Н. Скобелева // www.history-ryazan.ru; ru.wikipedia.org; www.1812.ru; др. О Скобелеве также см.: Иван Листовский. Из недавней старины / публ. Я.С. Свице // Уфа: страницы истории. Книга вторая / сост. М.В. Агеева. Уфа, 2014.

вскрытии реки и, как гласила тогда народная молва (сам я конечно не видал), он как комендант, подносил Государю чашу Невской воды, которую чашу, Государь в награду наполнял золотыми монетами. Помню и похороны Ивана Никитича (в котором году – забыл). Эти случаи и вообще престиж И.Н. Скобелева у народа, считавшего его народным богатырём, как то крепко запечатлели в моей, молодой тогда, памяти общую симпатию к Ивану Никитичу Скобелеву.

Приехав в Уфу, в октябре 1853 года, я вскоре был удивлён, когда, при случайном моём разсказе о церемонии переезда коменданта Петербургской крепости через Неву, причём я назвал фамилию Скобелева, старики все встрепенулись: "Вы знали нашего Ивана Никитича? ведь он наш уфимец!" Тут самые старые старики разсказывали прямо от себя, а старики помоложе их передавали от своих отцов, что Иван Н. Скобелев уфимский уроженец из мещан, и служил в местном баталионе; что мать его после ухода его из Уфы, ещё долго жила в старой Уфе, в своём доме.

О службе И.Н. Скобелева в Уфе ещё удостоверяло одно старинное местное дворянское семейство Лазаревых, отец которых был сослуживцем Скобелева. – Я тогда так заинтересовался разсказами о Скобелеве, что стал разспрашивать многих по городу и разсказы повторялись, как свежее тогда, самое достоверное предание.

Я должен однако привести и другую версию о рождении И.Н. Скобелева вне города Уфы, но всё-таки в Уфимской губернии.

В Бирском уезде, Базановской волости (бывший удельный Печёнкинский приказ), недалеко от села Печёнкина есть деревня Пенькова (кажется – не ручаюсь впрочем за верность названия деревни). – В 50-ых годах минувшего столетия я служил медиком при Оренбургской удельной конторе в Уфе и однажды в 50-ых годах я находился по службе в сказанной деревне. – Проходя как то вечером по деревне, я встретился со старым мужичком, который остановил меня вопросом. Вы кажись из Питера к нам приехали? "Из Питера". – А видали вы там безрукого генерала Скобелева? "Как не видать – видал".

"Так вот этот самый генерал из нашей деревни, а вот гляди, и дом, где он родился". – При этом, отлично помню, как сейчас вижу, старичёк указал мне рукою невдалеке на пригорке старенький домик... Хотя меня, конечно, очень заинтересовал разсказ старика, однако-ж признаюсь, у меня возникло и сомнение, а разобраться в этом сказе я не успел; так у меня этот разсказ и остался "свежим тогда преданием", которому я с трудом однако-

ж поверил.

Итак изо-всего передаваемого мною читатель может убедиться (так как нет же основания заподозрить меня в вымысле), что, какой версии моего разсказа ни верить, Уфимская губерния во всяком случае – родина, сделавшегося впоследствии знаменитым, рода Скобелевых и поэтому городу Уфе, даже преимущественно перед Петербургом, подобает почтить память нашего отечественного героя, Михаила Дмитриевича Скобелева, и его знаменитого деда, Ивана Никитича, пользовавшегося в последние годы своей жизни общенародным уважением на Руси. Исполнить это чествование очень даже легко нашему городу, "всеобщей моде только подражая", даже самому Петербургу, и как во многих городах сделалось так излюбленным, особенно при безденежье. – Пословица говорит "голь на выдумки хитра", а теперь и не голь только, а просто экономия не уступит ей в выдумке: вместо дорогостоющих памятников, ухитрились на дешёвый суррогат – чествовать выдающихся людей и события названием улиц, в воспоминание и чествование: оно и дёшево и почтительно... А, пожалуй оно и практичнее и даже рационально. – Ведь какой ни воздвигай памятник "рукотворный", он только внове внушителен, а пройдёт время, так местные жители и совсем охладеют и иной пройдёт мимо и не взглянет, тогда как почётные названия улиц составляют памятник "нерукотворный", о котором сказал Пушкин "к нему не западёт народная тропа"; он неустанно произносится и пишется на адресах, распространяя таким образом повсюду чествуемое имя.

К этому нужно ещё прибавить, и то, что "рукотворные" памятники подвергаются и руке времени и часто современем делаются неприглядными, в особенности каменные.

Относительно местности для почётных наименований, я позволил бы себе предложить бульвар, идущий от Ушаковского парка к парку Богдановича, – в честь нашего героя Михаила Дмитриевича Скобелева, и одну из улиц в старой Уфе, в воспоминание Ивана Никитича Скобелева, который жил в старой Уфе в своём доме.

Затем я, как Уфимский старожил, исполнил свой долг, сделав известным то, что в настоящее время пожалуй совсем позабыто.

"dixi et animam Levavi!"

(Я высказал и душу отвёл!).

Николай Гурвич.

(Уфимский край. 1907. 19 августа)

(публикация М.И. Роднова)

Л.Ф. Григоренко

Памяти В.Г. Хазиева (1937–2015)

8 января 2015 года после продолжительной болезни ушёл из жизни старейший работник Центрального исторического архива Республики Башкортостан Вакиль Галимзянович Хазиев, историк-архивист, Заслуженный работник культуры БАССР. Почти вся его трудовая биография связана с Центральным государственным архивом Республики Башкортостан.

Вакиль Галимзянович родился 7 ноября 1937 года в деревне Ермунча Кандринского, в настоящее время Туймазинского, района Башкирской АССР.

Его судьба была трудной. Отец – Галимзян Валиахметович, 1903 г. р., в 1931 году был избран секретарём Ермунчинского сельского совета и проработал в этой должности до ухода на фронт в ноябре 1941 года. 8 мая 1942 года из воинской части он поступил в эвакогоспиталь № 1823 города Валдая Ленинградской области с несколькими медицинскими диагнозами, в том числе истощение. 30 мая 1942 года умер и был похоронен на городском кладбище. Эти сведения Вакиль Галимзянович запрашивал в Архиве Военно-медицинских документов Министерства обороны России и они хранятся в его личном деле. Зимой 1943 года умерла его мама, Хазиева Гульсум, 1906 г. р. Вакиль Галимзянович был отправлен в Балтаевский детский дом Кандринского района. Затем он сменил четыре детских дома. Находясь в Верхоторском детском доме в 1956 году закончил среднюю школу и поступил учиться в Уфимский библиотечный техникум. С 1958 по 1963 годы работал в районных библиотеках за пределами республики, 25 ноября 1963 года был принят на работу в Центральный государственный архив БАССР научным сотрудником (библиотекарем), где проработал 36 лет.

В 1964 году Вакиль Галимзянович поступил в Московский государственный историко-архивный институт на заочное отделение, в 1970 году успешно закончил, ему была присвоена квалификация – историк-архивист. Вакиль Галимзянович все годы работы в архиве трудился в отделе использования и публикации документов. В первые годы основное внимание в его работе было направлено на упорядочение книжного фонда, создание библиотечного каталога и комплектование научно-справочной библиотеки архива. Данный каталог составлен согласно всех правил, очень тщательно и в настоящее время он является действующим.

С 1984 года Вакиль Галимзянович стал работать заведую-

щим читального зала. Посещаемость читального зала в те годы была более низкой, чем в настоящее время, но тогда в читальном зале архива занимались такие известные историки и краеведы республики, как А.З. Асфандияров, Г.А. Бельская, З.И. и Г.Ф. Гудковы, Б.С. Давлетбаев, М.Г. Рахимкулов, Р.Н. Рахимов и многие, многие другие. Подружиться и получить консультацию у Вакиля Галимзяновича считалось большой удачей не только посетителям читального зала, но и сотрудникам архива. Он, наверно, как никто лучше знал состав и содержание архивных фондов. Благодаря своему трудолюбию, усидчивости и целеустремлённости, он был образован и имел широкий кругозор. Обычно он до глубокой ночи оставался на рабочем месте, оправдываясь тем, что в рабочее время он должен заниматься с посетителями. Он всегда планомерно и углублённо организовывал свою исследовательскую, методическую и краеведческую работу. Публикаций у него было немного, но они отличались скрупулёзностью, точностью изложения, всегда были подтверждены архивными документами. Он печатался в журнале «Советские архивы», на страницах республиканских журналов и газет. В 1970 году он подготовил обзор поступившего фонда Магометанского духовного собрания, документы которого и в настоящее время являются одними из наиболее востребованных. Он участвовал и выступал с сообщениями на научных конференциях, семинарах, делился опытом работы на зональных семинарах архивистов зоны Поволжья и Урала. Его информационные и тематические справки всегда отличались высоким профессионализмом, аргументированностью и стилем изложения.

Многие годы он являлся председателем первичной организации Кировского районного отделения общества охраны памятников истории и культуры, членом республиканского совета Башкирского отделения ВООПИК.

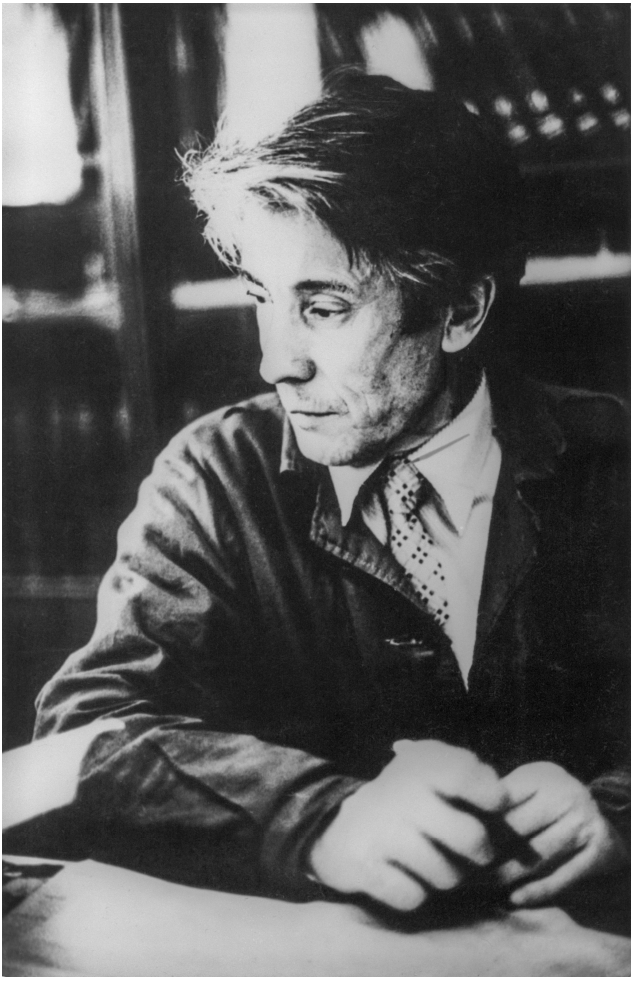
В 1978 году В.Г. Хазиеву было присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры БАССР». До выхода на пенсию в 1998 году он продолжал трудиться в отделе использования документов.

Вакиль Галимзянович вместе с супругой Фатымой Хуснуловной вырастили достойных детей – дочь Нурию и сына Булата, подрастают внуки.

Печатное слово не всегда даёт возможность передать тонкие, душевные особенности человека. Вакиль Галимзянович был особенным – своеобразным, несколько закрытым, мало на кого похожим человеком, но он был глубоко порядочным, исключительно трудолюбивым и принципиальным человеком. Он всегда очень тактично и неторопливо отстаивал свою точку зрения. Он

работал с архивными документами неторопливо, вдумчиво и бережно, как бы показывая, что работа с ними не терпит суеты. Он любил архивные документы, понимал их значение для людей и общества. Семья передала большое количество документов и книг Вакиля Галимзяновича в исторический архив, где они будут обработаны и включены в архивную коллекцию заслуженных архивных работников.

Все, кто знал Вакиля Галимзяновича Хазиева, навсегда сохранят о нём добрую память.



Памятники старины в средине северной половины Бирского уезда

(Сообщено бывшим приставом 2-го стана Бирского уезда, ныне 2-го стана Златоустовского уезда, А.Ф. Комовым)

В описаниях памятников до исторической древности Уфимской губернии, например в Справочной Книжке Н.А. Гурвича (1883 года)[1] и в других упоминаются, древние здания, городища, нагайские валы и курганы, расположенные на разных местах губернии; но не упоминается там о памятниках средины северной половины Бирского уезда, в бассейне реки Таныпа и её притоков, даже не встречается наименований «*Кала тау*», приписываемых жителями вообще почти всем тем древним остаткам, о которых излагаю в настоящем кратком описании, и могущее пригодиться для археологических изследований.

Здесь насчитывается четырнадцать городищ, валов и курганов, расположенных в пяти волостях.

В Верхне-Татышлинской волости, верстах в четырёх от деревни Верхние Татышлы и верстах в двух от г. Кальтаевой, на горах (вышиною до 200 сажен над уровнем реки) имеющих довольно крутые склоны – видны земляные валы и рвы. Вышина валов в некоторых местах достигает трёх аршин, а большею частию они или были разрыты, или изгладились временем. Жители называют эти валы по башкирски «*Кала-тау*», т. е. «нагорный городок» или «город на горе», принадлежавший неизвестным народам.

Возле околицы деревни Кальтеевой, с нагорной стороны находятся едва заметные земляные валы. Большинство из них так изгладилось, что занято пашнею жителей этой деревни. Валяется много камней. Никаких преданий об этом укреплении не сохранилось; называется: «Кала-тау».

Ниже деревни Уразгильдиной, верстах в трёх, на правой стороне речки Бармыш, на обширной равнине, землянной вал, описывая четырёх-угольник, окружает площадь примерно в 50–100 сажен. Хотя вал изглаживается, но вышина его и сейчас около 1 ½ аршин. Всё заросло берёзовым лесом. Укрепление это окрестным жителям служит местом прогулки. Оно входит в район Каратаныпской вотчинной дачи башкир Старо[б]алтачевской волости – отходит в запасный (казённый) участок той дачи.

Прежде, не так давно, здесь на поверхности находилось

---

[1] См.: *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883.

много обломков глинянной посуды и встречались металлические наконечники стрел, но из какого металла – указаний недобыто. Ещё говорят что «Кала-тау» остались от времён «Хан-земиг», а в переводе на русский язык будет: от времён ханства.

Подобные Кала-тау есть ещё близ д. Чукуровой и д. Юг. Последняя деревня в Павловской волости близ границы Верхне-Татышлинской.

Верстах в двух восточнее – д. Новые Казанчи, у право[г]о берега речки Тюльгуч есть родник именуемый башкирами Святым ключём, а также родником «Алла-Бий». Выше его замечается незначительный холм, может быть изгладившийся от времени курган. Родник представляет наполненную водой яму, глубиною до двух и шириною три аршина. Посредине дна выбуривает очень чистая вода. Всё это поверх обнесено срубом и вода стекает по желобу. Башкиры приписывают ему целебное свойство. Сюда много ходят чающих исцеления как мусульман, так и русских, даже из соседнего Красноуфимского уезда. Жители разсказывают, что помянутый курган есть могила одного мусульманского путешественника из Ташкента (вероятно миссионера). Это, кроме предания, будто бы указывала имевшаяся надпись на исчезнувшем неизвестно куда надмогильном камне. Путешественник по мнению башкир был святой, почему возле могилы открылся ключ имеющий целебную воду.

В Старо-Балтачевской волости, в версте на юге от деревни Бигильдиной, по левую сторону речки, выдавшийся на низьменность от небольшой возвышенности мыс с юго-восточной стороны обнесён незначительным валом, имеющим в настоящее время вышину неболее аршина. Поверхность мыса ровная, длина его с полверсты, с трёх сторон обрывистый склон до шестидесяти сажен вышины омывается незначительным по величине, но глубоким озером *Кала-куль* (городское озеро), а с четвёртой стороны помянутый выше вал. Место это частью под пашнею, частию покрыто мелким березником. Близко вала, вне городища указывают едва заметные могилы. Место это жители называют *Кала-тау*.

С противоположного конца той же деревни, на правом берегу речки имеется тоже длинный вал, огибающий площадку, оканчивающуюся с одной стороны (к речке) каменистым, очень высоким, обрывом – это также называется *Кала-тау*.

По виду валов, надо полагать, что последнее укрепление относится к другому периоду времени, чем предыдущее Кала-тау. Никаких преданий об этих местностях не сохранилось. Население убеждено, что на дне озера Кала-куль скрыты сокровища.

Осенью 1887 г., в полуверсте от первого Кала-тау, при обработке пашни найдено два одинаковых чугунных ядра, диаметром 3 1/8 сантиметра каждый. Ядра мною получены от башкира дер. Бигильдиной Гарея Шарыпова и отосланы в 1889 г. Н.А. Гурвичу*.

Верстах в семи от той же деревни Бигильдиной, а от дер. Мишкиной приблизительно в двух, есть следы бывшего укреплённого пункта. Он называется «*Тимир-кала*», т. е. железный город. Место это обнесено версты на три землянным валом и рвом. Вал достигает в некоторых местах сажен. вышины. Большая часть его покрыта молодым лесом, выросшим после сгоревшего в 1864 году девственного леса, в котором, как говорят, заключались вековые дубы (даже на валу) и на некотором пространстве занято розчистями Бигильдинских башкир.

От чего произошло наименование «*Тимир-кала*» и к какому периоду относитс[я] город – в предании утратилось; но существует убеждение, что в таком же виде вал был и 300 лет назад.

Между деревнями Мещеровой и Тибилевой, близ правого берега реки Таныпа небольшая группа гор, которая по башкирски называется: *Чукалы*, *Турлыгар* и *Карали*. Вершина средней горы представляет равнину. Юго западная сторона её оканчивается обрывистым краем вышиною неменее ста сажен, а с противуположной (к р. Таныпу) отлогой стороны большой трёхаршинный землянной вал и возле него ров, каковой тянется на всю длину площади вершины, загибаясь с обоих концёв к обрывистому краю, образуя таким образом элипсовидную защищённую ровнину длиною около полуверсты и шириною до ста сажен. В южном крае равнины гора, выдаваясь мысом, имеет возвышение сажен в двадцать в поперечнике, которое в свою очередь тоже обнесено валом и возвышается над остальной частию защищённой площади аршин на восемь. На всей маленькой возвышенной площадке, поверхность изрыта повидимому весьма недавно – вероятно искателями кладов.

Саженях в восьмистах юго-восточнее предыдущего городища, на оконечности горы, наиболее возвышенной, почти круглая площадь вершины, имеющей в поперечнике более ста сажен тоже обнесена земляным валом. Вал и рядом с ним ров тянется на верх спирально. Поверхность вала вероятно служила ещё и въездной дорогой в город. Без пути спиралью, по крутизне, въезд был бы невозможен. Ниже спирального вала, наиболее отлогое место горы перерезывает ещё другой вал. Форма валов

---

* Ядра, обыкновенные картечные пули, переданы в Уфим. Губ. Музей. *Н.Г.* – примечание редактора «Уфимских губернских ведомостей» Н.А. Гурвича.

очень хорошо сохранилась. Жители говорят, что при въезде на вершину ещё в недавнее время были следы каменных столбов, вероятно от ворот, но столбы разобраны и употреблены жителями на свои постройки. В настоящее время мною не найдено никаких признаков столбов. Здесь по словам жителей был вековой преимущественно дубовый лес, который вырублен, а сейчас все валы и площади городищ заросли нестарым дубовым и пихтовым лесом, а небольшая часть служит сенокосом.

Описываемые городища занимают высшие точки над окрестностью (до 260 саж. над уровнем реки Таныпа). С первого городища видно в южную сторону вёрст на тридцать, а с востока вид заслоняет второе городище; с последнего видно вёрст на сорок в южную и восточную стороны.

По разсказам жителей здесь есть курган длиною до десяти аршин над могилой какого то вождя, замечательного по росту и силе, но мне (в 1888 г.) не удалось попасть на этот курган. Место в окрестностях валов служило жителям предметом постоянных поисков кладов, но находилось ли чего – неизвестно. Утверждают, что здесь жили больше рослые воинственные люди, одни называют их Алыплар, но больше называют Киргизами, которые ушли и оставили свои сокровища зарытыми. Немногие упоминают о вожде Икъ и даже определяют, что это относится ко времени пятьсот лет назад.

В Казыл-яровской волости тоже есть горы с обнесёнными землянными валами и рвами (из местного же грунта), а именно: у дер. Югомашевой на горе Югомаш-тау, возле дер. Шулгановой на горе Токман-тау или Токшан-тау и наконец при дер. Мосягутовой на горе Кала-тау.

Передают, что на последней горе жил какой то воинственный Хан. Все городища принадлежали прежним неизвестным народам, а больше этого никаких преданий не сохранилось. У подножья той же горы Кала-тау родник, именуемый башкирами «Хан-чишма», т. е. Ключ Хана.

В Ваныш-Алпаутовской волости, на горе, у подножья которой раскинулась деревня Нижняя Кансуярова, близ правого берега реки Таныпа будто-бы жил Хан, который зарезан. От этого данная местность как и близ лежащая деревня получили у башкир название: Хан-суяр, т. е. зарезанный Хан – искажённое в последствии в Кансуярову.

По разсказам других, на горе невидно признаков жилища или укреплений.

О перечисленных выше местностях существуют предания, но за недостатком времени мне не удалось добыть все подробности.

Найденные около дер. Бигильдиной два чугунных ядра или пули разумеется неотносятся до глубокой древности. В народе сохранились предания о Пугачёвских бунтах, но никто не проговаривается, что Кала-тау этой деревни, как и все описанные, относятся к этому времени, так что может быть и на самом деле ядра не имеют отношения к данному укреплённому пункту.

Мне известно, что в Арсенале Златоустовской оружейной фабрики хранится железный ствол (огнестрельного оружия) – длиною около 2 ¾ арш. Диаметр дула его около четырёх сантиметров. По преданию он найден после нападения Пугачёва (1774 года) около г. Златоуста. Поэтому надо вывести предположение, что найденные у дер. Бигильдиной ядра (в 3 7/8 сантиметра) служили материалом орудия той же системы, какой хранится в Златоустовском арсенале и относятся к периоду Пугачёвщины.

А.Ф. Комов

(Уфимские губернские ведомости. 1889. 10, 17 июля)

В начале 1880-х гг. редактор неофициальной части «Уфимских губернских ведомостей» Николай Александрович Гурвич испытывал сложности с авторами, работающими в жанре исторического краеведения. Главный поставщик таких материалов – Руф Гаврилович Игнатьев – уже был в преклонном возрасте, ему требовалась замена. Потерпев неудачу с публицистами из интеллигенции, редактор Н.А. Гурвич начал привлекать авторов из народа – волостных старшин и писарей, сельских священников, учителей, в том числе сотрудников полиции. И, действительно, в это время в местном краеведении появился целый ряд авторов из системы МВД и других структур – Н.Н. Макаровский[1], К.Ф. Комар[2], А.Ф. Комов и др. Публикуемая статья Комова, он затем долгое время оставался на службе, в конце 1890-х гг. занимал пост земского начальника, свидетельствует об искреннем интересе к истории и достаточно высоком культурном уровне полицейского, наблюдательности, желании выкроить время для более детального исследования даже археологических памятников, расспросах местных жителей о преданиях и легендах.

После открытий и широкомасштабных раскопок А.С. Уварова и П.С. Савельева Владимирских курганов[3] и других древностей в средней полосе России взоры многих исследователей

---

[1] См.: Географическое и статистическое описание пятого стана Уфимского уезда / сост. Н.Н. Макаровский. Уфа, 1887.

[2] *Комар К.Ф.* Ревизия и описание Караякуповской волости Уфимского уезда // Уфимские губернские ведомости. 1880. 29 ноября, 13, 20 декабря.

[3] *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 54.

обратились к местным доисторическим памятникам, историческому краеведению. Повсеместно во второй половине XIX в. открывались музеи, описывались и исследовались археологические и исторические памятники.

Своеобразным итогом этих работ стали выпуски археологических сводов (списков), в том числе и в Башкирии. К ним можно отнести публикацию Р.Г. Игнатьева[1], на основе которой уже в советское время геологом Г.В. Вахрушевым был составлен список археологических памятников, опубликованный в 1926 г.[2], и ставший основой следующего свода – так называемой картотеки Б.А. Коишевского, явившейся в свою очередь основой для составления «Археологической карты Башкирии»[3].

Опубликованное в 1889 г. в «Уфимских губернских ведомостях» сообщение А.Ф. Комова, в отличие от других описаний памятников старины второй половины XIX – начала XX вв., осталось незаслуженно забытым последующими исследователями и составителями списков (сводов) археологических памятников.

В публикации А.Ф. Комова представлены сведения о 16 археологических объектах, расположенных на территории 4 районов современного административного деления (Аскинский – 1; Старо-Балтачевский – 7; Татышлинский – 6; Янаульский – 2). Описания изобилуют указанием расстояний от населённых пунктов и других географических ориентиров, высот над уровнем поймы, размеров городищ, длины и высоты валов, глубины рвов, что позволяет предполагать непосредственное участие автора в осмотре большей части перечисленных археологических объектов. Об этом также свидетельствуют записанные со слов местных жителей легенды и предания, относящиеся к описываемым городищам и курганам.

Из описанных автором памятников современной науке известно четыре: Кансиярское (588[4]/21[5]), Месягутовское (531), Шульгановское (Кала-Тау) (533/8), Югомашевское I (Кала-Тау) городища (535/5). Все они относятся к памятникам бахмутинской культуры, вновь обнаружены и описаны Н.А. Мажитовым в

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии, как-то: древние здания, городища, Ногайские валы, курганы, древние находки и т. д // *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел V. Разные исторические и археологические сведения по Уфимской губернии. С. 328–355.

[2] *Вахрушев Г.В.* Памятники природы, старины и искусства Башкирии // Башкирский краеведческий сборник. Вып. 1. Уфа, 1926.

[3] Археологическая карта Башкирии. М., 1976.

[4] Номер по: Археологическая карта Башкирии.

[5] Номер по изданию: Археологические памятники Башкортостана. Уфа. 1996.

ходе разведочных работ, проведённых в 1959 и 1967 гг. Небольшим раскопом исследовалось в 1959 г. только Кансияровское городище[1]. Кроме Месягутовского городища, в 1988 г. остальные обследовались Б.Б. Агеевым[2]. В 2003 г. на Кансияровском городище проводились небольшие раскопки автором, кроме бахмутинской найдены фрагменты керамики ананьинской культуры. В 2010 г. мною в ходе инвентаризации археологических памятников Янаульского района осматривались городища Месягутово-1 (Месягутовское), Югомаш-2 (Югомашевское I).

К сожалению, проверить информацию А.Ф. Комова об остальных археологических объектах непосредственно в «поле» пока не удалось, но изучение мелкомасштабных карт и рельефов показало, что в пределах и направлениях, указанных автором сообщения, имеются весьма удобные места для расположения городищ и большие перспективы их обнаружения.

(публикация и комментарии И.М. Акбулатова)

---

[1] Археологическая карта Башкирии. С. 81–82, 87; *Мажитов Н.А.* Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 147.

[2] Археологические памятники Башкортостана. С. 76, 78, 84.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Кировской области;
ГАПК – Государственный архив Пермского края (Пермь);
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи:
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва);
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург);
РФ ГАЯО – Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (Ростов Великий);
ТОХМ – Томский областной художественный музей;
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан (Уфа)

Список авторов

А-въ – журналист, краевед начала XX в. (псевдоним) (Уфа)

Азнабаев Булат Ахмерович – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа)

Акбулатов Ильдар Мударисович – кандидат исторических наук, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск)

Гончаренко Евгения Борисовна – заведующая отделом реставрации Томского областного художественного музея (Томск)

Григоренко Людмила Фёдоровна – заместитель директора Национального (быв. Центрального исторического) архива РБ (Уфа)

Комов Александр Филаретович – коллежский регистратор, становой пристав 2-го стана Златоустовского уезда Уфимской губернии (на 1889 г.), краевед

Крестьянинова Елена Ильинична – старший научный сотрудник отдела истории Ростова XIX – начала XX века, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» (Ростов Великий)

Макарова Вера Николаевна – кандидат исторических наук, Национальный музей РБ (Уфа)

Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933) – русский писатель

Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) – доктор медицины, писатель, путешественник (Санкт-Петербург)

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы уфимского научного центра РАН (Уфа)

Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы уфимского научного центра РАН (Уфа)

Тюрина Инна Петровна – старший научный сотрудник Томского областного художественного музея (Томск)

Узенева Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское», Пушкинский Заповедник (Псковская область, пос. Пушкинские Горы)

Чечуха Анатолий Львович – краевед, журналист, заведующий отделом публицистики журнала «Бельские просторы» (Уфа)

Научно-популярное издание

Река времени. 2015

Сборник

Подписано в печать 03.06.2015.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Bookman».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 9,78. Уч.-изд. л. 9,92.
Тираж 100 экз. Заказ 191

Отпечатано в ООО «АльфаРеклама»
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 37, кор. 3, 2 эт.;
тел. (347) 291-13-60